

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ - ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
РИО - ЦЕНТР

МИР ВОКРУГ РОССИИ: 2017

КОНТУРЫ НЕДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

МОСКВА 2007

Издание осуществлено в рамках проекта «Внешние условия развития Российской Федерации в 2007–2017 гг.», проводимого Советом по внешней и оборонной политике, Государственным университетом – Высшая школа экономики и РИО-Центром с участием коллектива экспертов СВОП, факультета мировой экономики и мировой политики ГУ–ВШЭ, Института стратегических оценок и анализа, Института Европы РАН и других организаций.

**Ответственный редактор
и руководитель авторского коллектива**

С.А. Караганов

Редакционная коллегия

Т.В. Бордачев

В.А. Гусейнов

С.А. Караганов

Ф.А. Лукьянов

В.В. Радаев

И.Ю. Юргенс

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Мир сегодня и завтра	4
--------------------------------	---

Часть I. ТЕНДЕНЦИИ

1. Мировая экономика	11
2. Военно-политическая обстановка	24
3. Кризис управляемости международной системы	39
4. Эволюция глобального рынка энергоресурсов	55
5. Экологические вызовы	73

Часть II. РЕГИОНЫ

1. Восточная Азия и стратегия развития России	87
2. Американский фактор и его эволюция	99
3. Европейский союз: возможные пути развития	112
4. Постсоветское пространство: уходящая реальность	122
5. Угрозы и возможности Ближнего Востока	136
6. Латинская Америка на пороге перемен	151

МИР СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

То, что вы держите в руках, – не законченное произведение. Это скорее интеллектуальная провокация, по сути, тезисы (хотя не все тексты строго выдержаны в тезисном формате) для обсуждения, набросок более серьезного исследования, которое предполагается выпустить в конце 2007 года.

На основе предложенных материалов будет проведена целая серия дискуссий и ситуационных анализов, а по их результатам подготовлен более фундаментальный прогноз. Планируется не только углубленная переработка уже существующих глав. Тематика расширится, в первую очередь, за счет введения междисциплинарных глав: по эволюции идеологий и цивилизаций, по роли человеческого капитала и новых технологий, учета замечаний и предложений, высказанных нашими читателями, в том числе на сайте Совета по внешней и оборонной политике (www.svoif.ru). Эти разделы находятся в работе, но пока не готовы даже для предварительного обсуждения.

Работа над каждой главой строилась следующим образом. Вначале – предварительное обсуждение рабочей группой, состоящей из авторов, консультантов и редакторов проекта. Затем основные авторы готовили проекты текстов, в дальнейшем снова многократно переработанные.

2008 год станет судьбоносным для России, которая в который уже раз оказывается на историческом перекрестке. В ближайшее время предстоит определить новую стратегию на будущее. Для этого отечественному политическому классу необходимо хотя бы в общих чертах представлять себе, в какой международной среде России придется развиваться.

Каким бы ни был уровень национального суверенитета, внешний мир во все большей степени определяет внутреннее развитие отдельных государств. Можно и нужно стремиться к тому, чтобы обеспечить себе максимальную свободу действий. Но в эпоху углуб-

ляющей глобализации, активизации трансграничных процессов и многослойной взаимозависимости данная свобода будет все более относительной. Перелом в глобальных тенденциях может случиться только вследствие серии катаклизмов всемирного масштаба. Они пока не просматриваются, хотя укрепляется ощущение, что угрозы накапливаются и проявятся за горизонтом прогнозного периода.

Но ближайшее десятилетие обещает быть бурным и малопредсказуемым. Тем более необходимо фундаментальное научное прогнозирование, хотя дело это очень сложное. Уже давно в нашей стране не предпринималось сколько-нибудь серьезных попыток дать обширный прогноз изменений мира, к которому нужно приспособляться самим и который нужно приспособлять к своим нуждам. Поэтому при работе над данными материалами авторам и консультантам было трудно на что-то опереться. С большой осторожностью мы использовали и зарубежные разработки. Прогнозы, особенно те, что готовятся в недрах государственных учреждений, почти неизбежно подстраиваются под текущие идеологические постулаты, являются инструментами информационного воздействия на экспертные и политические классы других стран и регионов.

В представленных материалах немало противоречий. И внутри отдельных глав, и между ними. Редакторы пытались по возможности их сгладить, но не стремились нивелировать полностью. Основным авторам оставляли право на самостоятельные оценки и прогнозы. Тем более что в современном хаотичном мире никто не может претендовать на истину в последней инстанции. Известная шутка: «Предсказывать очень трудно, особенно будущее», – сейчас актуальна, как никогда.

Не буду пытаться подменить введением содержание всего издания. Ограничусь упоминанием некоторых из идей, которые кажутся мне особенно существенными.

Мировая экономика продолжит развиваться динамично и поступательно, несмотря на возможные кризисы и колебания. Ко второй половине прогнозного периода даже в Европе вероятен устойчивый рост. Эти тенденции способствуют оздоровлению международных отношений и устранят многие причины внутренней напряженности. Хотя оборотная сторона экономического роста (социальные расслоение и поляризация) чревата дополнительной напряженностью.

Итак, общие экономические тенденции обещают быть позитивными, но продолжающаяся, а, скорее всего, и обостряющаяся политическая и военно-политическая нестабильность на расширен-

ном Ближнем Востоке будет оказывать негативное воздействие на всю глобальную ситуацию. Наиболее оптимистичным сценарием было бы даже не разрешение существующих конфликтов, а хотя бы недопущение их эскалации. Уже во второй половине десятилетия достаточно вероятно начало нового раунда распространения ядерного оружия, нарастание гонки обычных вооружений.

Управляемость международными процессами продолжит падать, эрозия затронет и внутреннюю управляемость различных стран, причем это относится даже к устоявшимся демократическим системам развитых держав.

Вместо вызывавшего опасения однополярного мира, в котором доминировала одна сверхдержава, мы столкнемся с иной реальностью. И не с любезной многим «многополярностью», а с растущей хаотизацией, образованием вакуума управляемости и безопасности.

Вакуум может начать заполняться лишь к концу прогнозного периода. Да и то только в том случае, если политические классы ведущих держав осознают необходимость преодолеть разобщенность и традиционное недоверие, сумеют подняться над собственными эгоистическими предрассудками и приступить к строительству новой системы всеобщей безопасности.

Энергетика останется ключевым среди факторов, определяющих будущее мира. Но ко второй половине прогнозного периода нынешняя острота энергетических проблем будет частично преодолена. Энергетические потоки отчасти переориентируются в направлении растущих экономик Азии. Роль энергетики и особенно традиционных энергоносителей для Соединенных Штатов и Европейского союза начнет уменьшаться. И это необходимо учитывать Москве, чтобы не оказаться в плену несбыточных иллюзий «энергетической сверхдержавности».

Несмотря на принимаемые меры, неизбежно обострение ряда экологических проблем мирового масштаба (дефицит питьевой воды, изменение климата, исчезновение лесов). Экологический ресурс России велик, и перед ней открываются дополнительные экономические и геополитические возможности. Но они же могут обернуться вызовами, если уже сейчас не готовиться к самостоятельному освоению собственного экологического достояния.

Восточная Азия продолжит движение к превращению в центр мирового экономического роста. Там проявятся «мягкие» интеграционные тенденции, которые к середине десятилетия, возможно, начнут обретать и форму институтов.

Влияние Соединенных Штатов продолжит слабеть, им грозит «постирацкий синдром». Однако к концу прогнозного периода США приступят к частичному восстановлению своих международных позиций, хотя уже и не смогут претендовать на роль «единственной сверхдержавы». (Впрочем, и в предшествующие годы она носила скорее виртуальный характер.)

Новые тенденции все более заметны и на «заднем дворе» Соединенных Штатов – в Латинской Америки. «Левый дрейф» сопровождается внешнеполитической активизацией латиноамериканских государств после продолжительного затишья в 1990-е годы. США пожинают плоды своего невнимания к региону на предыдущем этапе, а Европейский союз, напротив, постепенно укрепляет свои позиции.

В ближайшие несколько лет Евросоюз будет пребывать в состоянии прострации. Эйфория от интеграционных успехов породила завышенные требования стран – членов ЕС к этому образованию, а слишком резкое и быстрое расширение в период 1995–2006 годов привело к сбоям в работе общеевропейских механизмов. Однако к середине прогнозного десятилетия интеграционный процесс, вероятно, начнет выходить из системного кризиса. Активизируются экономические реформы, возможен назревший отход от застойной модели развития. Не исключено некоторое продвижение к общей внешней политике, а вот перспектив эффективной оборонной политики Европейского союза не просматривается. В любом случае ближайшее десятилетие определит модель развития будущей Европы, причем сценариев может быть несколько.

На большей части постсоветского пространства продолжатся тенденции к размежеванию. Реальные интеграционные процессы возможны только между Россией и Казахстаном, да и то если будут приняты и реализованы далеко идущие решения. (Если в Минске в скором времени сменятся режим и модель развития, в принципе возможно подключение к интеграционным начинаниям и Белоруссии.) В любом случае бывшие советские республики будут все больше тяготеть к различным региональным державам. В какой-то момент российское руководство, видимо, признает очевидное: постсоветское пространство не является больше главным внешнеполитическим и внешнеэкономическим приоритетом Москвы.

Тезисы не прогнозируют российскую внешнюю политику, хотя и дают ряд рекомендаций. Можно сделать общие выводы. Мир будет противоречив, неустойчив и податлив для влияния. В такой среде точная политика даже при ограниченности ресурсов способна сделать

очень много для успеха страны и ее граждан. Главные стратегические изменения начнутся в конце или за пределами прогнозного периода. От внешнеполитических решений, принятых в ближайшие годы, будет зависеть, в каком направлении движется Россия. Страна способна продолжить (хотя и не столь стремительно, как в последние годы) восхождение к роли великой и богатой державы будущего. Однако ошибки приведут к тому, что российская «звезда» может снова закатиться, причем этот закат окажется практически необратимым.

Рывок последних лет был легче, чем предстоящий путь. Мы стартовали из развала конца 1990-х, когда и государства-то почти не было. Чтобы принимать верные решения, сегодня необходимо как никогда хорошо знать и понимать внешний мир, от которого Россия будет все больше зависеть.

Расширению этих знаний и углублению понимания и стремились в меру своих скромных сил способствовать авторы и редакторы данного издания, а также организации, которые их поддерживали.

С.А. Караганов

ЧАСТЬ I.

ТЕНДЕНЦИИ

1

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Введение

Два предыдущих десятилетия стали для мирового развития периодом глубочайших политических и социально-экономических сдвигов. Эти изменения не могли иметь четкой и однозначной направленности, изобиловали противоречиями, сочетанием позитивных и негативных последствий для дальнейшего прогресса человеческого общества. Вместе с тем, именно на их основе можно прогнозировать наиболее вероятные сценарии развития мировой экономики, органичной частью которой после 1991 г. стала и Россия. Новые возможности, при этом, откроются в сфере инновационного развития экономики, выходящего за пределы ориентированной на сырьевой экспорт.

Важнейшие изменения глобального масштаба, произошедшие в мировой экономике с конца 1980-х гг., можно обобщенно свести в четыре группы.

Во-первых, после падения СССР произошла фактическая ликвидация мировой экономической системы социализма и централизованно-административного хозяйственного порядка, противостоящего рыночному порядку. Это открыло возможность для рыночной трансформации бывших социалистических стран Европы.

Во-вторых, ускоренными темпами нарастала глобализация мировой экономики. Этот процесс приобретал новое качество благодаря расширению инновационной составляющей глобализации, а также

Основной автор главы – директор Всероссийского научно-исследовательского института внешнеэкономических связей (ВНИИВС), профессор ГУ-ВШЭ, д. э. н. **В.П. Гутник**.

развитию региональной интеграции. Создавая новые возможности, глобализационные и интеграционные процессы порождают и проблемы, приобретающие временами острую (кризисную) форму.

В-третьих, мировой экономический рост в целом ускоряется. Однако сохраняется (и даже усиливается) его неравномерность, в том числе и различие качества роста, отмечается региональная дифференциация. Доля «старых» развитых стран в мировом производстве устойчиво сокращается, появляются новые лидеры в Азии и Восточной Европе. При этом усугубляется социально-экономическая деградация большого числа отсталых государств, прежде всего в Африке.

В-четвертых, в полной мере проявился тот факт, что социально-экономические модели, выработанные промышленно развитыми странами в XX в., не соответствуют условиям глобализирующегося мира и новому постиндустриальному этапу. Это привело к началу модернизации (реформирования) этих моделей (прежде всего их политико-экономических и социальных элементов).

Данные сдвиги определили повестку дня на годы вперед. Можно с высокой степенью вероятности предположить, что будущее десятилетие станет периодом приспособления субъектов мирового хозяйства к новым условиям, «переваривание» того, что зародилось на рубеже веков. Этот процесс, очевидно, пойдет достаточно быстро, хотя и в форме эволюционных изменений.

Предполагаемые рамочные условия развития мировой экономики

Прогнозируя развитие мировой экономики на ближайшие 10 лет, мы исходим из следующих основных предпосылок:

- несмотря на имеющиеся угрозы и высокую вероятность локальных конфликтов, до 2017 г. в мире не случится масштабных войн или вооруженных столкновений, способных существенно поколебать мировую экономику. В частности, не будут предприняты военные действия против Ирана или КНДР, не произойдет качественная эскалация ближневосточного конфликта, не возникнет новых очагов напряженности в Латинской Америке или в Восточной Азии, оружие массового уничтожения не попадет в руки террористов, а ка-

катастрофических террористических актов в странах Запада удастся не допустить;

- сохранится стабильность поставок энергоносителей, а цены на них будут колебаться в приемлемом диапазоне с небольшим повышательным трендом (для нефти марки *Brent* от 45 до 70 долл. за баррель в нынешнем масштабе цен). Доля альтернативных энергоисточников будет медленно увеличиваться;
- мировая валютная система не подвергнется каким-либо потрясениям. Ослабление позиций доллара, по всей вероятности, неизбежно, но скорее в пользу евро, чем какой-либо третьей валюты, например, юаня. Последний, несмотря на успехи китайской экономики, в прогнозируемый период вряд ли завоюет статус мировой валюты;
- скорость обращения международных финансовых потоков повысится, а их объемы вырастут, но одновременно будут совершенствоваться и методы, предотвращающие коллапсы на финансовых рынках. В отдельных странах перемещения краткосрочного спекулятивного капитала могут спровоцировать кризисы, которые, впрочем, будут локализованы;
- инновационное развитие ускорится. Это создаст условия для модернизации традиционных отраслей, общего повышения производительности труда и расширения на этой основе постиндустриальной модели на все большее число стран. При этом зависимость экономического развития от материальных ресурсов, в том числе энергетических относительно уменьшится. Очевидно, ускорится процесс распространения технического знания и сократится продуктовый цикл. Вместе с тем в ближайшее десятилетие мы не предполагаем каких-либо революционных технологических сдвигов, хотя прогресс в ряде сфер может быть весьма значимым. К ним относятся биотехнология, нанотехнологии, коммуникации (переплетение и интеграция средств коммуникации), а также технологии, связанные с защитой окружающей среды;
- экологические ограничения не станут критическими, угроза глобальных дефицитов (например, по пресной воде), равно как и глобального загрязнения, не повысится до острокризисного уровня, а снижение подобных рисков не будет сопряжено с чрез-

мерными издержками как для государственных бюджетов, так и для бизнеса. Правда, в отдельных регионах нехватка пресной и питьевой воды может достигнуть предкризисного уровня;

- прирост населения в мире замедлится (причем темп замедления будет нарастать к концу прогнозируемого периода, хотя особенно заметным этот процесс станет уже в период 2020–2040 гг.). Это замедление затронет все регионы мира, хотя и будет неодинаковым (так, если население мира вырастет за 2007–2017 гг. в целом примерно на 10%, то население 27 стран – членов ЕС менее, чем на 2%). В силу увеличения продолжительности жизни ускорится процесс старения населения;
- интенсивность миграционных потоков несколько возрастет, но будет сдерживаться как административно-ограничительными (полицейскими) мерами, так и позитивными изменениями в ряде стран – потенциальных источников трудовой и социальной эмиграции. Тем не менее иммиграция в Северную Америку и Европу скорее всего увеличится.

Глобальные экономические сценарии

1. Повышение рисков

Хотя изложенные выше рамочные условия представляются более вероятными, не следует сбрасывать со счетов и иной, пессимистической, вариант развития событий.

- Быстро выйти из рецессии, наподобие того, как это удалось сделать в 2001 г., не получится, особенно если возникнет разрыв в развитии и серьезный экономический и политический конфликт между «старыми» высокоразвитыми странами (все еще обладающими наибольшим экономическим и инновационным потенциалом) и новыми азиатскими лидерами экономического роста.
- Это может произойти, если развитые страны резко повысят протекционистские барьеры и попытаются (например, через свои ТНК) воздействовать на характер хозяйственного развития в наиболее динамичных экономиках.
- При этом вероятно возведение и укрепление иерархических экономических и экономико-политических конструкций,

«вертикалей» (прежде всего на уровне национальных хозяйственных систем), в противовес сетевому, т. е. горизонтальному, взаимодействию экономических субъектов.

С таким вариантом сопряжен сценарий, по которому в большинстве ведущих стран мира ключевую роль будет играть сильное государство. Оно возьмет на себя заботу о безопасности, обеспечении равенства возможностей и свободы индивидов. Одновременно государство станет активно включаться в иерархические хозяйственные системы, а отчасти и создавать их, формируя новую модель корпоративной экономики со своеобразным «государственно-частным партнерством». В результате хозяйственное развитие замедлится, но в течение какого-то времени останется устойчивым, без заметных конъюнктурных колебаний. Однако расширение экономических компетенций национального государства (внутренняя экономическая делиберализация) неизбежно обернется торможением глобализационных процессов, которые сами по себе невозможны при сужении либеральных элементов во взаимоотношениях государства и бизнеса. Динамика будет разменяна на устойчивость, которая, однако, вряд ли окажется прочной и долговременной.

Наибольшие угрозы кроются в создании блока исламских стран, Китая и Индии в экономической борьбе против Запада. Возведение «патриотических» барьеров в высокоразвитых странах как реакция на безудержную экспансию азиатских производителей не только замедлит общемировое развитие, но и способно спровоцировать серьезные сбои в функционировании мирового хозяйства (торговой, валютной, финансовой систем). В проигрыше останутся обе стороны, равно как и Россия, даже если она попытается в данном случае сохранить нейтралитет.

2. Глобальное ускорение

Несколько более вероятен оптимистический сценарий. Развитие продолжает ускоряться, сохраняются (или даже слегка – до 5–5,2 % – повышаются) среднегодовые темпы роста мировой экономики. Основа роста – продолжающийся бум в Китае и Индии (8–10 % в год для каждого), быстрый прогресс постсоциалистических стран (6–7 %) и ускорение развития в постиндустриальных странах Запада (около 4 % в США и 2,5–3 % в Западной Европе и Японии). Реализа-

ция подобного сценария требует общемировой стабильности как на основных рынках, так и в политической сфере, существенного продвижения в сторону дальнейшей либерализации движения основных благ (в частности, услуг) и ресурсов, быстрого технологического прогресса (в том числе за счет расширения инновационного пространства и прорывов по ряду направлений, скажем, в энергетике), а также повышения эффективности экономической политики (в том числе в ведущих странах) и быстрого проведения назревших реформ в Западной Европе.

К сожалению, считать столь благоприятный сценарий основным вряд ли возможно. Даже сохранение нынешней политической нестабильности (не говоря уже об ухудшении геополитической ситуации) будет сдерживать ускоренное мирохозяйственное развитие, которое во многом базируется на рациональной глобализации рынков и продолжающемся углублении разделения труда. Качественного сдвига можно добиться в случае существенного повышения доверия и кооперативного поведения подавляющего большинства субъектов мировой экономики, но в прогнозируемый период ожидать этого не приходится.

В лучшем случае можно предотвратить резкую эскалацию напряженности между западным и исламским миром, между евроатлантическим и азиатским капиталом. При благоприятном развитии событий потребуются полтора-два десятилетия, чтобы постепенно, посредством медленного движения навстречу друг другу, методом тактических сближений в сферах, представляющих обоюдный интерес, выстроить более или менее надежные мосты между Западом, Южной и Восточной Азией. Ближний и Средний Восток едва ли станет в ближайшие годы регионом стабильности, потому какого-либо «экономического чуда» здесь ожидать трудно. В Латинской Америке возможны как всплески, так и откаты к стагнации, причем одним из основных факторов, определяющих характер и темпы роста, остается политический – стабильность правительств и эффективность проводимой ими политики.

Более того, ускоренное развитие постиндустриальных стран – особенно западноевропейских – находится под большим вопросом, поскольку структурные и институциональные реформы сдерживаются отсутствием как общественной поддержки (граждане обоснованно опасаются демонтажа социального государства под видом его модернизации), так и политической воли, единого видения и способности

реализовывать стратегию реформ у властей, да и у оппозиции. Правда, в начале нынешнего десятилетия реформы начались, но они носят чрезмерно компромиссный, половинчатый, вялотекущий характер и не успевают за новыми вызовами мировой экономики.

3. Приспособление к глобализирующемуся миру

Поэтому основным сценарием до 2017 г. мы считаем умеренное общемировое развитие на основе продолжающейся глобализации и сочетания на национальном уровне стратегий приспособления, эволюционного совершенствования и радикального реформирования.

Среднегодовые темпы роста мирового ВВП за 2007–2017 гг. составят примерно 4 %, т. е. столько же, сколько и за 2001–2005 гг. При этом, однако, на отрезке 2007–2012 гг. возможно замедление развития (3,7–3,8 %), а затем небольшое ускорение (до 4,5 %). Замедление на первом этапе затронет, очевидно, прежде всего США (до 2,5–3 %), Китай (до 7–8 %), ряд других азиатских стран. (Кроме Индии, экономика которой скорее всего будет последовательно ускоряться до 7 %, а затем до 8–9 % по мере внутренних институциональных реформ, большей вовлеченности страны в мировую торговлю и повышения открытости для иностранных капиталов).

Замедление роста в Китае будет вызвано необходимостью устранять структурные диспропорции (отраслевые, региональные, социальные), а также экологические проблемы, игнорировать которые все более рискованно. Ожидаемое замедление американской экономики неизбежно отразится и на Китае. Кроме того, ожидаемая ревальвация юаня, а также необходимость повышать заработную плату многочисленным категориям работников растущего среднего класса обусловят некоторое снижение международной конкурентоспособности китайской продукции. Даже с учетом национально-культурной специфики Китая динамичной рыночной экономике будет все труднее сосуществовать с недемократическим политическим режимом, а это создаст дополнительные риски для экономического развития.

Рост в странах ЕС сохранит нынешнюю невысокую динамику (около 2 % в год) по крайней мере до 2012 г., а государства бывшего СССР в целом несколько замедлятся (до 5,5 %), но дифференциация темпов роста по странам будет существенной в обеих группах.

После 2012–2013 гг. можно ожидать постепенного ускорения мирохозяйственного развития, а также одновременной модернизации

технологической основы и институциональных условий роста. Общемировые темпы роста увеличатся до 4–4,5 %, в том числе в Европейском союзе до 2,5–3 %, в постсоветских республиках до 6–7 %, в Индии до 9 %. В Китае перекосы в развитии предшествующего десятилетия невозможно устранить за 5 лет, поэтому к концу прогнозируемого периода ежегодный рост не превысит 7 %, что, впрочем, тоже немало. Тем не менее, именно к середине следующего десятилетия внутриполитические ограничители экономического развития в Китае станут вполне очевидными, а попытки их ликвидации или хотя бы смягчения могут породить проблемы, отнюдь не благоприятствующие высоким темпам роста. Лидерами после 2012 года, вероятнее всего, станут Индия, а также ряд средних стран: Малайзия, Турция, Казахстан и др.

Несколько замедленная «адаптационная» и «реформистская» фаза 2007–2012 гг. сменится новой повышательной тенденцией, которая в полной мере проявится скорее после 2015 года. Основной движущей силой повышательной волны станут растущая открытость национальных экономик, новые (более либеральные) условия торговли услугами, ускорение технологического обновления продукции, повышение гибкости рынков труда (национальных и мирового), а также стабилизация поставок основных ресурсов (в частности энергетических). Значительный вклад внесет модернизация экономической и социальной политики как в высокоразвитых странах, так и в странах с развивающимися рынками. Но реформы принесут свои плоды после 2013–2015 гг. и только в том случае, если будут проведены в основном уже на этапе 2007–2010 гг.

Региональные особенности

Особенности социально-экономической модернизации, сценарии и содержательное наполнение реформ не будут одинаковыми даже для основных держав и регионов. Новый «вашингтонский консенсус» сейчас невозможен, и для каждого государства подойдет только собственный специфичекий рецепт. В условиях глобализации хозяйственных связей, интеграции рынков и нарастающей интернационализации предпринимательства это, без сомнения, создает напряженность. Но только через разнообразие моделей приспособления к вызовам XXI в. и удастся сохранить эти процессы, а при благоприятном стечении обстоятельств – заметно повысить их эффективность.

Даже если к 2017 г. КНР выйдет на первое место в мире по объему ВВП, посчитанному по паритетам покупательной способности валют, динамика и качество мирохозяйственного роста будет определяться развитием американской экономики. В прогнозном периоде Соединенные Штаты сохранят превосходство по ряду фундаментальных факторов и направлений социально-экономического развития. Состояние мировых потоков товаров, услуг и капитала также в значительной мере будет зависеть от деятельности американских хозяйственных субъектов, прежде всего ТНК. Вместе с тем экономика США сталкивается с серьезными вызовами и рисками: от дефицита платежного баланса и государственного бюджета до «пузырей», периодически надувающихся на различных рынках (финансовом, инновационном, недвижимости) и способных спровоцировать общенациональные кризисы. Однако при рациональной экономической политике с этими угрозами можно справиться и избежать сколько-нибудь заметных потрясений.

Тем не менее экономический бум в Соединенных Штатах едва ли возможен – более вероятны относительно умеренные среднегодовые темпы роста на уровне 3–3,2 %. Замедление связано с обострением мировой экономической конкуренции, а также с более медленным – по сравнению с предыдущим двадцатилетием – наращиванием расходов на НИОКР и инновационными капиталовложениями. Неизбежно небольшое повышение уровня безработицы с 5 % до 6 %, но инфляционные риски уменьшатся (в среднем годовая инфляция снизится до 2–2,5 %). Новая американская администрация после 2008 г., скорее всего, откажется от дефицитного финансирования и возьмет курс на большую сбалансированность бюджета к 2015–2017 гг. Вероятно, к замедлению темпов роста приведут и расходы (нынешние и будущие) на политику на Ближнем и Среднем Востоке, включая военные акции.

Японии еще предстоит переваривать как наследие стагнации 90-х годов прошлого века и начала века нынешнего, так и результаты структурных реформ, начатых кабинетом Дзюньгитиро Коидзуми. Пока реформы далеко не завершены: необходимо модернизировать социальную систему, значительно смягчить ограничения на рынке труда, дерегулировать ряд других рынков. Незавершенность реформ и противодействие им в обществе (это происходит и в Западной Европе) служит ограничителем экономического развития в Японии. Едва ли среднегодовые темпы роста японской экономики превысят двухпро-

центную отметку. Тем не менее, активное развитие в странах АТЭС неизбежно затрагивает Японию, делает ее одним из мировых производителей знаний и инноваций, хотя, видимо, и в меньшей степени, чем Соединенные Штаты и даже Европейский союз.

Среднегодовые темпы роста в 27 странах ЕС также останутся относительно невысокими: 2–2,3 %. При неблагоприятной мировой конъюнктуре, спаде мировой торговли и дальнейшем росте цен на нефть (в среднем выше 80 долл. за баррель) темпы могут не превысить и 1,8 %. В 2007–2010 гг. наиболее вероятны темпы экономического роста в диапазоне 1,9–2,2 %. В 2011–2017 гг. они вырастут до 2,1–2,4 %: начнут давать о себе знать результаты реформ; ожидаются новые импульсы от американской экономики, а также от экономик Китая, Индии и России; завершится период адаптации 12 новых стран – членов Евросоюза. Темпы, превышающие уровень в 2,5 %, возможны лишь в случае успешного инновационного прорыва в наиболее крупных странах – членах ЕС и успешной интеграции и модернизации новых членов после 2015 г.

Важны, однако, не столько показатели темпов, сколько качество роста, обеспечивающее высокую конкурентоспособность национальных экономик, их растущую инновационность при сохранении обширных (хотя и модернизируемых в процессе реформ) социальных систем. Вероятность успеха реформ, направленных на решение этой задачи как на уровне Европейского союза, так и особенно в его ведущих странах-членах, мы расцениваем как достаточно высокую, особенно к концу прогнозируемого периода. Одновременно будут расти соответствующие расходы бизнеса, причем как крупных ТНК, так и малых и средних компаний. Поэтому расходовать на НИ-ОКР 3 % ВВП европейцы смогут уже в 2011–2013 гг.

Как в новых, так и в старых странах-членах устойчивый и более быстрый рост очень зависит от структурных сдвигов, расширения сегмента новых видов услуг (в частности, научных, проектных, управленческих), от того, приобретет ли производство более и инновационный характер. Реальные усилия стран – членов Евросоюза в этом направлении могут привести к дальнейшему небольшому снижению доли промышленности и строительства в ВВП (до 25–26 %), стабилизации доли сельского хозяйства на уровне 2 % ВВП (по ЕС–27). Возможно удастся снизить безработицу, которая на сегодняшний день является наиболее острой проблемой, и расширить за-

нятость. Уровень безработицы снизится с нынешних 9 % до примерно 6 % в 2017 г. (по методологии МОТ).

Одновременно странам Евросоюза придется обновить систему образования, сделать ставку на непрерывное обучение и внедрить в нее элементы, характерные для американской высшей школы. Конкуренция со странами Азии и Латинской Америки развернется не на привычном поле издержек производства массовой продукции, а в сфере инноваций и разработок, где не удастся экономить на затратах на труд. В результате высокоразвитым странам ЕС не придется демонтировать систему социального рыночного хозяйства, хотя ее серьезной модернизации не избежать. В частности, доля перераспределяемого государством ВВП снизится в этих странах с 46–49 % до 42–45 % (в Великобритании она будет удерживаться на уровне 38–40 %).

Заключение

Хотя динамика мирохозяйственного развития в ближайшее десятилетие будет, как и раньше, измеряться, прежде всего, темпами роста ВВП (и абсолютного, и на душу населения), значимость этого показателя уменьшится, поскольку его пригодность для определения качества развития и уровня жизни оказывается все более сомнительной. Нарастают структурные изменения в условиях разнообразия и новых альтернатив, продукция и технологии обновляются все быстрее, а получение и распространение знаний приобретает определяющее значение для экономического прогресса. Иными словами, важен не только объем производимой продукции, но и ее качество, инновационные характеристики и значимость для потребителей.

Можно предполагать, что последствия деиндустриализации для высокоразвитых стран Запада будут преодолеваются на пути формирования принципиально новых рынков. Они будут основаны на предложении услуг по производству знаний и их адаптации к производственному потенциалу других стран. Для предложения интеллектоемкой продукции Запад обладает несомненными конкурентными преимуществами, каковые утрачивает в сфере материального производства и традиционных услуг.

Поэтому уже в течение прогнозного периода начнет формироваться новая парадигма международного разделения труда с иными

подходами к конкуренции между постиндустриальными и индустриальными (аграрно-индустриальными) странами. Лидерами мирового экономического развития будут восприниматься не столько крупнейшие производители («мировые фабрики»), сколько центры производства знаний и управления («мировые лаборатории» и центры принятия решений). Это шанс и для американской, и особенно для западноевропейской экономик. Возможно, присоединиться к ним удастся (или придется?) и России.

Наиболее вероятный сценарий мирохозяйственного развития в целом благоприятен для перспектив российской экономики. Однако он не только не гарантирует устойчивость развития и высокую динамику, но и чреват рисками, которые могут перевесить возможности. Поэтому траектория движения России в ближайшие 10 лет будет в существенной мере определяться способностью и политической власти, и бизнеса воспользоваться предоставляемыми шансами. Небольшое замедление темпов роста мировой экономики не вызовет заметного падения цен на традиционные товары российского экспорта, хотя, очевидно, затормозит их рост или будет сохранять относительно стабильными. Такая стабильность является хорошим условием для предусмотренного правительством инвестиционного маневра, призванного обеспечить структурную диверсификацию экономики за счет развития высокотехнологичных промышленных производств и современной сферы услуг. Преимущественная ориентация экономических и научно-технических связей на европейские страны, где инновационное развитие в прогнозируемом периоде также будет приоритетным, позволит использовать выгоды международной научно-технической и производственной кооперации – причем на высоком уровне, обеспечит большее переплетение капиталов и сделает возможным снижение доминирования энергетического фактора в сотрудничестве России и стран Запада. К тому же, это не только не нанесет ущерба развитию экономических отношений с быстро развивающимися странами Азии (прежде всего с Китаем), но и создаст лучшие экспортные позиции для России, избавляя ее от роли поставщика исключительно сырья и энергоресурсов в данный регион.

Диверсификация российской экономики с опорой на инновационные производства, укрепление и качественное совершенствование отношений с европейскими странами и формирование демократической системы с сильным гражданским обществом в России

являются взаимозависимыми процессами, степень вероятности того, что они будут реализованы, примерно равна. Даже если в краткосрочной перспективе эта степень низка, то для среднесрочного прогноза (после 2012 г.) она, очевидно, может оцениваться как достаточно высокая, поскольку сценарий автаркии и отказа от масштабного международного экономического сотрудничества вряд ли осуществится. Если же такая попытка будет предпринята, скорее всего она быстро провалится, правда, с возможными драматическими последствиями.

Вместе с тем даже постепенная переориентация российской экономики на увеличение доли инновационных производств (что, очевидно, начнется не ранее 2008 г.) первоначально приведет к некоторому замедлению темпов экономического роста (до 4–5 % в год), связанному с возникновением структурных и адаптационных проблем, и снижению экспортной активности. Если во внутривнутриполитическом развитии усилится авторитарная и популистская направленность, такой вариант может оказаться неприемлемым и вынудит власти искать способы продлить экспортно-сырьевую ориентацию экономики. При предполагаемых стабильных ценах на энергоресурсы это предотвратит снижение темпов в краткосрочном плане, но обусловит трудности на мировом рынке уже к 2015 г., когда технологическое отставание станет критическим.

При продуманной, но активной интеграции России в мировую экономику после присоединения к ВТО, развитии сотрудничества с Евросоюзом и, разумеется, при условии проведения внутренних структурных реформ отечественная экономика может реально расширить свою инновационную составляющую. В результате вновь повысятся темпы роста (до 6–7 % к 2012–2015 гг.) и резко улучшится его качество. Но если политические соображения отодвинут необходимое совершенствование хозяйственной среды на период после 2008 г., то дело ограничится имиджевыми проектами, а международную конкурентоспособность российской экономики повысить не удастся.

2 ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА

Введение

С военно-политической точки зрения следующее десятилетие станет для мира и России периодом завершения стратегической паузы, которая последовала за окончанием эпохи биполярной конфронтации в конце 1980-х. Постепенное нарастание масштабов угроз, возникших на наших глазах за последнее десятилетие, может приобрести в следующие годы новое качество, заставив ведущие державы сделать стратегический выбор по вопросу о роли силового фактора в своей внешней политике и в международных отношениях в целом.

Однако пока внешние условия в военно-политической сфере можно характеризовать как относительно благоприятные для России. Вероятность нападения на Российскую Федерацию со стороны какой-то крупной державы или коалиции мала. В мире у России нет явно выраженных врагов – потенциальных агрессоров, правда, почти не осталось и друзей. Нет нужды экономически изматывать себя милитаризацией, бросая на нее непомерные финансовые и сырьевые ресурсы.

Прекращение биполярной конфронтации открыло новые возможности для конструктивного сотрудничества государств на региональном и глобальном уровнях, в ООН и других международных организациях. Угроза глобального конфликта сведена до минимума. Система международных отношений обеспечивает беспрецедентный уровень взаимного контроля и доверия в военной сфере.

Однако ведущие страны не только не расстаются с арсеналами, явно превышающими уровень необходимой обороны, но и, наоборот, по-

Основной автор главы – заведующий кафедрой мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ, д. п. н., профессор **С.В. Кортунов**.

стоянно совершенствуют их, включая наступательные виды вооружений. Использование дипломатических методов, строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права так и не стали доминирующей тенденцией при решении проблем международной безопасности.

Кризис прежней системы безопасности

На региональном и локальном уровнях возрастает опасность межгосударственных вооруженных конфликтов и их неконтролируемой эскалации. В первую очередь это касается таких регионов, как расширенный Ближний Восток, Закавказье, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия и Корейский полуостров. Перспектива обострения и увеличения числа внутригосударственных конфликтов становится более вероятной. В первую очередь это касается Ближнего и Среднего Востока, очаги потенциального противостояния есть на Балканах, а также на постсоветском пространстве (Ферганская долина, Крым, Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Джавахетия, Нагорный Карабах) и в некоторых странах Африки.

В современном мире явно обозначилась тенденция к полицентризму. Но формируется не классическая многополярная модель, а скорее многоуровневая высокоподвижная международная и межгосударственная система, в которой на первый план выдвигаются глобальные проблемы, требующие новых многосторонних механизмов и институтов. Однако пока такие механизмы и институты не сложились, в мире нарастает дестабилизация и даже хаос.

Конфликтный потенциал в целом растет. Международному сообществу навязывается гипертрофированное значение фактора силы. Практика односторонних, нелегитимных с точки зрения международного права действий со стороны ряда держав, равно как и усилия по бесцеремонному продавливанию своих позиций при полном игнорировании законных интересов других партнеров серьезно подрывают стабильность.

Уже сейчас очевидно, что практически все механизмы поддержания международной безопасности, созданные после Второй мировой и в годы холодной войны (ООН, НАТО, ОБСЕ и др.), неадекватны вызовам и угрозам начала нынешнего столетия. Попытки реформирования этих структур пока успеха не имели. В результа-

те резко упал уровень управляемости международными кризисами и процессами.

Попытка Соединенных Штатов при помощи военно-политических механизмов закрепить свое единоличное лидерство в мире, их расчет на односторонние действия в кризисных ситуациях на данном этапе провалились. Оказалось, что глобализация мировой экономики уменьшает возможность прямо использовать экономическое превосходство. Сам по себе статус ядерной державы, взятый в отрыве от других факторов, уже не приносит видимых политических дивидендов. Превосходство в области обычных вооружений все труднее использовать в политических, да и в военных целях. Вместе с тем, политика самих США, как показали недавние события, несет в себе серьезный потенциал конфликтности. И хотя Соединенные Штаты стремятся сделать войны XXI века малоинтенсивными и избирательными, применяя высокоточное обычное оружие и информационные технологии, это у них пока явно не получается.

Все большую роль в мире играют страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь Китай. Это способствует нарастанию имеющихся и появлению новых противоречий в мире, усиливает конкурентную борьбу с возможной военно-силовой составляющей.

В различных регионах обостряются национальные и социально-экономические проблемы, возникает опасность расшатывания международной стабильности в результате региональных конфликтов, гонки вооружений на региональном уровне, распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), терроризма, наркобизнеса и других вызовов безопасности. Опасным вызовом региональной и международной стабильности является рост национального и религиозного экстремизма, особенно в ряде регионов исламского мира.

Глобализация экономики, информатизация международных отношений создают беспрецедентные возможности для развития, но одновременно делают мировую систему все в большей степени уязвимой для терроризма, применения ОМУ, информационного оружия. Обостряется соперничество за энергоресурсы.

В мире вновь развернулась неконтролируемая гонка вооружений. Сегодня она вышла на новый качественный уровень, а ее масштабы в ряде регионов превышают даже пиковые показатели времен холодной войны. Это происходит на фоне деградации глобальных и региональных режимов контроля над вооружениями. Происходит

быстрая милитаризация мира, особенно его конфликтных зон. Отсутствие международных процедур контроля за торговлей обычными вооружениями приводит к их стремительному распространению, в том числе и среди криминальных структур.

Растет угроза появления так называемых дестабилизирующих вооружений, ядерных зарядов малой мощности, стратегических ракет с неядерными боеголовками. Ряд стран стремится развязать себе руки для вывода оружия в космос, включая и ядерные вооружения.

Согласно оценкам Стокгольмского международного института исследований мира (СИПРИ), в 2005 году общие затраты на оборону на планете достигли 1,12 трлн долларов. Совокупные военные расходы растут непрерывно, быстрее, чем во время холодной войны (соответственно на 6 % и на 2,5–3 % в год). Наибольший рост военных расходов наблюдается на Ближнем Востоке, а также в некоторых странах СНГ (Грузия, Азербайджан, Белоруссия).

Среди главных причин новой глобальной гонки вооружений – нарастающая дестабилизация международных отношений, а также политика Соединенных Штатов по «принуждению к миру» и «навязыванию демократии». Инициированные Вашингтоном вооруженные конфликты в Ираке и бывшей Югославии наглядно продемонстрировали призрачность надежд на международные гарантии безопасности, заставили другие государства искать защиту своего суверенитета в наращивании собственных вооруженных сил. Импорт вооружений наращивают не только откровенно антиамериканские режимы, но и те, кто, не имея собственной военной промышленности, вооружается на всякий случай, – Малайзия, Вьетнам, ОАЭ. Еще один важный фактор гонки вооружений – свертывание «ядерного зонтика», под которым чувствовали себя в безопасности сателлиты Советского Союза и Соединенных Штатов. В ряде случаев это заставляет их переходить в вопросах обороны к опоре на собственные силы.

Одновременно сами США выступают лидером мировой гонки вооружений в количественном и качественном отношении. Нынешний военный бюджет Соединенных Штатов составляет примерно половину всех мировых расходов на оборону. В 2006 году общие военные расходы Вашингтона составили примерно 505 млрд долл. (России – 28,8 млрд долл., а по проекту бюджета на 2007 год – чуть больше 30 млрд долларов.) При этом американские военные расхо-

ды носят ярко выраженный инновационный характер: на разработку и испытание новых систем вооружений ассигновано 75,7 млрд долларов. Только на программы ПРО, военного использования космоса, а также ядерных вооружений Пентагон запросил 51,1 миллиардов долларов. Активно разрабатываются новые виды вооружений на новых физических принципах – геофизическое, ионосферное, ЭМИ-оружие и др.

В отношении ядерного фактора важно учитывать следующие тенденции.

- Несмотря на серьезное улучшение международной обстановки и сведение к минимуму вероятности возникновения крупных войн и военных конфликтов между ведущими державами, кардинального уменьшения роли ядерного оружия (ЯО) в мировой политике пока не наблюдается. (Эта тенденция может измениться не ранее, чем через 15–20 лет, но если распространение ЯО пойдет по нарастающей, весьма вероятным может оказаться повышение его роли в новом «ядерном веке»). Напротив, беспрецедентные по масштабам террористические акты и меняющиеся приоритеты угроз ведут к опасному снижению порога применения ядерного оружия, росту вероятности его применения и возможной неконтролируемой эскалации. Этому же способствует дальнейшее распространение ОМУ и средств его доставки.
- Накопленный в США технологический задел и результаты натурных испытаний отдельных компонентов ПРО свидетельствуют о возможности уже в среднесрочной перспективе (5–10 лет) развернуть ограниченную противоракетную систему, плотность которой можно будет в дальнейшем постоянно наращивать. Интересам России в течение следующих 15–25 лет она вряд ли сможет угрожать, особенно если Российская Федерация продолжит модернизацию своего стратегического ядерного потенциала. Но ввод в действие американской системы ПРО будет способствовать «перенацеливанию» ядерных сил других стран с американских объектов, возможно, и на объекты России.

По-прежнему серьезную угрозу представляет масштабная деятельность транснационального терроризма. По линии спецслужб, в том числе военной разведки, неоднократно приходила информация о поддержке из-за рубежа части террористического подполья в России.

Вызовы и угрозы в краткосрочной перспективе

В краткосрочной перспективе (3–4 года) будет нарастать глобальная нестабильность, порождаемая обострением традиционных и появлением новых вызовов и угроз, с одной стороны, и упадком имеющихся международных институтов региональной и глобальной безопасности (ООН, НАТО, ОБСЕ и др.) – с другой.

«Централизованный» режим контроля над вооружениями, который в целом обеспечивал предсказуемость военно-политической ситуации, достаточное стратегическое предупреждение и, по существу, устранял опасность внезапного нападения, будет и дальше деградировать. Срок действия двух важнейших двусторонних российско-американских договоров в области ограничения и сокращения стратегических вооружений истекает в 2009 г. (Договор о стратегических наступательных вооружениях) и в 2012 г. (Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов). Инспекции по Договору о ракетах средней и меньшей дальности прекращены в связи с окончанием в мае 2001 г. 13-летнего срока инспекционной деятельности (но запрет на производство ракет средней и меньшей дальности пока продолжает действовать, поскольку этот Договор носит бессрочный характер). Скорее всего – прежде всего по причине расширения НАТО на Восток – будет полностью разрушен Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Рассчитывать же на новые серьезные соглашения в этой области с США и НАТО не приходится. Несмотря на ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний тремя ядерными державами – Россией, Великобританией и Францией – перспектива его вступления в силу остается безнадежной (из-за позиции Соединенных Штатов, Китая, Израиля, Ирана, Индии, Пакистана, КНДР и некоторых других стран, обладающих ядерными технологиями).

Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов – это, скорее всего, последнее соглашение о сокращении вооружений, которое было заключено между Россией и США. Дальнейшие сокращения ядерных вооружений будут осуществляться в лучшем случае путем параллельных односторонних шагов, а возможно и вообще без взаимных согласований, т. е. по мере прежде всего технической и экономической целесообразности, которую каждая из сторон будет определять самостоятельно, без каких бы то ни было консультаций с другой. Плохо это или хорошо для международной безопасности, стратегической стабильности и двусторонних отношений – пока неясно.

Складывается впечатление, что Соединенные Штаты не намерены связывать себе руки какими бы то ни было соглашениями по вопросам ограничения и сокращения вооружений. За последние девять лет 65 стран – членов Конференции ООН по разоружению не приняли ни одного значимого решения. Вашингтон и Лондон остались практически единственными, кто возражает против начала глобальных переговоров по предотвращению милитаризации космоса по причинам более глубинным, нежели необходимость борьбы с международным терроризмом.

Помимо политической составляющей – попытки продолжать линию на глобальное военно-политическое доминирование Соединенных Штатов в XXI веке – этот курс имеет также технологическое и экономическое измерения. Они связаны с интересами американских военно-промышленных корпораций, а также с намерением руководства США обеспечить повышение научно-технического уровня промышленности через массивные финансовые вливания в крупные военно-технологические программы.

По оценкам ряда российских экспертов, указанные изменения военной политики Вашингтона не представляют непосредственной угрозы для национальной безопасности России, во всяком случае, на ближайшие 15–25 лет, до тех пор, пока американцы не развернут стратегическую систему ПРО (если это случится), а Москва окажется не способна противопоставить этому контрмеры.

В сфере нераспространения ЯО складывается кризисная ситуация. Испытание КНДР ядерного заряда стало крупным поражением международного сообщества.

Во-первых, оно продемонстрировало несостоятельность политических и военно-силовых средств, которые «шестерка», занимающаяся разрешением северокорейской проблемы, может использовать для противодействия распространению ЯО. И это серьезный сигнал всем остальным странам, которые хотели бы обзавестись таким оружием.

Во-вторых, резко возросла вероятность цепной реакции на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, где ряд стран обладают техническими возможностями для быстрого создания ЯО.

В-третьих, Иран и другие «пороговые» страны, скорее всего, теперь еще быстрее пойдут к обретению ядерного статуса. В скором времени мы можем ожидать цепной реакции и на расширенном

Ближнем Востоке, включая Саудовскую Аравию, Турцию, Египет и ряд других государств.

За последние несколько лет и США нанесли три мощных удара по режиму нераспространения. **Первый** – выход из Договора по ПРО 1972 года. Это повлияло на всю систему соглашений, которая с таким трудом была наработана в период холодной войны. **Второй** – новая американская ядерная доктрина, которая не просто снизила порог возможного применения ЯО, но и фактически перевела его из арсенала политических средств сдерживания в арсенал оружия поля боя (не исключено, впрочем, что в аналогичном направлении – без лишнего шума – эволюционирует и российская ядерная доктрина). **Третий** – признание Индии де-факто ядерной державой и заключение с ней договора о широкомасштабном сотрудничестве в ядерной области. В результате отпали последние политические и моральные аргументы против распространения ЯО. Остались, по сути, только угрозы применения силы, но и они не сработали в случае с КНДР.

Похоже, что мы «сползаем» в новый ядерный век, потенциально более опасный, чем первый. В «первом» ядерном веке нестабильная ситуация сохранялась с конца 1940-х до начала 1960-х годов. После этого, несмотря на растущие арсеналы, ситуация была стабильной, поскольку между СССР и США эффективно действовала система взаимного ядерного сдерживания. Сейчас может сложиться гораздо менее устойчивая ситуация многостороннего ядерного сдерживания. При этом страны, которые могут приобрести ядерное оружие, не будут иметь того опыта, который имели старые ядерные державы, получившие ЯО в середине прошлого века. Соответственно возрастет общая нервозность и военно-политическая нестабильность. Некоторые государства будут испытывать соблазн нанести упреждающие удары, Соединенные Штаты получают еще один аргумент в пользу накопления средств для создания глобальной космической ПРО. Другие страны, в том числе и Россия, окажутся перед необходимостью создания региональных ПРО. В этой сфере может начаться даже новая гонка вооружений.

В годы холодной войны в «ядерный клуб» вступали не столько для того, чтобы «сдерживать» СССР или США (Китай, например, не мог всерьез рассчитывать на сдерживание Соединенных Штатов, а Франция – Советского Союза), сколько из соображений престижа, для повышения своего международного политического веса. (В Европе еще и для того, чтобы не дать США оторваться от европейской

безопасности: западноевропейские ядерные силы теоретически были призваны играть роль «бикфордова шнура», связывающего американский и европейский ядерные потенциалы, усиливая тем самым потенциал сдерживания в этом регионе).

Сегодня ситуация иная. ЯО нужно многим странам не только для престижа, но и как единственное средство отстаивания национального суверенитета, цивилизационного выбора, (т. е. собственной идентичности). Примеры «околоядерной» Северной Кореи и неядерного Ирака у всех на виду. В первом случае США предпочли дипломатические средства урегулирования, во втором – использовали военную силу. Неудивительно, что многие страны уже сделали соответствующие выводы и идут в этом вопросе по пути КНДР. Самый яркий пример последнего времени – Иран.

Актуальность проблемы распространения ОМУ и ракетного оружия стремительно возросла и в связи с обострением проблемы международного терроризма. Если ОМУ попадет в руки исламских или любых других экстремистов, последствия будут чудовищными. Это обстоятельство заставляет военных и политиков искать новые подходы. В частности, дело идет к тому, что пассивные «классические» меры в области нераспространения будут дополнены активными военно-силовыми. Это, в свою очередь, понижает порог применения военной силы, в том числе и ядерной, что потенциально может дестабилизировать ситуацию в отдельных регионах и в мире в целом.

Если наиболее развитые державы мира (входящие в «Группу восьми» плюс 3–4 страны) не примут экстраординарных мер (а, похоже, так оно и будет по крайней мере в ближайшие 5–7 лет), дальнейшая эрозия режима нераспространения неизбежна. В этот период вполне вероятно расширение «ядерного клуба» (сегодня в дополнение к пятерке «ветеранов» де-факто в него входят также Израиль, Индия, Пакистан и КНДР): почти наверняка – за счет Ирана и, возможно, Южной Кореи и Японии. В этом случае еще целый ряд стран, прежде всего на расширенном Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, могут объявить о ядерных программах – хотя бы в целях политического шантажа мирового сообщества. Распространению ЯО, вполне вероятно, будет способствовать новый этап развития атомной энергетики, если не будет модернизирован режим МАГАТЭ. Если не будет ужесточен многосторонний режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ), произойдет дальнейшее распространение ракет и ракетного оружия, причем новые ядерные державы ста-

нут обладателями ракет средней дальности, потенциально способных поражать объекты на территории РФ. Помимо всего прочего это поставит нас перед вопросом о создании региональной ПРО.

При развитии событий по наихудшему сценарию комбинация всех этих факторов может создать качественно новую геостратегическую ситуацию во всем Азиатском регионе – от Японии до Средиземного моря. Именно здесь находятся наиболее серьезные вызовы потенциального распространения ОМУ и ракетных средств его доставки.

Поскольку в ближайшие три года США скорее всего не смогут уйти из Ирака (даже после смены республиканской администрации, которая оставит эту проблему своим преемникам), они вряд ли будут способны осуществить другие крупные военные операции такого же масштаба. В тоже время в отношении Ирана нельзя исключать возможности военно-силовой акции в виде высокоточных ударов по объектам ядерного комплекса, что может резко дестабилизировать обстановку. В любом случае на Ближнем Востоке не исключены военные конфликты типа израильско-ливанского с вовлечением двух и более стран, включая Израиль и Иран. Они могут начинаться по аналогичному сценарию – под предлогом борьбы Израиля с транснациональными террористическими организациями, укрывающимися на территории ряда арабских стран. Тем более, что пока американцы увязли в Ираке, активность подобных организаций будет возрастать. Когда же через 3–5 лет Соединенные Штаты оттуда все-таки уйдут, не добившись ни демократизации, ни стабилизации этой страны, высвободятся десятки тысяч боевиков, натренированных за годы иракской войны для террористической деятельности. Этот «террористический интернационал» распространит свою деятельность повсюду, в том числе и на Россию. Дальнейшая радикализация исламского сообщества, будет, в свою очередь, усугублять глобальную террористическую ситуацию. Неизбежен и дальнейший повсеместный рост антиамериканских и антизападных настроений (Россия также будет их объектом), наряду с крепнущим ощущением полного провала Соединенных Штатов в качестве «мирового полицейского». На несколько лет США попадут в состояние постиракского синдрома (по аналогии с поствьетнамским). В результате в мире углубится вакуум безопасности. Таким образом, развитие событий пойдет по наихудшему сценарию: распадающийся Ирак, рост воинственного исламистского терроризма, неспособность Вашингтона ему противостоять при сохранении желания демонстрировать миру, что Соединенные Штаты – все-таки не «бумажный тигр».

Исламский мир пока представляет собой лишь виртуальный цивилизационный субъект. Сотни миллионов мусульман объединены конфессионально, но разделены по юридическим школам, отношению к природе политической власти, собственной религиозной истории, режимам и т.д., однако в стратегической перспективе исламская община представляет собой мощный ресурс сопротивления становлению нового мирового порядка, если он, как это происходит сегодня, будет и впредь формироваться без учета ее интересов. Кроме того, если и далее к исламскому миру не будут относиться с должным уважением, в нем могут усилиться и даже возобладать течения исламистского экстремизма, что чревато «конфликтом цивилизаций». (При этом неизвестно, что для исламистских экстремистов означает уважение.) Самая пугающая перспектива – захват власти исламистами в Пакистане либо в результате военного переворота, либо через легитимную процедуру выборов. Тогда в их руках оказалось бы ЯО.

Рост разрыва между сверхбедными и сверхбогатыми странами, ведущий к маргинализации не только отдельных государств, но теперь уже и целых регионов планеты, нарастание «веймарского синдрома» в исламском мире, будут способствовать эскалации действий транснациональных террористических организаций, в том числе в отношении стран Большой Европы, в которую входит и Россия. Во всяком случае, уровень международной террористической активности будет оставаться, по крайней мере, столь же высоким, как в 2001–2006 гг., а скорее всего возрастет в ближайшее десятилетие, если не будет принято скоординированных радикальных мер, включающих военно-силовые и целый ряд других действий.

С этой проблемой связана и другая – полная неспособность развитых стран остановить или хотя бы замедлить рост числа так называемых «падающих» или несостоявшихся государств.

Перечисленные угрозы можно частично перевести в категорию рисков и вызовов в случае принятия следующих мер:

- укрепление и повышение авторитета режима нераспространения, в частности, ДНЯО, МАГАТЭ, РКРТ, Вассенаарских соглашений;
- скоординированные действия (прежде всего России и США) по урегулированию региональных конфликтов и кризисных ситуаций как питательной среды для распространения. Скоординированная индивидуальная работа с потенциальными «распространителями», такими, как КНДР, Иран, Пакистан и т.п. Ини-

цирование разработки градуированного режима экономических, политических и военных санкций против подобных нарушителей режима нераспространения;

- договоренность об укреплении национальных систем экспортного контроля;
- создание глобальной системы раннего оповещения и контроля (мониторинга) за нераспространением ОМУ и ракетных средств его доставки. Такая задача может быть решена путем создания единой автоматизированной системы глобального контроля за нераспространением ядерного оружия и его испытаниями на основе уже существующих у США и России автоматизированных систем контроля за ядерными испытаниями с охватом суши, океанов и морей, ближнего космоса;
- создание Банка данных и Международного агентства контроля за нераспространением как специального подразделения Секретариата ООН. Это Агентство выявляло бы возможных нарушителей режимов нераспространения и с помощью других международных организаций осуществляло бы деятельность по предотвращению и пресечению незаконных акций;
- установление хотя бы элементарных правил международного контроля за торговлей обычными вооружениями;
- договоренность ведущих стран мира о продлении действия имеющихся соглашений в области ограничения и сокращения вооружений;
- формирование всеобъемлющей системы договорных отношений, гарантирующих от вывода в космос любых вооружений, а не только оружия массового уничтожения;
- создание ракетно-космического МАГАТЭ (на основе РКРТ);
- целенаправленные усилия по созданию региональных систем коллективной безопасности на Среднем и Ближнем Востоке;
- радикальная реформа (она еще возможна, но маловероятна) ООН, включая наделение Совета Безопасности полномочиями принимать решения о применении коллективной военной силы (и соответствующее формирование вооруженных сил СБ ООН);
- проведение многосторонних политических консультаций под эгидой ООН по обновлению норм и принципов международного права;

- начало переговоров о создании системы управления несостоявшимися государствами (в рамках расширенной «восьмерки»);
- начало серьезного и уважительного диалога с исламским миром, но без элементов его «умиротворения»;
- если глубокая реформа ООН окажется невозможна, следует начать движение в сторону создания параллельно с ООН союза ключевых держав, которые взяли бы на себя ответственность за поддержание международной безопасности («восемь» + 3–5 государств).

Среди военно-политических угроз Российской Федерации следует упомянуть возможные вооруженные конфликты вблизи государственных границ и опасность втягивания в них России, формирование недружественного военно-политического окружения, проблему непризнанных государств на постсоветском пространстве, дальнейшее расширение НАТО на восток (за счет Украины, Грузии и Молдавии). Особенно опасно расширение НАТО на Украину, что создаст дугу миникризисов, в том числе спровоцированных местным населением, надолго отбросит назад Украину, создаст серьезные проблемы для России и Европы в целом. Многие в России могут счесть такой шаг объявлением новой холодной войны. Нерешение проблемы непризнанных государств способно спровоцировать вокруг них конфликты (особенно на Кавказе) уже в течение ближайших двух-трех лет.

Наряду со всеми этими тенденциями регионального и глобального характера, которые так или иначе затронут нашу национальную безопасность, внешняя угроза для России может возрасти прежде всего на Юге. В условиях нарастания исламского экстремизма Россия через 5–6 лет может оказаться перед лицом серьезной нестабильности в Центральной Азии. Если политическими средствами не удастся предотвратить конфронтацию с исламским миром, возможно усугубление противоречий с некоторыми мусульманскими странами, стремящимися добиться господства в широком географическом регионе от Боснии до Таджикистана. Дестабилизация Центральной Азии – ближайший вызов. Однако России нельзя завязнуть в мало-перспективных регионах южной части бывшего СССР. Чрезмерная концентрация наших усилий на этих относительно важных, но второстепенных регионах будет отвлекать материальные и интеллектуальные ресурсы от более выгодных и перспективных направлений политики и развития.

Вызовы и угрозы к 2017 году

Если ответственные члены мирового сообщества в ближайшие 3–4 года не предпримут ничего существенного для купирования или хотя бы смягчения вышеперечисленных вызовов и угроз, последние будут нарастать. Лишь часть из них удастся смягчить благодаря продолжению беспрецедентного мирового экономического роста. Ими неизбежно придется заниматься. Если это не сделать своевременно, то для их отражения потребуются значительно большие усилия и ресурсы.

К 2017 году на карте мира скорее всего появится еще 3–6 ядерных (во всяком случае де-факто) держав.

К 2015–2017 гг. Иран, скорее всего, станет ядерной державой. После провала в Ираке США, по всей вероятности, умерят свои глобальные амбиции и попытаются перейти к более изоляционистскому внешнеполитическому курсу. Однако замкнуться на собственной территории им вряд ли удастся.

В районе расширенного Ближнего Востока скорее всего произойдет серьезная дестабилизация, составной частью которой могут стать две-три локальные войны масштаба израильско-ливанской лета 2006 года. В эти войны весьма вероятно будут втянуты Израиль и Иран.

Что касается Запада и Востока, то здесь нельзя исключать появления вызовов, но прямая военная угроза с этих направлений маловероятна. Правда, если не будет создан механизм реального партнерства между Россией и НАТО, альянс останется замкнутым военным блоком и не будет трансформирован в миротворческую организацию с российским участием, а военная инфраструктура НАТО вплотную придвинется к нашим границам, то положение существенно осложнится. Главное же, что при таком развитии событий не появится создана эффективная система евроатлантической, а, следовательно, и глобальной безопасности.

На Дальнем Востоке Китай, по всей вероятности, активизирует попытки вернуть себе Тайвань, что может вызвать острейший кризис китайско-американских и китайско-японских отношений. Такое развитие событий вряд ли отвечает интересам России, поскольку будет означать резкую дестабилизацию всего АТР с труднопредсказуемыми последствиями.

Если не удастся создать региональные системы безопасности в Большой Европе и АТР, а главное – в Центральной Азии и на Ближ-

нем Востоке, укрепить механизмы обеспечения глобальной безопасности под эгидой модернизированной ООН, то к 2017 году нельзя исключать возобновления типичного для полицентричной системы международных отношений острого соперничества между новыми центрами силы. Они будут конкурировать за господство над регионами, имеющими жизненно важное значение для России и даже над некоторыми районами самой Российской Федерации.

Заключение

В складывающейся ситуации у России не остается иного выбора, кроме как оставаться в обозримой перспективе (по крайней мере, в течение 20–25 лет) мощной ядерной державой. Необходимо ускорить создание научно-технического задела по ключевым направлениям развития средств вооруженной борьбы с привлечением лучших интеллектуальных сил. Кроме того следует взвесить целесообразность возобновления работ по средствам, обеспечивающим эффективное противодействие американской ПРО, включая различные способы как ее преодоления, так и нейтрализации.

Во внешней политике упор следовало бы сделать на инициативы по принятию мер, перечисленных выше, в особенности по модернизации и укреплению механизмов региональной и глобальной безопасности (включая ООН, НАТО, ОДКБ, ШОС и др.). Необходимо пытаться создать механизм реального партнерства между Россией и НАТО. Тогда удастся создать эффективную систему евроатлантической безопасности. Расширенную (за счет Китая, Индии, Бразилии и ЮАР) «восьмерку» целесообразно наделить функциями Глобального альянса международной безопасности (или создать такой альянс «с чистого листа»). В любом случае укреплением национальной безопасности и отражением новых вызовов и угроз следует заниматься в рамках кооперационной модели с наиболее мощными в экономическом и военном плане державами мира.

3 КРИЗИС УПРАВЛЯЕМОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ

Введение

Общее снижение управляемости является главной тенденцией развития международной системы сейчас и будет оставаться таковой в течение ближайшего десятилетия. Международное сообщество – государства и негосударственные игроки – не в состоянии обратить вспять тенденцию нарастания хаотичности. Большинство главных международных институтов и правил поведения выхолащиваются или оказываются неадекватными постоянно изменяющимся условиям. Непредсказуемость международного развития создает серьезный вызов, в том числе и безопасности традиционных лидеров международной системы, включая Россию.

Одним из наиболее разрушительных факторов для системы глобального регулирования является тенденция к внутреннему ослаблению государств – главных элементов международных отношений. В настоящее время данная тенденция проявляется на двух уровнях:

- в большинстве стран Африки и во многих государствах расширенного Ближнего Востока налицо деградация государственного управления и сокращение способности его институтов осуществлять свои базовые функции (обеспечение безопасности и правопорядка, гарантии в области образования и медицины);
- в государствах Европы и в США наблюдается неявный кризис политических систем и снижение качества государственной политики, что оказывает решающее влияние на способность международного сообщества осознать природу главных угроз и предложить адекватные и эффективные методы их устранения.

Основной автор главы – заместитель директора исследовательских программ СВОП **Д.В. Суслов.**

С другой стороны, в ряде стран Восточной Азии и Дальнего Востока качество государственного управления, наоборот, повышается или, по крайней мере, сохраняется на нынешнем уровне. Это, однако, не способно компенсировать или обратить вспять общую тенденцию к деградации регулирования международной системы.

Деградация государственного управления «развивающихся» стран

В настоящее время, в регионе Африки и расширенного Ближнего Востока (РБВ) существует несколько десятков стран, государственные институты в которых неспособны эффективно управлять собственными территориями, населением и ресурсами¹.

Для этих государств характерны массовая коррупция, неэффективность бюрократического аппарата, неспособность армии и полиции выполнять функции охраны государственных границ и правопорядка, распад силовых органов (вплоть до выхода из-под контроля центральных властей и превращения в бандформирования), не функционирующая судебная система, недееспособность медицинской инфраструктуры, растущее отставание от потребностей стран и обществ в эпоху глобализации, в том числе потребностей в области образования.

На место государственных институтов в качестве поставщиков общественных благ приходят негосударственные акторы. Ими вполне могут быть (и часто являются) транснациональные террористические сети, в результате чего территория становится рассадником международного терроризма².

Большинство стран с неэффективным государственным управлением не имеют шансов в обозримой перспективе приблизиться к

¹ Ряд исследований указывают, что проблема государственной слабости и неэффективности государственного управления характерна, как минимум, для 60 стран. Это означает, что около двух миллиардов человек живут в государствах, стоящих перед угрозой коллапса. Среди наиболее одиозных примеров деградации (или отсутствия) государства можно привести Ирак (после свержения Саддама Хусейна), Афганистан, Сомали, Сьерра-Леоне, Либерию, Руанду, Судан, Кот-д'Ивуар, Демократическую Республику Конго, Чад, Йемен, Гаити.

² Примерами того, как сети контролируют социально-политическое пространство, служат Афганистан, существенная часть территории Ирака после свержения режима Хусейна; ряд районов Пакистана; Палестинские территории.

западному уровню благосостояния и экономического развития. Многие деградируют в абсолютном отношении, что приводит к обнищанию населения.

Распространение средств массовой информации ведет к потенциально дестабилизирующему политическому «пробуждению» населения стран РБВ, а также Африки, части отсталых стран Азии и Латинской Америки. Народные массы, до того не проявлявшие политической активности, осознают себя социумом и становятся двигателем политического процесса. Авторитарные системы оказываются к этому не готовы. В результате на пространстве РБВ растет популярность единственной альтернативы слабеющих коррумпированных режимов – радикальных исламистов.

Комплекс таких факторов, как деградация государственных институтов, нищета, отсутствие возможности влиять на политику, политическое «пробуждение» и доступ к информации, порождает массовые протестные настроения, радикализм и, как следствие, антизападный терроризм.

Политические элиты деградирующих стран стремятся компенсировать свою слабость асимметричными методами. Иногда – обретением оружия массового уничтожения (ОМУ). Оно призвано играть двуединую роль: сдерживание Запада и создание видимости могущества в глазах собственного населения. Однако оно не способно компенсировать нищету и отсутствие перспектив на улучшение. В случае падения того или иного режима и прихода к власти радикальных исламистов, ОМУ может оказываться в руках международных террористических сетей. В этом случае теракт с его применением становится делом времени. Сегодня данная угроза связана в первую очередь с Пакистаном.

В условиях глобализации деградация государственного управления оборачивается комбинацией таких угроз, как региональная нестабильность, потеря территорий, которые переходят под контроль негосударственных элементов, мафиозных кланов и террористических структур, политическая и религиозная радикализация широких масс населения, распространение ОМУ и угроза его попадания в руки негосударственных игроков, непосредственно международный терроризм. Успешная борьба с этими вызовами и угрозами предполагает повышение качества государственного управления «развивающихся» стран и укрепление их государственных институтов.

Тенденции развития государственного управления в «развивающихся» странах к 2017 г.

Наиболее вероятным сценарием представляется тот, при котором к 2017 г. кризис государственного управления стран Африки и расширенного Ближнего Востока усугубится.

Маловероятно, что за ближайшее десятилетие развитые страны накопят достаточно знаний и особенно политической воли с тем, чтобы стимулировать население развивающихся государств к созданию эффективных государственных институтов.

Проводимая США политика «распространения демократии» угрожает лишить слабые страны последних элементов управляемости. С учетом нынешних политических настроений во многих странах РБВ и в Центральной Азии проведение там выборов способно привести к власти не сторонников демократии, а радикальных исламистов. Кроме того, успешная демократизация невозможна без предварительного создания эффективных государственных институтов (армия, правоохранительные органы, министерства).

Чтобы всерьез заняться проблемой государственной слабости, следовало бы отказаться от признания формальной суверенности деградирующих и «несостоявшихся» государств. Однако маловероятно, что в ближайшее десятилетие это произойдет. Между тем воссоздание (или создания с нуля) эффективных государственных институтов возможно лишь через введение прямого внешнего управления. Осознание этого может прийти только к концу следующего десятилетия.

Наконец, США и Европейский союз к 2017 г. не будут готовы коренным образом пересмотреть глобальные правила экономического взаимодействия для создания более благоприятных условий развития слабых стран. Между тем, более справедливая ценовая политика, отказ от косвенных ограничений на импорт из этих стран и агрессивного экспорта, вытесняющего местное производство, – необходимые условия для преодоления экономической отсталости.

Снижение эффективности государственного управления в развитых странах

Кризис государственного управления в развитых странах носит скорее идейный характер. Он проявляется в сужении идеологиче-

ского спектра и кризисе партийных систем. Это, в свою очередь, ведет к дефициту идей в области внутренней и внешней политики и нарастающей неспособности находить адекватные ответы на возникающие вызовы и угрозы.

В ведущих государствах Европы и в США набирает силу тенденция к унификации платформ и идеологий основных политических партий. Идеино-концептуальной конкуренции все меньше, программы соперничающих сил сближаются, что приводит к проведению всеми правительствами вне зависимости от партийной принадлежности некоего «усредненного» курса. Поскольку политическое устройство наиболее влиятельных государств Европы и Северной Америки базируется на фактически двухпартийной структуре, это приводит к идеологической монополии при формальном плюрализме. Сохраняющиеся различия касаются мелких и тактических сюжетов и моделей поведения, но не стратегических направлений политики.

Первая причина этого кризиса связана с монопольным положением, которое западная демократия приобрела в мировой идеологии после крушения коммунизма. Возникшая в 1990-е гг. иллюзия универсальности политической модели Запада и связанное с этим впечатление «конца истории» (достижение Западной Европой и Соединенными Штатами совершенного типа политической системы), привели к закреплению платформ главных партий.

Вторая причина заключается в достижении жителями Запада высокого уровня благосостояния, создании развитых социальных систем и моделей потребления. Это превращает сохранение статус-кво любыми средствами в основной императив политической жизни. Приверженность статус-кво и враждебность по отношению к каким-либо изменениям устанавливает четкие рамки возможного политического и экономического курса.

Одновременно идеологическое сближение главных политических сил накладывается на глубинный раскол западных обществ по формальному политическому признаку. Хотя предвыборные программы ведущих партий лишь незначительно отличаются друг от друга, выборы демонстрируют одинаковую поддержку населением основных соперничающих сил. В результате реализация тех немногочисленных положений, по которым различия между партиями сохраняются, оказывается невозможной. Равные или почти равные

результаты на выборах обрекают западные страны на политику «общего знаменателя».

Это накладывает серьезные ограничения на внутреннюю и внешнюю политику США и особенно стран Евросоюза. Возможность применения новаторских решений и ходов, рассчитанных на долгосрочную перспективу, реализации стратегических задач и программных установок, практически исключается. Внутренняя и внешняя политика стран Запада становится преимущественно реактивной, основанной на сохранении статус-кво и реализации тактических интересов.

Примером может служить нынешняя ситуация в Европейском союзе. В условиях конкуренции со стороны Китая, Индии, Соединенных Штатов и Японии, демографического кризиса и замедления темпов роста в самом ЕС социальная модель континентальных государств Западной Европы представляется все менее конкурентоспособной. Но эти страны не в состоянии даже приблизиться к давно назревшим и необходимым реформам. Кризисное состояние политических систем уже привело к экономическому отставанию Евросоюза в мировой экономике, а также к серьезному кризису Европейского союза в целом.

Сходная ситуация складывается в США. Растущий дефицит торгового и платежного балансов подрывает нынешнюю экономическую модель, при которой американское общество потребляет больше, чем производит, и кредитует свой уровень потребления за счет внешних заимствований. Постепенное снижение доверия мировых финансовых рынков к доллару обозначает пределы данной модели. Однако ни одна из ведущих политических сил Америки не способна предложить и всерьез реализовать реформы, требующие ограничить уровень потребления.

Внешне глобальная политика Соединенных Штатов, проводимая республиканской администрацией Джорджа Буша-младшего после событий 11 сентября 2001 г., выглядит исключением из этой тенденции. Благодаря идейному преобладанию неоконсерваторов Вашингтон впервые за время после Второй мировой войны предпринял попытку серьезной трансформации международной системы и коренного переустройства регионов, из которых исходили главные угрозы безопасности.

На деле же эта политика отражала американский внешнеполитический мейнстрим, заключающийся в безусловном закреплении доминирования США в мире. Последнее было главным и безусловным внешнеполитическим приоритетом Америки после окончания холодной войны, и неоконсерваторы представляли лишь более решительную тактику достижения все той же стратегической цели. Ориентация Вашингтона на стратегические и долгосрочные решения predetermined самим фактом того, что Америка является единственной сверхдержавой. Внешнеполитическое же выражение кризиса политической системы заключается в том, что она не способна предложить иную модель внешней политики, чем та, что реализуется в настоящее время.

Вместе с тем, гегемония США в международной системе за 2001–2006 гг. не только не укрепилась, но в значительной мере ослабла и ни одна из задач, ставившихся администрацией Джорджа Буша, не реализована. Кроме того, серьезно осложнились отношения с Западной Европой – основным союзником, ухудшился имидж Америки и, как следствие, ее «мягкая сила».

Перспективы государственного управления развитых стран к 2017 г.

Вероятность того, что к 2017 г. страны Европы и США преодолеют кризис политических систем, крайне мала. Это обусловлено их низкой способностью к адаптации, к непопулярным решениям (в случае Европейского союза) или выхода за рамки нынешней политической идеологии (в случае США).

Маловероятно, что Соединенные Штаты устранят те причины, которые завели Америку во внешнеполитический кризис и коренным образом изменят курс. Такой прогноз связан с высокой степенью идеологизации внешней политики, политической системы и культуры США в целом. Политикообразующий класс вне зависимости от партийной принадлежности того или иного деятеля оценивает события в мире сквозь призму нескольких фундаментальных идеологических догм, каждая из которых во многом ошибочна.

Они занимают в американской политической мысли настолько прочное положение, что попытка выйти за их рамки приводит к маргинализации любого, кто такую попытку предпринимает. Демократиче-

ская партия, которая критикует внешнюю политику администрации Буша, исходит из данных догм не в меньшей степени, чем неоконсерваторы³. Дискуссия ведется не вокруг того, насколько эти идеологические положения соответствуют реальности, а как наилучшим способом их реализовать. Иными словами, единственная внешнеполитическая альтернатива, предлагаемая сегодня в США, представляет собой «облегченный» вариант стратегии нынешней администрации с неизменным по сути, но более «разбавленным» содержанием.

Аналогичные выводы применимы для государств Евросоюза. Дальнейшее поступательное развитие европейского интеграционного проекта, как представляется, требует осознанного и окончательного выбора в пользу одной из интеграционных моделей – либо наднациональной, либо межправительственной. Однако, крайне маловероятно, что этот выбор будет сделан к 2017 г. Это определяется особенностями политических систем западноевропейских стран, и в первую очередь, невозможностью сущностного изменения политического курса, отхода от нынешнего статус-кво.

Кризис регулирования международной системы

В кризисном состоянии находятся не только центральные элементы международной системы – государства, но и система отношений между ними. Ко второй половине 2000-х гг. серьезно подорванной оказалась большая часть правил, механизмов и процессов, регулирующих поведение участников международной системы.

³ В целом эти догмы сводятся к следующим: 1) Демократии не воюют между собой. Распространение демократии прямо пропорционально стабилизации и снижению конфликтности международной системы. 2) Западная демократия является универсальной ценностью, внутренне присущей каждому социуму, так как стремление к свободе заложено в каждой человеческой личности. 3) Западная демократия является неизбежной конечной целью развития каждого общества, своеобразным универсальным «концом истории». 4) Однополярность во главе с США является наименее конфликтной структурой международной системы, так как исключает соперничество между великими державами. 5) Доминирование Америки поддерживается большинством стран мира, так как представляет собой «гегемонию нового типа», основанную на универсальных американских ценностях, привлекательности американского общества, экономики и политической системы. 6) Поддержание гегемонии посредством измельчения геополитического пространства потенциальных соперников и непосредственное регулирование региональных процессов эффективнее, нежели делегирование прав регионального лидерства и регулирования ведущим региональным державам.

На нынешнем этапе силовая иерархия в мире относительно стабильна, а США значительно опережают все остальные государства и даже возможные группы государств по комплексному показателю силы. Однако политическое влияние Вашингтона уменьшается. Неспособность Соединенных Штатов отказаться от воплощения в жизнь ряда идеологических догм грозит обвалом политического влияния и ограничением вовлеченности США в мировую политику. Крах американской стратегии в Ираке и на Ближнем Востоке в целом и последующий спешный уход из региона может в корне изменить отношение американского общества к внешней вовлеченности страны. Нельзя полностью исключать частичный отказ Америки от обязательств в Восточной Азии и Европе.

При этом упадок американского влияния не будет восполнен подъемом других центров силы. Ни один из альтернативных «полюсов» (ЕС, Китай, Индия, Россия), ни все они вместе не обладают физическими возможностями и желанием выступать гарантами регулирования международной системы, в том числе и в первую очередь в военной сфере, и тем самым компенсировать ослабление Америки. По мере снижения влияния США возникают предпосылки не многополярного, а бесплюсного мира. Разворот этой тенденции вспять может произойти не раньше, чем к концу прогнозного десятилетия.

Кризис международных институтов

Во второй половине 2000-х гг. в кризисном состоянии оказались практически все основные многосторонние механизмы принятия решений. Большинство международных институтов, созданных в годы холодной войны, не справляются с нахождением ответов на новые угрозы и вызовы безопасности, носящих, как правило, трансграничный, дисперсный и сетевой характер. Имеющиеся институты не приспособлены к работе по улучшению государственного управления в «развивающихся» странах. Перспективы же создания в кратко- и среднесрочной перспективе организаций, специально ориентированных на осуществление государственного строительства в странах, которые сами с этим не справляются, крайне малы.

В 2000-е гг. оформилась тенденция принимать все большее число решений вне рамок международных институтов, что в значительной мере подрывает легитимность этих решений.

Ослабление институтов означает снижение «конституционности» в регулировании международных отношений, что, в свою очередь, уменьшает восприимчивость государств к регулирующим импульсам.

Организация Объединенных Наций

Ярче всего кризис международных институтов проявляется в ослаблении главного многостороннего механизма принятия решений – Организации Объединенных Наций. ООН стала заложником раскола международного сообщества между державами «золотого миллиарда» и слабыми, деградирующими политически и экономически странами, с одной стороны, и раскола между США и всеми остальными государствами – с другой.

Совет Безопасности ООН – главный механизм принятия решений по вопросам войны и мира – остается во второй половине 2000-х гг. относительно неэффективным органом, который не отражает реальную расстановку сил в мире после окончания «холодной войны»

Генеральная Ассамблея (ГА) ООН, являясь универсальной площадкой глобального диалога, не в состоянии содействовать нахождению ответов на главные угрозы и вызовы международной системы. Прежде всего ввиду доминирования в ГА представителей слабых и деградирующих государств, политические элиты которых осознают, что реальная работа, нацеленная на улучшение государственного управления, лишит их нынешних благ и привилегий.

Ряд осторожных шагов в правильном направлении все же был сделан. Например, принят «Монтеррейский консенсус», признавший важность государственного управления для развивающихся стран и увязавший предоставление им экономического содействия с шагами по улучшению управления. Тем не менее к середине 2000-х гг. ООН не смогла предложить глобальную повестку дня по повышению эффективности управления и государственному строительству в странах Азии и Африки.

Перспективы успешного реформирования ООН к 2017 г. представляются туманными. Те меры по реформированию, которые принимаются в настоящее время, вряд ли содействуют повышению эффективности организации.

НАТО

Во второй половине 1990-х гг. создавалось впечатление, что снижение институционального регулирования международной системы из-за ослабления ООН может быть компенсировано усилением Североатлантического альянса. Эта возможность была в осторожных формулировках записана в новой Стратегической концепции альянса 1999 г. и тогда же опробована в Югославии. Однако уже в начале 2000-х гг. роль НАТО в глобальной системе принятия решений стала снижаться. Причиной стало укрепление односторонних тенденций в американской внешней политике, а также неприятие «оонизации» альянса Россией, Китаем, Индией, Бразилией и даже рядом «старых» стран – членов НАТО. Усиление роли альянса в глобальной системе принятия решений интересовало Соединенные Штаты лишь в той мере, в какой он являлся инструментом реализации внешнеполитической повестки Вашингтона. Ударом по роли НАТО стал отказ США от введения в действие 5 статьи Атлантического договора после событий 11 сентября 2001 года.

К 2017 г. НАТО вряд ли станет центральным институтом регулирования международной безопасности. Главными причинами являются:

- нежелание европейских стран увеличивать оборонные расходы и вообще участвовать в миротворческих операциях, тем более в длительных миссиях по госстроительству;
- нежелание европейских стран-членов беспрекословно реализовывать внешнеполитическую повестку дня США, отторжение стремления Вашингтона навязывать свою точку зрения, а не вести консультации на равных; конкуренция НАТО и ЕС, подрывающая дееспособность обеих организаций;
- склонность Соединенных Штатов действовать в одностороннем порядке в случае, если добиться поддержки в рамках альянса не представляется возможным; нежелание Америки подчиняться каким-либо многосторонним структурам, в особенности по вопросам применения силы и командования военными операциями;
- неучастие в НАТО России и ставка альянса на прием бывших союзников и союзных республик СССР вместо интеграции РФ и западной системы безопасности. Россия сегодня не имеет стимулов содействовать сохранению или укреплению мировых позиций альянса;

- нежелание усиливающихся стран Азии поддерживать НАТО и проводимые альянсом операции.

Между тем, попытки превратить НАТО в глобальный союз безопасности будут продолжаться. Успех или провал этих попыток будет в значительной степени зависеть от исхода операции в Афганистане.

«Большая восьмерка»

Вступление РФ в «Группу восьми» и в особенности российское председательство добавило данному форуму легитимности в развивающихся странах. Принимаемые им рекомендации стали восприниматься в большинстве государств мира более конструктивно, что потенциально способно повысить его эффективность. В середине 2000-х гг. «восьмерка» приняла ряд важных стратегических решений, адекватных природе и причинам современных вызовов и угроз. Это меры экономической политики, направленные на улучшение государственного управления развивающихся стран (Си-Айленд, 2004 г.; Гленигс, 2005 г.), а также попытка ужесточить режим нераспространения ядерного оружия (Санкт-Петербург, 2006 г.).

Обсуждаемые в настоящее время перспективы присоединения к «восьмерке» Китая и Индии создают предпосылки для ее возможного превращения в центральный механизм регулирования международных политико-экономических отношений, а также в институт, который сможет поставить вопрос об улучшении госуправления в развивающихся странах. С другой стороны, расширение «клуба» усилит противоречия, которые уже проявились в его работе после присоединения России. По этой причине «восьмерка» может оказаться парализована так же, как СБ ООН.

Отсутствие в «восьмерке» постоянного секретариата (и даже перспектив его появления), а также необязательность принимаемых решений (что вряд ли изменится) означает, что в ближайшее десятилетие группа останется форумом для консультаций наиболее влиятельных стран по отдельным проблемам мировой политики и экономики. Перспективы же ее превращения в институт регулирования жгучих вопросов международных отношений, тем более в их центральный институт, невелики даже в среднесрочной перспективе. Вместе с тем, можно ожидать институционализации расширенной «восьмерки» и к концу прогнозного периода.

Кризис норм и правил поведения государств

В середине первого десятилетия XXI века сложилась противоречивая ситуация с правилами и нормами, регулирующими поведение участников международной системы. Хотя общее количество норм увеличивается, правила, регулирующие наиболее значимые сферы взаимодействия, разрушаются или теряют силу. В ряде случаев для одной и той же сферы действует сразу несколько противоречащих друг другу правил и норм. В середине 2000-х гг. можно с уверенностью говорить о *кризисе международного публичного права*, преимущественно в части применения военной силы.

Ряд положений международного права, базирующегося на Уставе ООН, не соответствует условиям трансграничных сетевых угроз. В этой связи их частичный пересмотр может быть оправдан и будет содействовать росту управляемости международной системы. Однако, тот факт, что пересмотр зачастую производится явочным порядком, не принимается большинством (и даже рядом наиболее влиятельных) государств мира, и носит весьма противоречивый характер, оказывает негативное влияние.

К наиболее значимым правилам и нормам поведения государств, находящимся в кризисном состоянии, относятся:

- **Правила принятия решений о применении силы.** Согласно международному праву, такое решение правомочен выносить только СБ ООН. Несмотря на сохранение этого положения действующим правом, фактически оно регулярно нарушается (Ирак – 1998 г., Югославия – 1999 г., Ирак – 2003 г.). Параллельно утверждается норма о том, что решения о применении силы могут принимать и региональные организации коллективной безопасности (НАТО, СНГ, ОДКБ). Наконец, монополия СБ ООН открыто оспаривается США, которые официально заявляют о готовности и намерении применять силу в одностороннем порядке, если это будет диктоваться интересами безопасности Америки.
- **Критерии применения силы.** Международное право допускает применение силы в целях самозащиты, а также в целях предупреждения внешней агрессии, неотвратимость которой очевидна. В 1990-е гг. к основаниям для силовой акции добавилось положение о гуманитарной интервенции, однако данный под-

ход не пользуется всеобщей поддержкой. События же 11 сентября 2001 г. объективно потребовали дальнейшего расширения правил применения силы, а также пересмотра понятия внешней угрозы и ее неотвратимости. Однако эти соображения не нашли «конституционного» выражения в международном праве. Вместо этого Соединенные Штаты явочным порядком представили доктрину «упреждающих ударов», которая в силу умышленно заложенных в нее уловок и противоречий лишь усугубила кризис правил и норм. Еще более разрушительный удар по критериям применения силы нанесен войной против Ирака 2003 г.: акция была предпринята против относительно стабильного государства, не имевшего связей с международными террористическими сетями и не обладавшего на момент военной операции ни ОМУ, ни программами его производства. Те же страны, которые обладали и тем, и другим (КНДР), и при этом были прямо или косвенно связаны с международным терроризмом (Саудовская Аравия, Пакистан), остаются безнаказанными.

- **Отсутствие универсального определения международного терроризма.** Наблюдается вакуум «конституционных» правил и норм поведения в отношении международного терроризма. Вероятность преодоления этого вакуума к 2017 г. крайне мала, поскольку разные страны подходят к этому явлению противоположным образом. То, что для одних является международным терроризмом, другие понимают как национально-освободительную борьбу и т. д.
- **Проблема суверенитета.** В середине 2000-х гг. в международных отношениях отсутствует общее понимание того, что представляет собой государственный суверенитет, каковы его критерии и насколько он абсолютен. Очевидно, что угрозы, связанные с неэффективностью и слабостью государственного управления, требуют серьезного пересмотра традиционного понимания суверенитета как безусловного и абсолютного атрибута каждого государства, ограничивающего внешние вмешательства в его внутренние дела. С другой стороны, четкие критерии ограничения государственного суверенитета, кроме как допущение государством гуманитарной катастрофы, отсутствуют. Нет каких-либо стандартов, регламентирующих, какая степень государственной слабости или несостоятельности до-

пускает внешнее вмешательство, в том числе вооруженное, а какое нет. Это создает предпосылки для произвольного толкования влиятельными государствами права на вмешательство, исходя из собственных интересов.

Перспективы к 2017 г.

Вероятность легитимной и «конституционной» адаптации системы правил и норм к современным условиям до 2017 г. крайне мала. Подходы стран «золотого миллиарда», с одной стороны, слабых и деградирующих государств – с другой, и, наконец, США к тому, в какую сторону должны развиваться данные правила и нормы, принципиально различны. Если для одних признание государственного суверенитета напрямую зависит от устойчивости и жизнеспособности того или иного государства, то для других он является неотъемлемой и изначально данной категорией. Для США же суверенитет вообще зачастую ставится в зависимость от того, насколько про- или антиамериканскую политику проводит тот или иной режим.

Ослабление и разрушение важнейших международных режимов

К середине 2000-х гг. серьезно ослаблен режим нераспространения ОМУ – центральный для поддержания международной стабильности и безопасности. Международное сообщество не смогло предотвратить появление ядерного оружия у Индии и Пакистана, а затем и у Северной Кореи. Их превращение в ядерные державы на фоне американских ударов по Югославии и Ираку создали мощный стимул к получению ОМУ всеми странами, опасаящимися карательных действий со стороны Вашингтона. Кроме того, приобретение ядерного оружия Пхеньяном создает угрозу гонки вооружений в регионе Восточной Азии с участием Японии и КНР.

Весьма вероятно, что к 2012–2014 гг. Иран обретет ядерное оружие. При этом международное сообщество вряд ли способно реально этому воспрепятствовать. Между тем, ядерный статус Ирана скорее всего приведет к концу прогнозируемого периода к приобретению ядерного оружия Саудовской Аравией и/или Египтом, при этом ни одна из этих стран не отличается высокой стабильностью и эффек-

тивностью госуправления. Возрастет вероятность попадания ОМУ в руки негосударственных игроков и совершения терактов с его применением.

Заключение

Превалирующей тенденцией развития современной международной системы является снижение ее управляемости. Число конфликтов, как внутригосударственного, так и межгосударственного характера, увеличивается, при этом международное сообщество не в состоянии как-либо противостоять этому. Эффективность миротворческих операций, а также мер, направленных на предотвращение конфликтов и вооруженных столкновений, снижается.

В целом вероятность того, что в среднесрочной перспективе тенденция к деградации международной управляемости будет переломлена или обращена вспять, незначительна.

Нельзя полностью исключать сценарий, при котором тенденции к большей управляемости все-таки возьмут верх. Однако перед этим международной системе, скорее всего, придется пережить серьезные кризисы, фарсовую холодную войну, обострение торгово-экономических отношений.

Если же негативные тенденции возобладают и к концу прогнозного периода, нельзя исключать сползания человечества к серии масштабных военно-политических кризисов.

4 ЭВОЛЮЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ

Введение

Мировой энергетический рынок переживает период масштабных изменений, часть из которых может принять к 2017 г. законченную форму. Все более заметны признаки того, что практика взаимоотношений между производителями и потребителями энергоресурсов, сложившаяся в последней четверти XX века, уходит в прошлое. Не работают существующие механизмы регулирования мирового энергетического рынка. Все очевиднее обострение конкуренции между потребителями, подогреваемое появлением на рынке таких мощных игроков, как Китай и Индия.

Месторождения, расположенные в непосредственной близости от развитых стран, где в 1970–1980-е гг. под влиянием высоких цен начали добывать нефть, на грани исчерпания. Необходимы масштабные инвестиции в новые нефтеносные регионы Западной Африки, Центральной Азии, Каспии, России, которые смогли бы заместить выбывающие мощности. Формируются контуры новой энергетической реальности.

Текущее состояние мировой энергетики определяют следующие ключевые страны и регионы:

- США – крупнейший потребитель нефти (24,6 %). При этом больше половины потребляемой нефти импортируется. Соединенные Штаты также являются мировым лидером по импорту природного газа (16 % от мирового импорта);
- 61 % мировых запасов нефти и 40,1 % запасов газа сосредоточены на Ближнем Востоке, что обуславливает стратегическую

Авторы главы – директор Института сравнительных оценок и анализа **В.А. Гусейнов**, заместитель генерального директора ИСОА **А.П. Денисов**, Специалист-эксперт «Бюро социально-экономической информации» **А.В. Гончаренко**

значимость этого региона для выстраивания крупнейшими потребителями национальных энергетических стратегий;

- среди стран Ближневосточного региона выделяются Саудовская Аравия (22 % мировых доказанных запасов нефти, 13,5 % мирового производства нефти), Иран (14,9 % мировых доказанных запасов газа и 11,5 % мировых доказанных запасов нефти), Ирак (9,6 % мировых доказанных запасов нефти), Катар (14,3 % мировых доказанных запасов газа);
- Россия – 26,6 % мировых запасов природного газа, от 6,2 % до 13 % (по разным оценкам) мировых разведанных запасов нефти, около 20 % разведанных запасов каменного угля. Наша страна занимает первое место в мире по трубопроводной торговле природным газом, а как экспортер нефти делит пальму первенства с Саудовской Аравией. В настоящее время более 90 % экспортируемых российских энергоносителей поставляется в страны Европы.
- наибольший рост темпов потребления отмечается в Китае, который только в 2004 г. обеспечил 31 % роста потребления нефти в мире. за последние 40 лет потребление нефти в КНР увеличилось более чем в 25 раз и составляет 8,55 % мирового потребления;
- на территории Европейского союза находится лишь 3,5 % мировых доказанных запасов газа и менее 2 % доказанных запасов нефти (в основном в Норвегии и Великобритании). В то же время расположенные в Европе нефтегазовые месторождения эксплуатируются гораздо интенсивнее, чем в других регионах мира, что ведет к быстрому истощению. Доля Западной Европы в потреблении нефти составляет 22 %. Германия является вторым импортером газа в мире (14 %). Основной проблемой ЕС является рост зависимости от импорта энергоносителей: к 2030 г. она будет составлять 70 %, в то время как импорт нефти в Евросоюз может вырасти с 76 % до 90 %, импорт газа – с 40 % до 70 %, угля – с 50 % до более чем 70 %.

В настоящее время ситуация на мировом энергетическом рынке характеризуется следующими обстоятельствами:

- нефть выступает энергоносителем общемирового значения, газ – в основном регионального, уголь – локального;
- резко растет потребление углеводородов, которые в обозримом будущем не будут заменены альтернативными источниками энергии;

- с учетом продолжающегося экономического роста развивающихся азиатских стран, быстрого увеличения там численности населения и чрезвычайно высокой энергоемкости национальных экономик резко растут их потребности в энергоресурсах;
- увеличивается разрыв между растущими объемами потребления и снижающимися объемами производства углеводородов в развитых странах;
- риски, связанные с возможной дестабилизацией рынка, увеличиваются из-за ограниченных возможностей дополнительного роста производства;
- снижается уровень обеспеченности мировой экономики запасами нефти и газа;
- наблюдается недостаток (временный) нефтеперерабатывающих и транспортных мощностей и ограниченность дополнительных мощностей по добыче нефти;
- промышленно развитые потребители проявляют интерес к развитию альтернативной энергетики;
- возрастает значимость проектов по производству и поставкам сжиженного природного газа (СПГ);
- в ряде стран наблюдается возрождение интереса к атомной энергетике;
- становится все меньше активов для слияний и поглощений, поэтому в последние годы основные слияния происходят исключительно в рамках одной страны или же общего геополитического пространства;
- в регионах, наиболее богатых углеводородами, увеличиваются политические риски.

Причины обострения противоречий

Ситуация в мировой энергетике характеризуется обострением противоречий, которые сохранятся на весь прогнозируемый период¹.

Конфликтный потенциал, заложенный в распределении нефтяных ресурсов, является первопричиной геополитической напряженности. В то время как главными потребителями нефти являются высокоразвитые державы и поднимающиеся новые гиганты, основная доля мировых запасов углеводородов сконцентрирована в сравни-

тельно небольшой группе развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Данное противоречие является базисным с точки зрения сценарного поведения ключевых игроков на рынке.

Такие крупные потребители, как США, Евросоюз и Китай сосредотачивают как экономические, так и политические ресурсы для экспансии на одни и те же рынки, что приводит к росту конкуренции. То обстоятельство, что большинство богатых ресурсами стран нестабильны в политическом плане, закладывает основу для будущих потрясений мирового энергетического рынка и создает определенные возможности для российской экспансии.

Основные мировые углеводородные ресурсы находятся под контролем национальных государственных компаний. В свою очередь, перерабатывающие мощности, логистические и транспортные схемы, а также дистрибуция углеводородов контролируются транснациональными корпорациями. Этим обусловлена различная стратегия поведения игроков на рынке. Крупные транснациональные корпорации нацелены на наращивание своей ресурсной базы. А госкомпании, располагающие основными запасами, стремятся развивать переработку и пытаются получить долю в капитале транспортных и сбытовых структур. Данное противоречие усугубляется, оно носит характер нарастающей тенденции, которая, скорее всего, сохранится в ближайшее десятилетие.

Сужается число регионов, где резкого роста производства углеводородов можно добиться, не применяя новейших технологий и методов добычи, требующих многомиллиардных вложений в инфраструктуру. С учетом этого возможности для маневра ключевых потребителей на рынке будут сужаться, особенно в период 2013–2017 годов.

Основное геостратегическое противостояние развивается между Китаем и Соединенными Штатами. К 2030 г. КНР сравняется с США по объемам импортируемой нефти. При этом Пекин отчетливо осознает, что дальнейший рост экономики невозможен без обеспечения надежных источников энергоресурсов. Именно поэтому энергетическая безопасность и поиск новых рынков становятся для Китая вопросом «выживания» как одного из лидеров мировой эко-

¹ Рост цен на углеводороды приобрел характер устойчивой тенденции, начиная с 2000 г., когда разразился очередной арабо-израильский конфликт. Впоследствии все «пиковые» значения нефтяных котировок отражали набирающую обороты региональную напряженность: вторжение США в Ирак, нагнетание обстановки вокруг ядерной программы Ирана, «тридцатидневная» война в Ливане и т. д.

номики. В свою очередь, Вашингтон не заинтересован в усилении позиций Китая на углеводородном рынке и готов привлекать максимум имеющихся политических и экономических рычагов для недопущения китайских нефтегазовых компаний на рынки.

Основные векторы развития к 2017 году

В целом динамика развития ситуации по всем направлениям в течение следующего десятилетия унаследует тенденции предшествующего периода. Доля основных традиционных энергоресурсов (нефть, газ и уголь) сохранится на уровне 2003–2005 гг. – то есть около 80 % в совокупном потреблении первичных энергоносителей. Роль нефти в мировом энергообеспечении будет максимальной (снижение интереса к ней возможно только начиная с 2030 г.).

В ближайшее десятилетие нефть останется ведущим энергоисточником, обеспечивая около 40 % энергопотребления. За ней следуют природный газ (28 %), уголь (20 %), возобновляемые источники (7 %) и ядерная энергия (5 %). Доли природного газа и нефти будут расти, а угля и ядерной энергии падать. К концу десятилетия доля ядерной энергии может стабилизироваться и начнут расти альтернативные источники энергии, но их рост не повлияет на базовые тенденции, по крайней мере в течение ближайших 15–25 лет.

В более далекой перспективе (до 2067 г.) структура мирового энергодобавки может измениться по двум базовым сценариям.

Первый предусматривает постепенный переход от нефти к газу примерно так же, как ранее нефть вытеснила уголь. Затем ожидается сдвиг к возобновляемым источникам и, вероятно, к ядерной энергии. При этом нефть сохранит позиции в качестве важного источника энергии по крайней мере до середины XXI века.

Согласно **другому** сценарному плану, потребление нефти начнет сокращаться гораздо раньше, примерно в 2025 г. Это произойдет, если в ближайшие десять лет будет достигнут значительный прогресс в области водородных технологий и водородные топливные батареи начнут быстро вытеснять бензиновые двигатели. Но подобное пока маловероятно.

Энергоемкость мирового хозяйства будет постепенно снижаться (преимущественно за счет развитых стран), но линейная зависимость между ростом ВВП и увеличением энергопотребления сохра-

нится. Продолжающийся рост мировой экономики еще некоторое время будет обеспечивать и растущий спрос на энергоносители. Однако рост энергопотребления замедляется и все больше отстает от темпов роста ВВП. Мировые экономики начинают приспосабливаться к высоким ценам посредством снижения энергоемкости и обращения к альтернативным и возобновляемым энергоносителям. Доля энергетики в общих расходах западных стран будет и дальше уменьшаться. Это делает невозможным опору на энергоносители в качестве основы для национального развития даже в среднесрочной перспективе (в частности для России).

В ближайшее десятилетие наиболее быстрые темпы роста энергопотребления ожидаются в период 2006–2012 гг. – в среднем на 1,6–2 % в год. Затем начнется замедление, однако в целом основные тенденции сохранятся. Быстрее всего потребление будет расти в странах АТР. Попытки Китая и Индии решить проблемы энергобезопасности за счет внутренних ресурсов, скорее всего, будут неудачными. Доля развивающихся стран в мировом энергопотреблении будет расти, а развитых – снижаться. При этом потребление нефти, природного газа и угля в развивающихся странах превысит потребление этих видов топлива в индустриальных государствах.

Глобальное потребление нефти будет в основном возрастать за счет стран АТР (в среднем на 2,8 % в год), прежде всего Китая (4,5 % в год) и Индии (3,5 % в год), рост сохранится в Северной Америке (1,4 % в год), Латинской Америке (2,6 % в год) и на Ближнем Востоке (2,1 % в год).

Использование газа будет быстрее всего расти в странах АТР (в среднем на 3,6 % в год), в Центральной и Южной Америке (на 3,2 %), на Ближнем Востоке (3,1 %), в Африке (4,1 %). Росту потребления газа способствуют удешевление и совершенствование технологических систем его транспортировки (включая СПГ) и использования. Предложение газа возрастет благодаря реализации ряда крупнейших проектов в России (полуостров Ямал, Восточная Сибирь, Дальний Восток, шельф Карского моря), в Иране, Катаре (Северное, Южный Парс и др.), Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейте, Алжире, Ливии, Азербайджане, Казахстане, Туркменистане (шельф Каспийского моря) и др.

Прогнозируемое снижение уровня добычи нефти в промышленно развитых странах может вызвать существенный рост объемов ее импорта, в первую очередь из политически и экономически нестабильных стран Персидского залива. Все более актуален вопрос о дивер-

сификации источников поставки. В этой связи понятно, в чем причина роста интереса держав, являющихся основными потребителями энергоресурсов, и крупных международных корпораций к ресурсно-сырьевой базе государств, не входящих в ОПЕК. В том числе к России и ряду других стран постсоветского пространства.

Рост потребления углеводородов приведет к углублению ключевых противоречий мирового ТЭКа. Рынки энергоносителей неизбежно будут испытывать потрясения, основой которых станут скоординированные террористические атаки на объекты нефтяной инфраструктуры, что весьма вероятно, в Ираке, Иране, Саудовской Аравии, Латинской Америке, странах Африки, а также связанные с этим сбои поставок. Рост потребления углеводородов существенно повысит геополитические риски и может привести к новым региональным конфликтам. Между тем, скорее всего ход событий будет поступательным и в ближайшее десятилетие мировой рынок не постигнут нефтяные кризисы наподобие тех, что случались в 70–80-е гг. прошлого столетия

КНР приложит все силы, чтобы увеличить свое влияние и экономическое присутствие на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и Центральной Азии. Экспансия Китая на энергетические рынки будет и далее сталкиваться с острой конкуренцией со стороны США. Не исключены ситуационные союзы КНР с Индией и Россией для расширения своего присутствия в мировой энергетике.

Основным источником увеличения добычи в Латинской Америке станет глубоководный шельф Бразилии. Очевидно, разрабатывать его будут американские корпорации и углеводороды, добытые в рамках бразильских проектов, будут использованы США в рамках политики снижения зависимости от ближневосточных поставщиков. В то же время создание патронируемого Чавесом альянса Венесуэла–Куба–Боливия может привлечь другие латиноамериканские страны. Таким образом, в условиях высоких цен на нефть создаются предпосылки переориентации значительной части южноамериканской нефти с североамериканского на азиатско-тихоокеанское направления. Чавес, скорее всего, сохранит свой пост или передаст власть преемнику. Вместе с тем, в случае опасности полного прекращения поставок нефти на американский рынок, а также успеха проекта по созданию латиноамериканской политической оппозиции Соединенным Штатам Вашингтон может пойти на более решительные меры по смене режима в Венесуэле.

Ожидается значительный рост доли Черного континента в мировой энергетике. В целом по региону пиковый уровень будет достиг-

нут к 2020 г., дальше добыча начнет, видимо, снижаться. Помимо существующих добывающих проектов в Северной и Западной Африке (Нигерия, Алжир, Египет, Ливия) международные энергокомпании будут активно инвестировать в геологоразведку и добычу в Восточной и Юго-Восточной Африке (Судан, Танзания, Ангола). Увеличение добычи нефти прогнозируется также в Чаде, Конго и Экваториальной Гвинее. В первую очередь будут развиваться шельфовые проекты. Лидером роста в Африке станет Ангола, где в полную силу заработают глубоководные месторождения, открытые в последние годы. Основными конкурентами в африканских нефтегазовых проектах являются США и Китай. Соединенные Штаты первыми начали работать на этом направлении, но КНР расширяет свое присутствие в Африке опережающими темпами. Скорее всего, США постараются использовать свое политическое влияние в большинстве африканских государств, чтобы создать дополнительные ограничения для вхождения китайских компаний в африканский ТЭК.

На Каспии добыча нефти будет возрастать. В период до 2015 г. пальму первенства здесь удержит Азербайджан, где добыча нефти будет вестись на месторождениях Азери-Чираг-Гюнешли и газа на месторождении Шах-Дениз. С 2015 г. базовым месторождением нефти станет казахстанский Кашаган. В то же время с точки зрения запасов газа к 2017 г. основными поставщиками останутся Туркмения и Казахстан, тогда как доля Азербайджана будет снижаться.

Геополитический расклад в Каспийском регионе в целом складывается в пользу Запада. Уже функционирует нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) в обход России и турецких проливов, в 2007 г. работает газопровод Баку-Тбилиси-Эрзерум (БТЭ). Скорее всего, до 2015 г. будет построен газопровод из Турции (предполагающий в перспективе поставки газа из Ирана, Казахстана и Туркменистана) в Европу (проект «Набукко»). В этой связи можно ожидать нарастания давления США и Европейского союза на Ашхабад с целью переориентации газовых потоков в планируемый газопровод. Одновременно Казахстан и Туркменистан реализуют трубопроводные проекты по поставкам нефти и газа в Китай. Влияние России на Каспии минимизируется. Скорее всего, позиции России останутся на нынешнем уровне как страны – транзитера небольших объемов каспийской нефти по трубопроводу КТК. Поставки нефти по трубопроводу Баку-Новороссийск, скорее всего, будут заморожены с выходом на полную мощность нефтепровода БТД.

Большой Ближний Восток в целом не выйдет из под стратегического контроля Соединенных Штатов. С точки зрения энергобезопасности на период до 2017 г. основным источником ресурсов останется Саудовская Аравия, которая к 2010 г. введет в строй новые добывающие мощности. С учетом этого ее доля на мировом рынке нефти сохранится, хотя значительные ресурсы США, Китая, Евросоюза и Японии будут направлены на снижение зависимости от ближневосточной нефти. В целом большинство стран региона продолжают политику лавирования между основными потребителями – Соединенными Штатами и КНР.

Поскольку нестабильная военнополитическая ситуация на расширенном Ближнем Востоке сохранится, можно ожидать, что до 2015 г. не произойдет революционных прорывов в отношении поставок на международные рынки иракской нефти и иранского газа. Скорее всего, в ближайшие 10 лет США предпримут попытки с минимальными для себя финансовыми и репутационными потерями решить вопрос об установлении контроля над наиболее важными с точки зрения поставок нефти и газа регионами. В отношении Ирака – это запущенный процесс «контролируемого развала» страны на три части, в результате которого наиболее богатый нефтью север отойдет, как надеются в Вашингтоне, под американо-курдский контроль. Затем вероятно расширение нефтеэкспортной системы Киркук–Джейхан.

В отношении Ирана, скорее всего, будут предприняты попытки продолжать в условиях «мягких» экономических санкций курс на «демократизацию» политической жизни страны. Одним из вероятных сценариев американского поведения в отношении Тегерана могут стать некие сепаратные договоренности и снятие ряда претензий в обмен на перспективные проекты в сфере ТЭКа. Данные меры носят долгосрочный характер, политическая неустойчивость региона будет расти на протяжении всего периода планируемых преобразований, так что до 2017 г. Иран и Ирак не смогут в полной мере реализовать свой углеводородный потенциал. Для США Большой Ближний Восток останется по сути «резервным» источником углеводородов на более длительную перспективу, тогда как в ближайшее десятилетие Вашингтон займется активным развитием латиноамериканского, африканского, канадского и каспийского направления.

Политическая и энергетическая роль Тегерана на мировой арене будет возрастать. Иран продолжит попытки расширить географию экспорта энергоносителей. Среди региональных направлений его газо-

вой стратегии можно выделить западное (Турция, европейские рынки), северное (Закавказье и Центральная Азия) и восточное (Пакистан, Индия, Китай, страны ЮВА). Перспективы «западного вектора» газовой политики ИРИ (газопровод Иран–Турция с перспективой выхода на европейские рынки) находятся в зоне высоких политических рисков. Тем не менее Иран с его запасами – основной ключ к энергетической независимости Европейского союза от России. С этой точки зрения Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы как можно скорее снять иранскую проблему и использовать иранский энергетический потенциал для решения собственных геополитических задач, а именно – снижения энергетической зависимости ЕС от России. Но реально крупные инициативы в сфере транспортировки иранских углеводородов на европейский рынок невозможны до мирного решения ядерной проблемы. Пока она не будет урегулирована, Иран продолжит ориентироваться в первую очередь на рынок сбыта стран АТР.

В ближайшее десятилетие внимание развитых стран-потребителей к альтернативным и возобновляемым энергоносителям будет неуклонно возрастать. В настоящее время это один из наиболее растущих сегментов энергетики. Возрастет внимание к энергии ветра, гидроэнергетике, а также к этанолу, крупнейшим производителем которого является Бразилия. Появятся серьезные проекты, связанные с использованием биотоплива. Основные инвестиции в разработку альтернативных видов энергетики будут сделаны в США, Японии, Китае, свои программы реализуют ведущие мировые нефтегазовые концерны – *BP, ExxonMobil, Royal Dutch/Shell* и др.

Новые технологии обеспечат большую эффективность энергопотребления, но альтернативные источники вряд ли смогут обеспечить рост спроса – их доля в энергобалансе лишь незначительно вырастет. Чтобы возобновляемые источники покрыли хотя бы половину требуемого прироста электроэнергии, необходимо увеличить их мощности в 63 раза, чего не добиться за 10 лет. До 2017 г. также практически невозможно будет мобилизовать производство «альтернативной» нефти (сверхтяжелая нефть, битуминозные пески, сланцы и т.п.) или освоение залежей и месторождений в недоступных районах.

Рынок СПГ превращается из географически разделенного в глобальный. Основной прирост спроса на СПГ стоит ожидать со стороны США и стран АТР. Соединенные Штаты, уже являясь крупнейшим импортером природного газа, до 2017 г. будут увеличивать импорт СПГ (на это нацелено 55 проектов новых приемных термина-

лов, включающих заводы по регазификации СПГ). Скорее всего, лидером рынка СПГ до 2020 г. останется Япония, затем на первое место по потреблению выйдут США. Тем не менее, основной объем газа к 2017 г. по-прежнему будет доставляться трубопроводным транспортом. Развитие СПГ-проектов не сможет в ближайшее десятилетие переломить эту тенденцию.

Доля ядерной энергии сократится до 5,3 %, что обусловлено политикой развитых стран по повышению безопасности и экологической надежности энергетических систем. Замедление использования ядерной энергии в мире будет происходить за счет ее сокращения в Европе (-1,1 % в год) и стабилизации в Северной Америке. Последовательное сокращение количества АЭС в Европе (кроме Франции) будет замещаться их вводом в АТР (Китае, Индии, Пакистане, Южной Корее и др.), а также в России, Иране и Бразилии. В ближайшие годы несколько возрастет потребление атомной энергии в Северной Америке, Японии и Франции, после чего произойдет его стабилизация. У России есть уникальный шанс увеличить свою долю в мировой атомной энергетике. Но окно возможностей невелико – 10–20 лет.

Риск серьезного падения мировых цен в среднесрочной перспективе очень велик. Этому способствуют отсутствие дефицита нефти и газа, перспективы снижения интереса развитых стран к традиционным видам топлива, появление новых мощностей на Каспии, в Африке и других регионах, а также целенаправленная политика стран-потребителей (в первую очередь США) по повышению процентных ставок. В результате значительное число инвесторов уходит с сырьевого рынка, что сужает возможности спекулятивного роста цен на углеводороды.

В ближайшее время основным фактором формирования ценовой конъюнктуры углеводородного рынка станет развитие ситуации вокруг Ирана, которая может пойти по следующим базовым сценариям.

Первый (наиболее реалистичный) предполагает дальнейшее противостояние Вашингтона и Тегерана, которое, однако, не приведет к военному столкновению. В этом случае постепенно (в течение двух-трех лет) на мировом энергетическом рынке будет поддерживаться понижительный тренд и цены дойдут до уровня 40–50 долларов за баррель с колебаниями в диапазоне 5–10 долларов.

Реализация **второго** сценария – достижение договоренностей и урегулирование конфликта мирным путем – приведет к резкому снижению цены на нефть уже в течение ближайшего года. Впрочем, шансы этого призрачны.

Третий сценарий – вооруженный конфликт – предполагает два разнонаправленных тренда. В случае начала боевых действий цена нефти превысит 100 долларов за баррель. Если военный конфликт примет затяжной характер, цена может подняться до 130–150 долл. за баррель, что заставит Соединенные Штаты пойти на беспрецедентные меры давления на ОПЕК с целью доставки дополнительных объемов углеводородов на рынок. Этот же сценарий значительно усилит конкуренцию в находящихся вне ОПЕК зонах добычи углеводородов. В случае же развития военного противостояния в Иране по «иракскому» варианту ожидается постепенная коррекция рынка, которая может затянуться вплоть до 2015–2017 гг.

Перспективы развития нефтегазового комплекса России

Российская Федерация обладает крупным потенциалом на мировом энергетическом рынке. К настоящему моменту в России открыто и разведано более 3 тысяч месторождений углеводородного сырья, разрабатывается примерно половина из них. Более половины российской нефтедобычи и более 90 % добычи газа сосредоточены в районе Урала и Западной Сибири. Большинство месторождений там отличаются высокой степенью выработки, поэтому при сохранении этого региона в качестве основной углеводородной базы необходимо развивать и альтернативные зоны добычи.

Исходя из официальных оценок², к 2015 г. добыча нефти в России может составить 530 млн т, а ее экспорт - 310 млн т. Главной нефтяной базой страны останется Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция. Будут сформированы новые центры нефтяной промышленности в Восточной Сибири и Республике Саха (Якутия) – добыча до 50 млн т в 2015 г.; на шельфе острова Сахалин (25–26 млн т), в Баренцевом море и российском секторе Каспийского моря. Увеличится добыча нефти в Тимано-Печорской провинции.

Мощности магистральных нефтепроводов и морских терминалов для экспорта и транзита нефти из России за пределы СНГ смогут возрасти к 2015 гг. в 1,5 раза по сравнению с сегодняшним уровнем. Это позволит реализовать перспективные объемы экспорта нефти в дальнее зарубежье: примерно по 70 млн т по Западному и Северо-

² Энергетическая стратегия России на период до 2020 г.

Западному направлениям; около 130 млн т – по Черноморско-Каспийскому направлению; около 80 млн т – по Восточному направлению; до 25 млн т – по Северному направлению.

К 2015 г. добыча газа в России может достигнуть 740 млрд куб. м, а экспорт – 290 млрд куб. м. Добыча газа в Западной Сибири в рассматриваемый период стабилизируется, поэтому весь прирост добычи обеспечит ввод в эксплуатацию новых месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока, шельфа северных и дальневосточных морей. Значительные запасы и перспективные ресурсы природного газа Восточной Сибири и Дальнего Востока теоретически позволяют создать в данном регионе новые центры газодобычи.

Вместе с тем существующие тенденции развития отечественного ТЭКа не позволяют сделать вывод о том, что в ближайшее десятилетие России удастся укрепить свои позиции на мировом энергетическом рынке, превратив свой энергетический потенциал в политические дивиденды.

Основными факторами, сдерживающими рост добычи нефти в России, являются:

- критическое состояние действующей нефтеэкспортной инфраструктуры;
- проблемы воспроизводства минерально-сырьевой базы;
- политические ограничения в отношении строительства частных трубопроводов и допуска иностранных компаний на российский рынок;
- низкая инвестиционная активность нефтяных компаний;
- уменьшающаяся сырьевая база нефтяных компаний (последствие многолетнего превышения темпов добычи над темпами прироста запасов).

Ключевым фактором, ослабляющим позиции России на рынке нефтепереработки, является морально и физически устаревшее оборудование подавляющей части российских НПЗ. Поэтому, несмотря на то, что в последние годы некоторые компании и проводили модернизацию НПЗ, в целом качество российской нефтепереработки значительно ниже мировых стандартов.

Основными факторами, сдерживающими рост добычи газа в России, являются:

- политика «Газпрома», которому в условиях существующих внутренних тарифов на газ невыгодно развивать внутренний рынок;
- отставание темпов роста добычи от темпов роста потребления газа;
- необходимость инвестировать серьезные средства в разработку новых месторождений;
- ставка на закупки центральноазиатского газа вместо инвестиций в добывающие проекты;
- проводимая на государственном уровне политика по недопущению иностранных компаний в качестве операторов разработки наиболее перспективных объектов (Ямал, Штокмановское месторождение);
- критическое состояние действующей нефтеэкспортной инфраструктуры и проблема модернизации действующей системы магистральных газопроводов;
- монополистический характер российской газовой отрасли.

В результате воздействия вышеперечисленных факторов дальнейший рост добычи нефти прекратится через несколько лет. Вследствие неурегулированной налоговой системы и отсутствия мер по стимулированию инвестиций в геологоразведку сырьевые компании не смогут начать осваивать новые крупные месторождения и проводить геологоразведочные работы. Темпы роста добычи нефти, которые Россия демонстрировала в 2000–2004 гг., вряд ли сохранятся в будущем. К 2017 г. Россия выйдет на максимальную добычу порядка 10–11 млн баррелей в день (530–550 млн тонн в год) и сохранит этот уровень. К 2010 г. российские поставки будут составлять порядка 15 % от объема мирового рынка нефти, а к 2030 г. они снизятся до 10 %. Таким образом, с учетом роста мирового потребления доля России на мировом нефтяном рынке имеет тенденцию к снижению.

К 2010 г. добыча газа на действующих месторождениях в России стабилизируется, и уже к 2010 г. дефицит газодобычи с учетом роста внутреннего спроса и экспорта может составить 75–150 млрд куб. м.

Чтобы поддерживать или наращивать добычу и экспорт энергоресурсов, нужно начинать разработки в неосвоенных районах – прежде всего в Сибири и на шельфе Северных морей. Это требует поли-

тического решения по привлечению инвестиций (в том числе иностранных). Предполагается, что до 2010 г. кардинальных перемен в этой сфере не произойдет, а возможные сдвиги в будущем к 2017 г. еще не дадут реальных результатов.

Занимая лидирующие позиции по масштабам добычи и транспортировки углеводородов, Россия значительно отстает по уровню использования наиболее перспективных технологий. Руководство страны фактически делает ставку на нефть, уголь и газ как на основные инструменты, позволяющие достичь и сохранить в перспективе статус великой энергетической державы. Между тем изменяющаяся структура мировой энергетики к 2030–2050 гг. существенно снизит конкурентные возможности России.

На среднесрочную перспективу наиболее серьезным является отставание России в технологиях, связанных с производством и транспортировкой сжиженного природного газа. К настоящему времени в сжиженной форме на международный рынок поступает около четверти всего экспортируемого газа, при этом рынок СПГ растет стремительными темпами. Не исключено, что к 2017 г. СПГ станет прямым конкурентом трубопроводному газу.

Положение с реализацией масштабных проектов СПГ в России не внушает оптимизма. Практически все объемы СПГ в рамках проекта «Сахалин-2» (единственного, который может быть запущен в ближайшую пятилетку) законтрактованы, а ситуация вокруг остальных заводов СПГ «зависла». Так, газ со Штокмана (наиболее перспективное месторождение с точки зрения поставок СПГ в США) решено переориентировать в Европу, причем поставки осуществлять трубопроводным транспортом. А СПГ-завод в Усть-Луге даже в случае реализации этого проекта до 2017 г. в силу своей малой мощности не способен будет сыграть решающую роль в становлении России как ведущей газовой державы.

Поскольку Европа на ближайшее десятилетие останется основным рынком сбыта российских углеводородов, следует обратить внимание на ограниченные возможности нефтепроводных поставок в Европу. Основной трубопровод «Дружба» требует ремонта, трубопровод БТС уже вышел на полную мощность, а на южном направлении все российские нефтяные потоки замыкаются на турецкие проливы, и альтернативы этому маршруту нет. Наиболее уязвимым местом в российской транспортной политике на турецком направлении является пропускная способность Босфора. Ожидается, что

Турция и в дальнейшем будет проводить политику, направленную на закрытие проливов для прохода нефтетанкеров. Это, с одной стороны, снизит экспортные возможности России, а с другой – подтолкнет Москву к использованию БТД в качестве резервного (а в случае полного перекрытия турецких проливов – основного) маршрута транспортировки нефти на южном направлении.

Компенсировать потери Россия отчасти сможет за счет нефтепровода Бургас–Александруполис в обход турецких проливов. Однако принимая во внимание факт, что затраты, связанные с добычей и экспортом нефти из России, превышают аналогичные затраты на Каспии, частичное вытеснение с европейского рынка российской нефти становится вероятно.

Вторым крупным рынком, значимость которого к 2017 г. будет возрастать, является Азиатско-Тихоокеанский регион. Но на этом направлении возможности России обеспечить объявленный рост поставок также ограничены. Для достижения этого показателя придется «перебросить» на восток не менее 60 млн т нефти и 65 млрд куб. м газа в год. В ближайшие 10 лет эта задача нереализуема технически и сомнительна с точки зрения инвестиционных возможностей российских компаний.

ЭнергодIALOG Россия – США сохранится в зачаточном состоянии. Скорее всего, ресурсы Штокмановского месторождения будут направлены в Европу, а строительство Северного нефтепровода в Мурманск будет заморожено до 2015 г. – срока введения в строй Восточного нефтепровода (на два проекта у «Транснефти» попросту не хватит средств). Доля российской нефти и нефтепродуктов на американском рынке к 2017 г. не превысит 5 %. Эти ограничения скорее всего не позволят России в ближайшее десятилетие выйти в качестве одного из крупных игроков на рынок Северной Америки.

Россия столкнется с ростом конкуренции на газовых рынках Европы и АТР. Основные надежды на диверсификацию поставок европейские потребители связывают с увеличением в энергетическом балансе доли нефти и газа Северной Африки (Алжира, Ливии, Египта), а также государств Каспийского региона, Центральной Азии и Ближнего Востока. Осуществление ряда трубопроводных проектов (выход БТД на полную мощность, БТЭ с подключением к проекту «Набукко» и ряда других), ожидаемое в ближайшие 5 лет, призвано ограничить влияние России. В свою очередь Китай осуществит ряд проектов, также снижающих его зависимость от российских углеводородов: нефте- и газо-

проводы из Казахстана, газопровод из Туркменистана. Расширятся поставки в Китай нефти из Южной Америки, а также СПГ из Ирана.

Тем не менее, в Европе Россия сохранит статус регионального энергетического лидера. В ближайшем будущем ЕС останется крупнейшим рынком сбыта российских энергоресурсов. Весьма сомнительно, что в ближайшей перспективе удастся сформировать общеевропейский энергетический рынок и существенно потеснить на нем позиции России.

Этому способствуют следующие обстоятельства:

- многие вопросы в рамках Европейского союза не урегулированы, фактически отсутствует единая точка зрения на пути обеспечения энергобезопасности;
- реализация конкретных проектов по внедрению альтернативных источников энергии в Европе ведется в основном на уровне национальных экономик;
- взрывоопасная военно-политическая ситуация в Ближневосточном регионе (особенно вокруг Ирана, на который как на главную альтернативу России в вопросах поставок нефти и газа смотрят практически все потребители российского газа в Европе и на постсоветском пространстве) порождает целый ряд политических и военных рисков, препятствующих реализации планов Запада по выстраиванию новых энергетических коридоров.

Заключение

Таким образом, основной задачей, стоящей перед Россией в ближайшие 10 лет, является создание условий для того, чтобы минимизировать ожидаемые потери, во-первых, от снижения присутствия на мировых рынках нефти и трубопроводного газа, во-вторых, от снижения мировых цен на энергоносители. В качестве первоочередных мер можно назвать:

- повышение внимания к внутреннему сектору газо- и нефтедобычи как на государственном уровне, так и со стороны крупнейших нефтегазовых компаний;
- стимулирование инвестиций в воспроизводство минерально-сырьевой базы и освоение месторождений;

- временный отход от концепции глобальной энергетической экспансии в пользу инвестиций в национальные добывающие проекты в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, Сахалине, северном шельфе и т. п.;
- в то же время с учетом перспектив сохранения влияния Ближнего Востока как основного мирового энергетического центра необходимо сосредоточить усилия на сохранении и расширении присутствия российских компаний в ТЭЖе Ирака, Ирана, других государств региона;
- особое внимание необходимо уделить проектам по производству СПГ как наиболее перспективным с точки зрения будущего мирового ТЭЖа;
- пересмотр финансовых параметров СРП, разработка таких механизмов участия иностранных компаний в российских добывающих СПГ-проектах, которые учитывают интересы обеих сторон;
- повышение технологической безопасности и эффективности работы энерготранспортных сетей;
- расширение поставок углеводородов на рынки в Европе за счет строительства дополнительных энерготранспортных магистралей (в Северную, Южную Европу и на Балканы) и закрепление на азиатско-тихоокеанском рынке;
- российские нефтегазовые компании должны использовать благоприятную внешнюю конъюнктуру для реконструкции производственных мощностей с применением современных технологий и для развития сети сбыта, что позволит снизить себестоимость производства и предложить на внешние рынки более конкурентоспособный продукт.

5 ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Введение

Значительный прогресс, достигнутый в XX веке во всех сферах общественной жизни, существенно обострил проблемы цивилизации. В первую очередь это относится к тем из них, что связаны с главными ресурсам развития человечества – продуктами питания, чистой водой и воздухом. В прошлые эпохи дефицит этих ресурсов в отдельных странах и у групп населения объяснялся, в первую очередь, социальными причинами, однако в XX веке цивилизация, все более интенсивно воздействующая на природу, вплотную подошла к рубежу элементарного физического истощения своего потенциала.

Обсуждая тему разумного расходования жизненных ресурсов, мировое общественное мнение пришло к выводу: развитие человечества возможно только на пути гармоничных отношений с природой. Это предполагает решение группы глобальных проблем, связанных с антропогенным воздействием на поверхность и климат Земли, в числе которых обычно называют деградацию почв, нехватку чистой воды, сведение лесов, глобальное потепление.

Деградация почв

Сельскохозяйственные земли служат для населения планеты основным источником питания. Наземное сельское хозяйство дает примерно в 4 раза больше растительной, чем животной пищи. Однако почти 70 % суши непригодны для земледелия. Это области поляр-

Основной автор главы – консультант при генеральном директоре ЗАО «Бюро социально-экономической информации» **А.Л. Свечников.**

ных льдов, зоны вечной мерзлоты, горы, пустыни, территории, покрытые горными скалами или слоем почвы, слишком тонким для возделывания. Две трети оставшихся 30 % пригодны только для выпаса скота. Таким образом, сельскохозяйственные культуры можно выращивать лишь на 10 % земной поверхности. Для производства же объема продуктов питания, потребляемого в западных странах, необходимо 0,5–0,7 га на человека.

Из земель, потенциально пригодных для сельскохозяйственной обработки, в настоящее время используется только 1,5 млрд га. Фактически площадь обрабатываемых территорий понемногу уменьшается, так как темпы сокращения пахотных земель вследствие эрозии почв, засоления, опустынивания, урбанизации опережают темпы освоения новых земель.

По авторитетным оценкам, вследствие роста мирового населения к 2025 году количество пахотной земли, приходящееся на каждого человека, сократится до 1,7 га, а в Азии до 0,9 га. Возникнет проблема поиска дополнительных земель, дабы прокормить два или три миллиарда «новых ртов» в последующие десятилетия. Между тем в Азии в пользовании находится примерно 82 % потенциальной пашни. Ее большие запасы имеются в Латинской Америке, однако в основном это малоплодородная почва, непригодная для главных культур, или же земли, занятые тропическими лесами вдоль Амазонки, которые нужно защищать по другим соображениям. В прочих регионах дополнительные земельные площади также можно отвоевать только у лесов, что чревато усугублением проблемы глобального потепления и в конечном счете негативно отразится на сельском хозяйстве.

В Африке, где существует огромная потребность в продовольствии, широкое выбивание пастбищ и ухудшение почвы приводят к полной утрате земель плодородия и лишь немногие районы получают достаточно влаги для выращивания зерновых культур. Наиболее серьезная форма деградации почвы – эрозия. Пустыня Сахара наступает на Юг со скоростью 1–2 км в год. С 1970 по 1990 гг. пустыни распространились в мире на площадь, равную примерно 120 млн га, что больше площади всех обрабатываемых земель Китая. В течение этих двух десятилетий крестьянские хозяйства потеряли около 480 млрд т. верхнего слоя почв, что приблизительно эквивалентно всем пахотным угодьям Индии. Пределы возможного использования зе-

мель уже близки, и даже повышение урожайности в 2 раза, что технологически весьма сложно, не слишком отдалит этот предел.

Таким образом, дополнительные сельскохозяйственные возможности имеются, главным образом, в развитом мире, особенно в Северной Америке и Европе, а не в странах, особенно нуждающихся в продовольствии. Это будет неизбежно усугублять множащиеся социальные и геополитические противоречия.

Нехватка чистой воды

Одним из наиболее дефицитных природных ресурсов на земном шаре становится обыкновенная вода. Масса воды в гидросфере огромна. Но в качестве водных ресурсов могут рассматриваться только пригодные для употребления пресные воды, заключенные в реках, озерах, подземных горизонтах, ледниках. При этом запас пресной воды распределен по континентам весьма неравномерно. Хотя на каждого жителя Земли приходится в среднем 7,5 тыс. куб. м воды, в Европе эта цифра ниже – 4,7 тыс. куб. м, а в Азии всего 3,4 куб. м.

Рост численности населения и промышленного производства вызывает экспоненциальный рост потребности в воде. Поэтому, несмотря на кажущийся избыток водных ресурсов, из-за неравномерного распределения и нарастающего загрязнения их хватит, в лучшем случае, на удовлетворение вдвое возросших потребностей, т. е. на ближайшие 20–30 лет.

Недостаток воды является одним из главных факторов, сдерживающих рост сельскохозяйственного производства. Даже в США, где огромное количество воды расходуется в промышленности, которая потребляет 11 % от ее общего расхода (производство одного автомобиля требует расхода 300–400 тыс. л. воды) и на охлаждение оборудования (38 %) сельское хозяйство остается ее главным потребителем (41 %). Согласно прогнозам, к 2025 г. около 1 млрд человек будет жить в условиях острого дефицита воды. Нет сомнений в том, что нехватка воды обострит проблемы бедности и болезней, которые сами по себе грозят бедрами глобального масштаба.

Контроль над запасами воды может стать одной из причин международных конфликтов, особенно там, где соседи исторически враждовали и одна страна способна ограничить водоток водоемов. За ми-

нувшие 20 лет количество бассейнов рек, находящихся в совместном пользовании нескольких стран, возросло с 210 до 260.

Конфликты из-за водных ресурсов уже сейчас намечаются в ряде регионов Центральной Азии (Туркмения, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан). Налицо потенциал противоречий между Россией и КНР, где не хватает воды на Северо-западе и качественной воды – почти повсеместно.

Сведение лесов

До того, как человек начал заниматься земледелием, на земле насчитывается более 6 млрд га лесов. К настоящему времени их осталось 4 млрд га, из которых только 1,5 млрд га – нетронутые девственные леса. При этом половина массивов исчезла с 1950 по 1990 гг. В Европе первичных лесов практически не осталось. США потеряли 1/3 своих лесов и 85 % первичных лесов. В Китае уничтожено 3/4 лесов. Каждую минуту на Земле вырубается почти 20 га леса, или 7,5 млн га в год, что в 10 раз превышает скорость его естественного восстановления. Особенно активно леса истребляются в развивающихся странах, где площади под ними ежегодно сокращаются более чем на 130 тысяч квадратных километров, или почти на 1 %. В результате уже исчезла половина первичных лесов в тропиках, а половина оставшегося интенсивно разрабатывается и деградирует.

Прогрессирующее исчезновение лесов крайне опасно, поскольку лес выполняет множество важнейших функций в биосфере. Прежде всего, леса являются легкими планеты, поддерживающими кислородно-углеродный баланс в атмосфере. По современным представлениям, эту функцию выполняют не столько влажные леса тропиков, которые поглощают примерно столько же CO₂, сколько освобождается при деструкции органического вещества, а именно леса умеренного пояса севернее 30° с. ш., т. е. в широтной зоне, где расположена Россия. Бореальные леса России имеют площадь 8,5 млн кв. км, что составляет 49,8 % территории страны и 22 % площади всех лесов Земли. Леса сохраняют более половины всего углерода на Земле, 26 % углерода накапливается именно бореальными лесами. По этому показателю с ними не может сравниться никакая другая экосистема Земли.

Глобальное потепление

За последние 4,5 млрд лет климат Земли постоянно менялся под воздействием геологических, космических и ряда иных процессов. И все же со времени окончания ледникового периода он был относительно устойчив. Появляется все больше свидетельств того, что уже в течение ста лет фактор человеческой деятельности в повышении температурных уровней усиливается. Особую тревогу вызывает ускорение данного процесса за последние 20–30 лет.

Парниковый эффект¹ является причиной роста средней глобальной температуры воздуха у земной поверхности. Так, в 1988 году среднегодовая температура оказалась на 0,4° С выше, чем в 1950–1980 гг., к 2005 году она повысилась на 1,3° С. В докладе Международной группы ООН по проблемам климатических изменений утверждается, что к 2100 году температура на Земле возрастет на 2–4 градуса. Масштабы потепления за этот короткий срок будут сопоставимы с потеплением, произошедшем на Земле после ледникового периода, что чревато катастрофическими экологическими последствиями. В первую очередь, это повышение уровня Мирового океана вследствие таяния полярных льдов и сокращения площадей горного оледенения. Повышение уровня океана всего лишь на 0,5–2,0 м к концу XXI века приведет к нарушению климатического равновесия, затоплению приморских равнин более чем в 30 странах, деградации вечной мерзлоты, заболачиванию обширных территорий.

В первую очередь глобальное потепление нанесет вред Африке, где уже расширяется зона пустынь, наносится вред сельскому хозяйству. На фоне демографически проблем все это, скорее всего, приведет к усилению этно-политической напряженности, нанесет удар по перспективам развития Черного континента, уже сейчас во многом, хотя и не повсеместно безнадежного.

¹ Парниковый эффект наступает после разогрева нижних слоев атмосферы, вследствие ее способности пропускать коротковолновую солнечную радиацию, но задерживать длинноволновое тепловое излучение земной поверхности. Развитию парникового эффекта способствует поступление в атмосферу антропогенных примесей – диоксида углерода, метана, пыли фреонов. По данным международных экологических организаций, основными поставщиками фреонов в атмосферу являются США (30,85 %), Япония (12,42 %), Великобритания (8,62 %), Россия (8 %).

Мировые экологические проблемы и Россия

Определить роль России в воздействии на окружающую среду можно только на основе корректных международных сопоставлений. Данную работу затрудняет определенный скепсис, существующий как в России, так и за рубежом по поводу наших взаимоотношений с природой. Но несмотря на то, что с конца 80-х годов прошлого столетия в общественном мнении утвердилась посылка, согласно которой «у нас с экологией все плохо», результаты исследований отечественных ученых оснований для подтверждения подобных выводов не дают².

- В России более экологичная, чем в мире в целом, структура топливного баланса. В мировом потреблении топлива природный газ составляет 22,5 %, а в нашей стране — более 50 %.
- Российское сельское хозяйство отличается относительно невысокой интенсивностью, что позитивно сказывается на состоянии ландшафтов и качестве продуктов питания. Так, внесение минеральных удобрений на 1 га пашни в 1997–1998 гг. в мире составляло 100 кг/га (в Китае — 290, Великобритании — 330, Нидерландах — 550), а в РФ — 16 кг/га (в 1999 г. — уже 15 кг/га, в 2001 г. тенденция сохранилась). По количеству удобрений и ядохимикатов на единицу пашни Россия и до 1991 г. уступала другим странам. Экологические проблемы земледелия всегда были связаны у нас не с количеством применения химикатов, а с технологией их использования.
- На 1 га пашни в мире приходится 21 трактор (в США — 26, Нидерландах — 198, Японии — 462), в России — 9. Высокий уровень механизации сельскохозяйственных работ определяет

² Согласно сделанным ими выводам, планетарно значимые экологические характеристики страны выглядят следующим образом (в % к мировым): территория — 12; площадь нетропических лесов — 46; лесопокрытая площадь — 21; площадь «диких» земель — 15; площадь многолетней криолитозоны (вечной мерзлоты) — 32; длина морского побережья — 8; площадь континентального шельфа — 20; запас пресной воды в озерах — 26,9; возобновляемые ресурсы речных вод — 9,2; население — 2,6; городское население — 4,3; площадь сельскохозяйственных угодий — 5; площадь пашни — 9,2; суммарный объем водохранилищ — 15; валовой внутренний продукт — 1,2; производство электроэнергии — 6,7; производство электроэнергии на АЭС — 5,5; производство минеральных удобрений — 6,3; водозабор — 2,8; сброс сточных вод — 4; выбросы в атмосферу SO₂ — 6,2; выбросы в атмосферу NO_x — 6; выбросы в атмосферу CO — 7,5; выбросы в атмосферу твердых веществ — 5,2; выбросы в атмосферу CO₂ — 8; производство опасных отходов — 6; количество накопленного обогащенного урана — 50; количество проведенных ядерных взрывов — 12.

высокую производительность труда, но также и высокую степень трансформации почвенного покрова.

- По масштабам автомобилизации, определяющей транспортные воздействия на среду, Россия сильно отстает от уровня Германии, Италии, США (более 500 автомобилей на тысячу жителей). По причине промышленной и транспортной «недоразвитости» страны даже в европейской части России поступление свинца в окружающую среду на порядок ниже, чем в Западной Европе и Северной Америке.
- Россия — единственная крупная лесопромышленная держава, в которой площади под лесами сегодня не уменьшаются, а растут. В мире масштабы восстановления и сведения лесов соотносятся как 1:10, в РФ это соотношение составляет 1,36:1 (1999 г., а в 1998 г. — даже 1,83:1).
- Производственная нагрузка на единицу высокоосвоенной территории (т. е. территории с плотностью населения свыше 10 человек на 1 кв. км) в Западной Европе, Японии, Южной Корее превышает таковую в России в 30–40 раз. Еще больше разница в удельной нагрузке на всю территорию. Что касается крупных городов, то, насколько можно судить по разрозненным данным, уровни загрязнения среды в российских и зарубежных мегаполисах в целом сопоставимы. Нельзя, однако, не заметить, что города — эти «паразиты биосферы» — не могут существовать без окружающих их ландшафтов. Состояние среды в российских городах заметно улучшают огромные разреженные пространства, полноводные реки, гораздо менее, чем за рубежом, освоенные территории, обширные леса.

Более чем скромные масштабы воздействия России на мировую экологию станут особенно заметны при сравнении величин выбросов загрязняющих веществ в атмосферу различными странами. Здесь с большим отрывом лидируют США. Российские «валовые» показатели ниже американских по SO_2 — в 6,5 раз, NO_x — в 8,6, CO_2 — в 8,7 раз. Важно упомянуть, что Россия расположена в гораздо более суровых климатических условиях, чем Соединенные Штаты и Западная Европа. Это предопределяет и больший расход энергии (отопление, высококалорийное питание, теплые производственные и жилые помещения и т. п.), а, следовательно, и выбросов в атмосферу, и объемов использования водных ресурсов. Больше энергии требуется и

российскому транспорту, обеспечивающему связь на огромной территории отнюдь не компактной конфигурации. Российские же показатели воздействий на среду, отнесенные к единице территории, несопоставимо малы по сравнению с другими странами.

Вместе с тем, на мировом фоне Россия выделяется наличием источников потенциального риска: ядерное и химическое оружие, предприятия ВПК, трубопроводы, газохранилища, атомные и гидроэлектростанции, химические производства, авиация и т. п. Так, в РФ, по оценкам, сосредоточено около половины накопленного в мире обогащенного урана и, соответственно, примерно половина отходов его обогащения. Россия несет ответственность за 50 % антропогенного «космического мусора». В нашей стране находятся очень крупные — по мировым масштабам — зоны радиоактивного загрязнения. Но в целом вклад российского хозяйства в глобальную трансформацию природной среды не превышает долю страны в территориальных ресурсах Земли, в населении и в мировом хозяйстве.

Правда, если с точки зрения глобальных показателей Россия выглядит вполне благополучно, экологические проблемы на уровне отдельных субъектов федерации, городов, поселений крайне остры:

- более чем для 40 % субъектов Российской Федерации характерны проблемы загрязнения атмосферного воздуха городов и промышленных центров, обезвреживания и утилизации токсичных промышленных отходов, радиационной безопасности;
- в 30 % административных территорий остро стоят вопросы загрязнения поверхностных вод, загрязнения и истощения подземных вод, а задачи сохранения плодородия почв и земель актуальны для всей территории страны;
- в ряде регионов антропогенные нагрузки давно превысили установленные нормативы, сложилась критическая ситуация, при которой возникают значительные изменения ландшафтов, истощаются и утрачиваются природные ресурсы, значительно ухудшаются условия проживания населения. К числу подобных регионов относятся крупнейшие города Москва и Санкт-Петербург, промышленные центры Центральной России, промышленные и горнодобывающие центры Крайнего Севера, юга Сибири и Дальнего Востока, Среднее Поволжье, Северный Прикаспий, Средний и Южный Урал, Кузбасс. Они оказывают негативное влияние на экологическое состояние соседних регионов.

Российские экологические проблемы на период 2007 – 2017 годов

Экспертные оценки позволяют сделать следующие прогнозы:

- по широкому кругу планетарных показателей Россия относится к числу экологически благополучных стран планеты, является крупнейшей экологической державой. В связи с этим трудно предположить, что в ближайшие 10–15 лет случатся экологические катастрофы мирового масштаба;
- если правительство не примет мер по сокращению или модернизации вредных производств, следует ожидать рост числа неблагополучных в экологическом отношении поселений. Кроме того, угрозы экологических катастроф местного масштаба сохраняются в связи рисками по техногенным катастрофам, способным существенно загрязнить окружающую среду;
- главным источником заражения атмосферы в городах останется автотранспорт. Однако снижению его роли в этом процессе будет способствовать постепенное введение стандартов «ЕВРО», которые позволят улучшить чистоту автомобильного выхлопа. Согласно действующему законодательству, в стране уже действует стандарт «ЕВРО-2». Вместе с тем, следует учитывать, что подавляющее большинство автомобилей в России можно отнести к условной категории «ЕВРО-0», а из эксплуатации они должны выйти как раз через 10–15 лет;
- главным источником загрязнения внутренних вод по-прежнему будет выступать промышленность и крупные города. Проблема обеспечения населения питьевой водой скорее всего будет решаться путем роста индивидуального потребления расфасованной воды. Вода, подаваемая в водопроводы, будет официально объявлена технической и не пригодной для потребления в пищу;
- в ближайший период не произойдет сокращения лесных площадей, т. к. восстановительная способность лесного покрова превышает скорость вырубок. Дефицит леса усугубится лишь в окружении крупных городов, где он имеет не промышленное, а рекреационное значение;
- не прогнозируются также серьезные загрязнения морских вод России.

Экология – сложная проблема, пронизывающая едва ли не все аспекты общественной жизни. В последний период произошла ее заметная политизация, например, посредством возникновения партий экологической направленности. Западный опыт свидетельствует о том, что подобные партии способны существенно повлиять на весь спектр политической жизни. Однако в России ожидать увеличения их роли не следует. Многократно проводившиеся социологические исследования, а также анализ электорального поведения свидетельствуют о том, что «зеленые» идеи в чистом виде привлекают все меньше избирателей.

Свою роль в политике играют и многочисленные общественные природоохранные организации. Наиболее известные из них традиционно используются при необходимости привлечь внимание к определенной проблеме. Среди этих организаций заметен «Гринпис», который все свои наиболее шумные международные акции проводит при поддержке заинтересованных властных структур. Российские экологические организации местных масштабов также зачастую руководствуются в своей деятельности не только соображениями охраны природы. Одно время в обиходе было даже такое понятие, как «экологический рэкет». Однако ожидать от них каких-либо серьезных несанкционированных политических возмущений не стоит. В своей деятельности они концентрируются на отдельных проблемах и не выходят на политический уровень.

В сфере международных отношений политизация экологии, в частности, проявилась в том, что вопросы охраны природы в ряде случаев стали основой пропагандистских кампаний. При этом экологическая тема, как правило, не является главной в кампаниях, призванных доказать негодность того или иного политического режима, она занимает подчиненное положение по сравнению с проблематикой демократических свобод и прав человека.

Безусловно, Россия как суверенное государство, имеющее и защищающее свои международные интересы, должна быть готова к тому, что в случае неблагоприятного разворота событий она окажется под огнем жесткой экологической критики. Хотя в планетарном плане экологическая ситуация в стране представляется благополучной, на уровне среды обитания, в ряде районов сформировались весьма острые и даже критические экологические ситуации, требующие неотложного решения.

Итак, мы не предполагаем, что экологические проблемы в ближайшие годы способны существенно замедлить развитие страны. Правда, они могут обостряться на местном уровне, а также явиться фоном для дискредитации на мировой арене.

В случае неблагоприятного развития России, ее деградации неизбежными станут падение повседневной производственной дисциплины, массовое пренебрежение технологическими требованиями, хроническая нехватка средств на природоохранные мероприятия. Тогда обострение экологических проблем может принять взрывной характер и даже вылиться в масштабную экологическую катастрофу.

Заключение

Даже беглый обзор природных сокровищ России наводит на мысль о том, что они могли бы использоваться с большей пользой, усиливать позиции страны на международной арене. Государство и общество до обидного мало получают от бескрайних лесных просторов, рек и озер, наполненных кристально чистой водой, огромных площадей необработанных земель.

Уже в ближайшие десять лет при сравнительно небольших затратах природные преимущества страны способны принести куда больше дивидендов, чем сегодня. Это в полной мере относится к российскому лесопромышленному комплексу. Его конкурентоспособность обеспечивается ресурсами, сформированными еще во времена СССР. В настоящее время они близки к истощению, так как инфраструктура заготовок, созданная в 90-е годы прошлого столетия, перестала отвечать современным требованиям.

Положение в отрасли серьезно осложняет также крайне низкий уровень глубокой переработки древесины на предприятиях лесопромышленного комплекса. Основу отечественного экспорта по-прежнему составляет т. н. круглый лес. Если в структуре мировой торговли лесоматериалами доля России по валютной выручке не превышает 3 %, то по необработанной древесине (сырью) она достигает 22 %.

Назрела необходимость активизировать работу над федеральной целевой программой развития мощностей по глубокой переработке древесины и освоения новых лесных массивов на период до 2015 года, прояснить перспективу принятия Лесного кодекса, без которых

в ближайший период лесопромышленный комплекс России едва ли получит серьезный стимул для развития.

Более отдаленные, но чрезвычайно важные с геополитической точки зрения перспективы имеет освоение огромных запасов пресной воды. Учитывая возрастающий мировой дефицит этого ресурса, в ближайшие десять лет целесообразно выработать подходы к его освоению. Наиболее вероятной схемой получения дохода от чистой воды представляется торговля ее излишками на международном рынке. Но прежде необходимы очень тщательные гидрологические исследования, способные ответить на вопрос о том, сколько воды страна может продавать без ущерба для водного баланса. Только после этого можно переходить к практическим дискуссиям – о способах реализации идеи, количестве необходимой тары, протяженности трубопроводов и пр. Но исследовательскую работу нужно начинать уже сейчас. Превращение пресной воды в стратегический ресурс весьма вероятно уже через 8–15 лет.

Вопрос об использовании земельных ресурсов России наиболее сложен. У нашей страны земли много, в мире ее не хватает. Продать российскую землю за рубеж по понятным причинам нельзя. Выход один – осваивать данный природный ресурс пусть и с привлечением иностранных средств, но собственными силами. Решить такую задачу невозможно без грамотной миграционной политики и без наличия мобильной рабочей силы, готовой и способной приложить к земле руки.

Экономические перспективы России на ближайшие 10 лет позволяют надеяться на стабильность, и этот период времени целесообразно использовать для выработки целевой программы по заселению неосвоенных земель. Возможно, с приданием ей статуса национального проекта.

В целом усугубление в мире ряда экологических проблем – дефицит питьевой воды, изменение климата, исчезновение лесов – создает для России дополнительные экономические и геополитические возможности. (Скорее всего, к концу или за пределами рассматриваемого десятилетия.) Если своевременно не подготовиться к их использованию, возможности могут превратиться в вызовы, в предмет притязаний внешних держав, либо просто в упущенный шанс.

ЧАСТЬ II.

РЕГИОНЫ

1 ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Введение

Восточная Азия представляет собой экономически наиболее динамичный, а политически – неоднородный регион планеты. Несмотря на бурный рост экономик стран Восточной Азии и увеличение роли государств региона в мировой политике, Россия пока не продемонстрировала убедительных свидетельств своей способности использовать географическое присутствие в данной части света для национального развития. Часто Москва не учитывает происходящих здесь геополитических перемен и анализирует ситуацию только через призму соперничества с США. Стратегические установки для развития экономики России пока не вполне учитывают крупные хозяйственные сдвиги в регионе.

Независимо от позиции Москвы, динамизм и неоднозначность развития Восточной Азии будут оказывать усиливающееся все большее влияние на Россию, прежде всего, на ее восточносибирские и дальневосточные регионы. Нам придется не только адаптироваться к вызовам и возможностям, исходящим из Восточной Азии, но и искать механизмы выгодного для России воздействия на регион. В этом контексте острейшей задачей представляется разработка «Большой Азиатской стратегии России», которая увязывала бы внутренние цели и механизмы развития с фактором Восточной Азии.

Главным фактором политических и экономических перемен в регионе является Китай. Рост экономической мощи, а на этой осно-

Основной автор главы – член-корреспондент РАН **В.В. Михеев**.

ве и политического влияния КНР заставляет традиционных лидеров менять свое восприятие китайского фактора, адаптироваться к новому глобальному и региональному позиционированию Пекина. Процесс встраивания Китая в восточно-азиатские политические и экономические процессы, как и его восприятие региональными игроками, характеризуются неоднозначностью и противоречивостью. Что, в свою очередь, отражает неоднозначность и противоречивость глубоких трансформаций, происходящих в Восточной Азии. Борьба за национальное лидерство и конкурентные преимущества переплетается там с идеологией и практикой многостороннего сотрудничества.

Именно динамизм китайского развития способствовал росту российского интереса к Восточной Азии и изменению структуры связей РФ с регионом. За 10 лет Китай превратился в главного регионального торгового партнера России, обойдя Японию и Южную Корею, а в ближайшие 5 лет может выйти на первое место и по объемам инвестиций в российскую экономику.

Восточная Азия: состояние, тенденции, проблемы

Восточная Азия представляет собой экономически наиболее динамичный, а политически – неоднородный регион планеты. В 2001–2006 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП существенно разнились по странам: от 1,5–2 % в Японии до 9,5–10 % в КНР. По темпам роста внешней торговли также лидировал Китай – порядка 30 % годовых. Суммарный восточно-азиатский ВВП достигает 75–80 % от ВВП США и Европейского союза. При этом на три страны Северо-восточной Азии – Японию, Китай и Южную Корею – приходится более 90 % региональной экономики. Уступая Пекину по хозяйственной динамике, Токио остается региональным лидером по абсолютным экономическим показателям и по степени влияния на мировую экономику. ВВП Японии (около 5 трлн долл.) в 2 с лишним раза превышает ВВП Китая, составляя около 45 % ВВП США. Однако по объему внешней торговли Япония отстала от КНР (внешнеторговый оборот Пекина составил 1,6 трлн долл.).

С точки зрения системы альянсов в Восточной Азии выделяются военно-политические союзы США с Японией и Южной Кореей.

Существует политико-экономическая структура АСЕАН. Китай входит в Шанхайскую организацию сотрудничества, выходящую за геополитические границы Восточной Азии, наблюдателем в ШОС является Монголия. КНДР формально состоит в военно-политическом союзе с КНР.

В 2000-е годы в Восточной Азии наблюдается рост военных расходов, которые достигают уровня от 1 % ВВП (Япония) до 2,5 % (Китай). Северокорейская экономика на 70–80 % работает на военные нужды. По абсолютным размерам военных расходов лидерство сохраняет Япония, опережая КНР на 10–15 %.

Тенденция сохранения стабильности, скорее всего, будет доминировать над тенденциями к дестабилизации политической ситуации в Восточной Азии. Соперничество между главными игроками не перерастет в прямые военно-политические конфликты, поскольку противоречия «компенсируются» необходимостью взаимодействия в экономике, энергетике, борьбе с терроризмом и атипичными угрозами (природные катаклизмы, птичий грипп и т. п.). При любом мыслимом варианте обострения событий растущая экономическая взаимозависимость в парах Пекин – Вашингтон и Пекин – Токио определит пределы ухудшения их политических отношений.

Восточная Азия испытывает нарастающую потребность в объединении экономических ресурсов Японии, Китая, Южной Кореи и стран АСЕАН. Либерализация и маркетизация экономики Китая впервые в истории формирует возможности интеграционного развития в регионе. Однако сохраняющийся дисбаланс военно-политических сил и восприятие КНР со стороны США и Японии как экономически «своего», рыночного «партнера-конкурента», но политически «чужого» (при сохранении монополии КПК на власть) создают препятствия сближению сторон.

Основные угрозы и вызовы безопасности в Восточной Азии:

- северокорейская ядерная проблема;
- территориальные споры, в которые вовлечены Япония, Россия, Южная Корея, Китай, ряд стран АСЕАН в Южно-китайском море;

- китайско-японские и корейско-японские разногласия по вопросам истории;
- Тайваньская проблема;
- энергетическая безопасность;
- новые и «нетрадиционные» угрозы: терроризм, пиратство, экологические и природные катастрофы, угрозы эпидемий и т. п.

Есть и факторы стабилизации политической ситуации:

- шестисторонний переговорный процесс по Северной Корее;
- поиск вариантов многосторонней региональной взаимостраховки в энергетике;
- сотрудничество в борьбе с «новыми» и атипичными угрозами;
- формирующиеся многосторонние экономические форматы, охватывающие страны Восточной Азии: АТЭС, Экономическое сообщество АСЕАН, «АСЕАН плюс три» (Япония, Китай, Южная Корея), «АСЕАН плюс Китай», «АСЕАН плюс Япония», «АСЕАН плюс Южная Корея», Региональный форум АСЕАН, созданное в конце 2005 г. Восточноазиатское сообщество, куда помимо участников формата «АСЕАН плюс три» входят также Австралия, Новая Зеландия, Индия и Россия в качестве наблюдателя.

В роли регионального «возмутителя спокойствия» выступает Китай, который стремится усилить свое политическое влияние, опираясь на возрастающую экономическую мощь, важную, а в ряде случаев ведущую роль на мировых товарных рынках и начавшуюся активную экспансию капитала за рубеж.

Новым фактором динамики ситуации в Восточной Азии становится выход Индии на это геоэкономическое и геополитическое пространство. Дели пытается расширить территорию своего доминирования в Индийском океане за счет подключения к процессам, развивающимся в Юго-Восточной Азии. Пока влияние индийского фактора не вполне определено. Индия старается усилить свои позиции как путем нормализации отношений с потенциальными противниками – Пакистаном и Китаем, так и посредством выстраивания новой партнерской линии в отношениях с США.

Эволюция региона к 2017 году

В ближайшие 10 лет в Восточной Азии продолжится формирование новой интеграционной модели, отличной от той, что полвека назад была запущена в Европейском союзе. В ее основе не столько снижение таможенных тарифов и создание зоны свободной торговли (хотя движение в этом направлении продолжится и приведет к поэтапной тарифной либерализации в рамках АТЭС, АСЕАН и «АСЕАН плюс три» к 2010–2020 г.), сколько интеграция в заведомо более открытых секторах «экономики знаний», а также финансовое взаимодействие на основе уроков, извлеченных из азиатского кризиса 1997–1998 гг. В 2017 г. Восточная Азия, несмотря на активизацию дискуссий на сей счет, не станет ближе к созданию единой валюты. Однако усилится взаимодействие между национальными центробанками в рамках «своп-соглашений» на случай валютного и финансового кризиса и расширится сфера применения в рамках Азиатского банка развития условной расчетной единицы – АКЮ, рассчитываемой на основе корзины восточно-азиатских валют.

В области безопасности упор будет сделан не на демонтаж современной военно-политической структуры Восточной Азии (союз США с Токио и Сеулом), и не на создание «балансиров» с участием Китая. **Во-первых**, будут формироваться новые многосторонние региональные структуры безопасности, например, на основе «шестерки» по северокорейской ядерной проблеме. **Во-вторых**, укрепится взаимодействие по новым и нетипичным угрозам безопасности.

Нерешенные территориальные проблемы и вопросы истории будут меньше, чем сегодня, воздействовать на отношения. В более отдаленной перспективе они начнут разрешаться естественным путем на основе совместного освоения спорных территорий и региональной интеграции.

Рост удельного веса новых и нетипичных угроз безопасности в национальных стратегиях будет постепенно модифицировать военные союзы США с Японией и Южной Кореей, делая их более открытыми к сотрудничеству с другими странами региона, в том числе с КНР и Россией.

Китайско-американские отношения будут характеризоваться, с одной стороны, ростом экономической взаимозависимости, с другой – нарастанием взаимной озабоченности: непрозрачный рост воен-

ной мощи Китая подхлестнет распространение теорий «китайской угрозы». В Пекине и Вашингтоне будут конкурировать силы, одни из которых стремятся к нагнетанию взаимной подозрительности, а другие – к ее ослаблению, исходя из собственных корпоративных интересов. Однако экономический фактор, новые угрозы и глобальные проблемы бедности, природных катастроф и т. п. окажут позитивное воздействие. К 2017 г. отношения КНР и США, скорее всего, будут отличаться большей степенью взаимодействия и меньшей степенью враждебности, чем сейчас.

Китайско-японские отношения развиваются по схожему сценарию, но со своей спецификой. Пекину и Токио не удастся полностью изменить негативное взаимное восприятие из-за различий в трактовке истории. Тем не менее, приход в 2012 г. к власти «пятого поколения китайских лидеров», многие представители которого получили образование на Западе, и омоложение японской политической элиты за счет политиков послевоенного поколения способны к началу 20-х годов ослабить воздействие негативного исторического опыта в пользу взаимодействия по воплощению в жизнь совпадающих интересов. Интересы сотрудничества будут работать на создание трехстороннего формата «США–Япония–Китай» по вопросам региональной безопасности и развития.

Если на переговорах по глобальной либерализации торговли не будет прогресса, это стимулирует экономический регионализм, в том числе в форматах АСЕАН и «АСЕАН плюс три».

По мере углубления рыночных реформ, интеграции в мировое экономическое, информационное и политическое пространство КНР будет становиться ближе Западу. Этому способствуют:

- рост взаимозависимости и взаимного переплетения интересов китайского и мирового бизнеса;
- изменение состава политической элиты Китая за счет кадров, учившихся на Западе (а не в бывшем СССР, как поколение Цзян Цзэминя, или в Китае – как поколение Ху Цзиньтао);
- процессы демократизации китайского общества на основе расширения власти закона и проведения социально-экономической «стратегии недестабилизирующего неравенства» («гармоничное общество» – в китайском варианте);

- сотрудничество с мировым сообществом в противодействии терроризму, распространению ОМУ, новым и нетрадиционным угрозам.

Китай сохранит высокие темпы экономического роста на уровне 9–9,5%, обеспечивая восточноазиатскому региону самую высокую в мире динамику развития. К 2017 г. ВВП Китая практически достигнет нынешнего уровня ВВП Японии. В основе такого прогноза – наметившаяся с середины текущего десятилетия тенденция изменения факторов экономического роста в пользу внутреннего спроса. Его основу составляет урбанизация более чем 700-миллионного китайского крестьянства и опережающий рост численности среднего класса. Урбанизация огромной массы людей и быстрый рост среднего класса позволяют говорить о Китае больше не как о «всемирной фабрике», что было правильно в предыдущий период развития китайской экономики преимущественно на основе экспортного производства, а как о «черной дыре платежеспособного спроса».

В то же время Китай будет сталкиваться с угрозами и рисками, которые при определенных условиях могут привести к глубокому кризису и тотальной корректировке прогнозных оценок в сторону их занижения. Спровоцировать глубокий кризис с большей степенью вероятности могут внутренние и внешние экономические «детонаторы» и в меньшей степени – внешнеполитические. В краткосрочном плане наиболее уязвимы социальная, финансовая и энергетическая сферы. В среднесрочной перспективе к ним добавляется тайваньская проблема. А в долгосрочной – экология.

В десятилетней перспективе монополия КПК на власть сохранится. Однако под воздействием факторов как внешних (использование Западом факта политической монополии КПК в конкурентной борьбе с Китаем на мировых рынках), так и внутренних (рост среднего класса и класса китайской буржуазии, желающих учета своих политических интересов, падение авторитета компартии в глазах молодежи, смыкание партократии с олигархией, требующее более широких рамок согласования межгрупповых политико-экономических интересов, чем КПК, углубляющееся социальное расслоение) будет проводиться политическая реформа.

В отношениях Пекина и Тайбэя сохранится статус-кво, однако время от времени неизбежны политические обострения, особенно по

мере нарастания активности Пекина по экономической интеграции Тайваня в свою быстро растущую экономику.

Наряду с этим будут действовать и факторы возрастания напряженности. Рост военных расходов Китая, нацеленный на придание КНР статуса мировой сверхдержавы, спровоцирует встречные шаги со стороны Токио и японо-американского военного союза, а также рост военных расходов в других странах Восточной Азии. И хотя новый этап гонки вооружений не приведет непосредственно к военным конфликтам, он усилит компоненты соперничества и конфронтации в структуре отношений в регионе.

Корейская проблема останется нерешенной и станет развиваться в режиме вялотекущего конфликта, периодические обострения будут следствием северокорейских провокаций посредством ракетных испытаний, приграничных перестрелок в районе демилитаризованной зоны, намеков на подготовку ядерного испытания и т. п. Война на полуострове маловероятна. В технологическом плане Северная Корея не сможет создать полноценное ядерное оружие и ракеты дальнего радиуса действия, Пхеньян продолжит использовать тактику ядерного блефа и шантажа для выживания режима. Радикальные изменения возможны, хотя и необязательны, в случае смерти Ким Чен Ира.

Воздействие фактора Индии будет постепенно расти, однако к 2017 г. Дели, упрочив позиции в Южной Азии, не сможет стать конкурентом традиционным лидерам ни в Юго-Восточной Азии, ни в Центральной Азии. И, соответственно, не сможет играть роль «баланса» влиянию Китая и Японии на восточно-азиатском экономическом и политическом пространстве.

Индия, опираясь на свое усиливающееся влияние в Южной Азии, постарается использовать механизмы ВАС для «выхода» в Восточную Азию. Неизбежное противодействие Китая в итоге станет одной из причин сохранения Восточноазиатского сообщества в виде аморфной политической структуры.

Попытки Индии укрепиться в Восточной Азии осложняют отношения между Индией и Китаем. Стороны будут стремиться избегать столкновений по нерешенным территориальным и политическим вопросам, ожидается рост взаимной торговли, развитие приграничного сотрудничества, взаимодействие и конкуренция в сфере энергетики, в борьбе за глобальные энергоресурсы и энергетические активы.

Главными сферами индийско-китайского соперничества станут:

- отношения с Соединенными Штатами. Дели будет стремиться добиться большей близости к Вашингтону по сравнению с Китаем, играя на двух факторах: «индийской демократии» в противовес «китайскому коммунизму» и индийской помощи США в «сдерживании Китая»;
- глобальные источники финансирования экономики. Индия попытается переключить на себя финансовые потоки, которые идут из мировых финансовых центров, в том числе из Японии, в Китай;
- влияние на соседей. Индия сохранит монополию на контроль ситуации в районе Индийского океана и одновременно попытается «войти» в зону китайского влияния в ЮВА;
- энергетика и «новая экономика». Индия будет стремиться к вытеснению Китая с мировых энергетических и наукоемких рынков там, где это более выгодно, чем взаимодействие с КНР;
- военное сотрудничество с Россией. Для Дели важно стать преимущественным партнером Москвы в военно-технологической области. При этом Индия будет использовать фактор российско-американской и российско-европейской конкуренции на южноазиатском рынке вооружений.

В трехстороннем формате «Россия–Индия–Китай» Дели будет делать акцент на развитие двусторонних связей. Индия может использовать как двусторонние, так и многосторонние отношения в «треугольнике» для политического давления на США в случае обострения по тем или иным причинам индийско-американских отношений.

Индия будет делать ставку на двусторонние отношения со странами Центральной Азии, стремясь получить конкурентные преимущества на тамошнем рынке углеводородов. Индия не считает КНР и центральноазиатские страны ШОС «подлинно демократическими» и сохранит свой статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества для мониторинга уровня энергетического взаимодействия в Центральной Азии и поведения Китая.

Быстрый экономический рост КНР, ее превращение в регионально-го лидера Восточной Азии и возможность китайско-американского сближения будут усиливать «конкурентный настрой» и «мотивацию

соперничества» в индийской политике, вызывая – вслед за динамичной ситуацией – волнообразные изменения поведения Индии.

Перспективы ШОС зависят от готовности организации скорректировать стратегию развития. Открытым остается вопрос о том, сможет ли эта организация, несмотря на важность борьбы с терроризмом и другими новыми угрозами и полезность военного сотрудничества, обратить большее внимание на обеспечение социальной и политической стабильности в Центральной Азии, стимулирование экономического роста, развития демократических институтов и гражданского общества. Без этого ШОС рискует продолжить дрейф в сторону размытости и неопределенности своей деятельности. Это ослабит региональный политический потенциал организации, подтолкнет Россию и Китай к поиску вариантов реализации своих интересов в Центральной Азии вне рамок ШОС. Россию – к укреплению ОДКБ и ЕврАзЭС, Китай – к диалогу с НАТО. Это усугубит военно-политический дисбаланс в Центральной Азии, в основе которого лежит отсутствие четко прописанного разделения труда между ШОС, куда входит Китай, и «ОДКБ плюс ЕврАзЭС», членами которых являются практически те же страны, что и в ШОС, но без Китая.

США, Япония и Индия заинтересованы в выстраивании собственных вариантов диалога со странами Центральной Азии без участия России и Китая, это создает риски, чреватые превращением региона в поле соперничества великих держав вместо их взаимодействия.

Восточная Азия и Россия: риски и возможности

Геоэкономическое положение России как связующего пространства между зонами европейской и восточноазиатской интеграции очевидно, но данный фактор пока не играет решающей роли в определении национальных приоритетов развития. В экономической стратегии РФ отсутствует «пространственно-экономическое мышление», позволяющее видеть проблемы депрессивных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока в наднациональном геоэкономическом контексте, а не в узких рамках государственных границ. Как отсутствует и «двухвекторная» модель развития, которая позволяла бы ориентировать вытянутую в пространстве экономику России на параллельное интеграционное взаимодействие с Европейским союзом и Восточной Азией.

К 2017 г. недостатки российского видения своего места в восточно-азиатском регионе рискуют обернуться упущенной экономической выгодой и политическими неприятностями. Тем более, что по мере укрепления региональных позиций Китая политический и экономический интерес Восточной Азии к России будет снижаться.

С другой стороны, по мере превращения России в крупнейшего игрока в глобальной энергетике будет расти интерес Пекина, Токио и Сеула к энергоресурсам, энергетическим активам и энергетическому сотрудничеству с Москвой. Страны АСЕАН хотели бы использовать энергетический, а на его основе и политический вес России в качестве баланса влиянию США, Китая и Японии в ЮВА.

Интерес к России как к транспортному пространству между Европой и Восточной Азией будет зависеть от российской политики в сфере развития транспортной инфраструктуры и, прежде всего, транспортной инфраструктуры Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Интерес к России как к партнеру в «экономике знаний» останется эпизодическим и будет зависеть от российской научно-технической политики и способности возродить отечественную науку, понесшую огромные кадровые и концептуальные потери в 1990-е – 2000-е годы.

Интерес к России как к перспективной рекреационной зоне для растущего и богатееющего населения Восточной Азии носит гипотетический характер и будет зависеть от того, готова ли страна видеть себя глобальной рекреационной площадкой.

Основные риски для России в Восточной Азии в ближайшее десятилетие будут состоять в следующем:

- Россия может оказаться на более далеком расстоянии от Запада, прежде всего, от США и Японии, чем КНР. Это уменьшит конкурентные преимущества Москвы и ослабит ее политические позиции;
- Россия может оказаться вне интеграционных процессов, происходящих в Восточной Азии с участием Японии, Китая и Южной Кореи;
- Россия может остаться под воздействием политического соблазна играть на китайско-американских и китайско-японских расхождениях, ища тактическую выгоду, но упуская при этом стратегическую перспективу;

- сохраняется риск упустить возможность использовать шестисторонний переговорный процесс по ядерной проблеме Северной Кореи для подключения к растущим на этой основе многосторонним механизмам безопасности и сотрудничества;
- Россия может продолжать неверно трактовать главные угрозы, исходящие из Восточной Азии, как угрозы демографического или экономического «захвата» восточносибирских и дальневосточных регионов РФ. Упуская при этом из виду, что основные тенденции развития Восточной Азии резко минимизируют такого рода угрозы, выдвигая на первое место угрозы недополученной выгоды от неучастия России в региональных интеграционных преобразованиях.

Заключение

Для адекватного противодействия этим угрозам:

- России важно использовать долгосрочный интерес к ее энергетике для создания восточноазиатского рынка углеводородов на основе российских энергетических ресурсов.
- России жизненно необходимо разработать новую интеграционную модель параллельного соразвития с Евросоюзом, США и Северо-восточной Азией, как локомотивом всей восточноазиатской экономики в целом.
- России важно продолжать участвовать, наращивать свою активность и инициативность в экономических и политических форматах в Восточной Азии.
- России необходимо продолжать углублять рыночные и демократические преобразования и развивать широкомасштабное сотрудничество в Восточной Азии с США, Японией и Китаем, инициативно находя и используя точки совпадения интересов, чтобы не отстать от КНР, которая активно налаживает отношения с Соединенными Штатами и Японией.

В этом контексте России важно выстроить постоянно действующие стратегические диалоги с США, Японией и Китаем специально по восточноазиатской проблематике и тем самым предотвратить формирование трехстороннего американо-японо-китайского регионального партнерства без российского участия.

2 АМЕРИКАНСКИЙ ФАКТОР И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

Введение

Положение Соединенных Штатов в международной системе определяется их военным потенциалом, присутствием вооруженных сил во всех ключевых регионах мира, развитой системой союзов и партнерств, которая охватывает большинство наиболее влиятельных государств, а также крупнейшей и наиболее развитой экономикой в мире. Большое значение имеет демократическая идеология и культурная привлекательность США, однако в последнее время этот фактор утрачивает прежнее значение.

Отношения России и США давно не являются несущей осью мирового порядка, а значимость двусторонних связей снизилась для обоих государств. Тем не менее в ближайшие несколько десятилетий Соединенные Штаты будут занимать ключевое место во внешней политике России и во многом определять не только место РФ в мировой экономической и политической системе, но и перспективы отечественной модернизации.

В среднесрочной перспективе Соединенные Штаты останутся единственной сверхдержавой, самым сильным государством планеты, далеко превосходящим всех остальных по совокупному потенциалу силы. Тем не менее, влияние США на международные процессы будет снижаться.

В настоящее время главную проблему Соединенных Штатов можно охарактеризовать как усталость от возложенной на себя миссии «мирового полицейского» и строительства гегемонистского

Основной автор главы – заместитель директора исследовательских программ СВОП Д.В. Суслов.

порядка, основанного на доминировании одного государства. За усилением внешнеполитической риторики о продвижении демократии во всем мире и искоренении тирании, а также за нарастающей идеологизацией внешней политики США скрывается нежелание предпринимать конкретные действия, в первую очередь военного характера.

Повестка дня Вашингтона все чаще вступает в противоречие с интересами международного сообщества, и это подрывает способность Америки выступать лидером и эффективно использовать свою огромную мощь.

Ограничителями внешней политики США служат следующие внутривнутриполитические проблемы:

- Крайне низкий уровень общественной поддержки действий нынешней администрации и лично президента Джорджа Буша-младшего. Это станет сигналом для следующих администраций вне зависимости от их партийной принадлежности.
- Затухание в обществе психологического «запала», вызванного событиями 11 сентября 2001 года. С каждым годом американское население демонстрирует все меньшую готовность идти на жертвы ради проведения наступательной внешней политики, направленной на активное реформирование международной системы.

Военный потенциал США

В военно-стратегической сфере отрыв Соединенных Штатов от остальных государств мира наиболее ощутим. Военный бюджет США составляет 40 % мировых расходов на оборону и превышает суммарные затраты следующих за ними 10 стран. На долю Вашингтона, его союзников и близких партнеров приходится более трех четвертей оборонных расходов планеты. В силу уже запущенных программ абсолютная и относительная военная мощь Соединенных Штатов в течение 5–7 лет продолжит расти.

12 авианосных групп США контролируют главные морские маршруты, в распоряжении Пентагона более 700 военных баз по всему миру. По техническому оснащению вооруженных сил и новым видам вооружений Америка опережает все остальные страны как

минимум на полтора-два десятилетия. Неясно, насколько серьезно намерение США нарушить ядерный паритет с Россией и реалистична ли эта цель вообще, если, разумеется, Москва будет проводить минимально необходимую модернизацию своих стратегических сил.

И все же несмотря на силовое преобладание и вероятность дальнейшего отрыва Соединенных Штатов от других стран в военной сфере, американская мощь мало приспособлена для решения современных задач. Как показал опыт войны в Ираке, американская армия не справляется с задачами противостоять партизанской войне и бороться с международными террористическими сетями. В ближайшее десятилетие главные угрозы будут носить негосударственный характер, американские же вооруженные силы по-прежнему ориентированы на борьбу с государствами без их последующего восстановления.

Кроме того, военные резервы близки к истощению. Обычные вооруженные силы США уже используются по максимуму, и дальнейшее их наращивание (например, для ведения новой войны) не представляется политически возможным.

Экономический потенциал США

Экономика США также не имеет равных в мире. Их ВВП составляет более 20 % от общемирового, на них приходится 41 % производства высокотехнологической продукции. Соединенные Штаты уверенно сохраняют научно-техническое лидерство, на их долю приходится половина суммарных затрат стран «Большой восьмерки» на образование и НИОКР. США производят 55 % мировой аэрокосмической продукции, 34 % компьютерного и 25 % телекоммуникационного оборудования. По темпам экономического роста (3–4 %) они уверенно опережают другие развитые страны – государства Европейского союза и Японию. Американский товароборот приближается к 2 трлн долларов, что составляет около 13 % мирового экспорта и 15 % мирового импорта. Соединенные Штаты также являются крупнейшим нетто-импортером и нетто-экспортером капитала.

Однако американская экономика испытывает серьезные трудности, масштаб которых в ближайшее десятилетие будет нарастать. В

первую очередь, это дефицит торгового и платежного балансов, растущая конкуренция доллару со стороны евро как валюты международных расчетов и резервной валюты, увеличивающееся бремя военных расходов, которое становится особенно тяжелым с учетом колоссального государственного долга США (8,3 трлн долл. или 64,8 % ВВП).

Рост бюджетного дефицита наносит ощутимый вред американской экономике и стабильности финансовой системы. Прежде всего, он снижает доверие мировой экономики к доллару как резервной валюте. Со временем (через 3–6 лет) это может привести к снижению притока иностранного капитала в экономику США, кризису финансовой системы и снижению экономического роста.

Масштабы возможного экономического кризиса не стоит переоценивать, в особенности те проблемы, что вызваны бюджетным дефицитом. Так, в 1946 г. американский бюджетный дефицит составлял 121 % ВВП, при этом Вашингтон обладал экономической гегемонией в мире. Кроме того, в дестабилизации финансовой системы США не заинтересованы другие страны мира, ущерб которым в силу их экономической слабости будет сильнее, чем ущерб Америке.

Внешняя политика

В глобальном масштабе американская внешняя политика ориентирована на сохранение собственного превосходства над остальными государствами и их группировками. Одновременно США преследуют цель обеспечить себе максимальную свободу рук в мире и добиться снижения контроля со стороны других держав и международных организаций. Соединенные Штаты также стремятся выстроить систему международного управления, основанную на принципах «мягкой гегемонии» Вашингтона. Остальные страны должны подстраиваться и подключаться к американской политике. Любые партнеры Америки изначально воспринимаются как «младшие». Для консолидации вокруг себя мирового сообщества США провозгласили концепцию борьбы с новым «вселенским злом», представленным как «мировая несвобода».

Концептуально и идеологически нынешняя глобальная стратегия Соединенных Штатов основывается на постулате победы в холодной войне, доказавшей, как считается, абсолютную правильность и

универсальность американской либерально-демократической модели развития, а также эффективность выстраивания всего мира по образцу прежнего западного блока.

Однако уже сейчас данная стратегия показывает свою неэффективность.

- Политика по ослаблению во многих регионах мира (в том числе на пространстве бывшего СССР), потенциальных лидеров, т. е. держав, способных бросить вызов американскому доминированию, оборачивается общей региональной дестабилизацией, распадом и деградацией государств, началом меж- и внутригосударственных войн и конфликтов. Это, в свою очередь, создает вызовы для безопасности США, втягивает их в новые противостояния, настраивает против них как региональные державы, так и международное сообщество в целом, ослабляя глобальные позиции Вашингтона.
- Создание «нового мирового порядка» на деле оборачивается вакуумом управляемости. Старые механизмы разрушаются, новые же или не создаются, или начинают создаваться в противовес США (например, ШОС). Америка оказывается изолированной от части мировых процессов. Подобная тенденция означает утрату лидерства в международной системе.
- Ставка Соединенных Штатов на обеспечение себе максимальной свободы действий развязывает руки и другим государствам, что чревато хаосом. Подспудно разворачиваются новые локальные гонки вооружений. Угроза со стороны США и распад системы гарантий безопасности толкает многие страны к тому, чтобы опираться только на собственные силы, вплоть до создания собственных арсеналов ОМУ.
- Политика США по распространению демократии на расширенном Ближнем Востоке на деле оборачивается серьезной и долгосрочной дестабилизацией государств с перспективой либо возникновения на их месте радикальных исламистских режимов, либо сохранения хаоса. И то, и другое не соответствует ни политическим, ни экономическим интересам Соединенных Штатов. Аналогичного эффекта политика США может достичь в Центральной Азии и в Закавказье, то есть пограничных с Россией регионах.

Региональные измерения внешней политики США

Значимость **Европы** в системе американских внешнеполитических приоритетов серьезно уменьшилась после завершения холодной войны и появления новых очагов нестабильности. На сегодняшний день европейская политика Вашингтона заключается в сохранении и расширении НАТО как главного рычага американского влияния; в мягком противодействии наднациональной интеграции Евросоюза в сфере внешней политики и безопасности, а также превращению ЕС в независимый полюс силы; в усилении влияния за счет стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Балтии.

Превалирующей тенденцией трансатлантических отношений является ослабление влияния Вашингтона на самых давних союзников. Отчасти это связано с уменьшением зависимости Европы от США в сфере безопасности, отчасти с односторонним внешнеполитическим курсом Белого дома. Налицо углубляющееся расхождение между странами Западной Европы и Соединенными Штатами в ценностном восприятии международных отношений. Размывается общая повестка дня. Данная тенденция в течение предстоящего десятилетия будет усиливаться. Попытки компенсировать ослабление американских позиций в Западной Европе за счет стран ЦВЕ и Балтии не будут результативными. (Соединенные Штаты тем самым смогут препятствовать проведению объединенной политики ЕС, но не заставят Европу содействовать американской политике).

Роль **Азиатско-Тихоокеанского региона** будет устойчиво повышаться. Уже сейчас на него приходится большая часть внешней торговли США. Этот регион в ближайшее десятилетие скорее всего станет главным полюсом экономического роста. Там же сосредоточены многие противоречия и потенциальные конфликты.

Американская стратегия ориентирована на поддержание в АТР статус-кво и баланса сил, прежде всего посредством поддержки союзников (Япония, Южная Корея, Тайвань, Австралия, Филиппины, Таиланд) и проведения двойственной политики в отношении Китая. Она сочетает сдерживание китайского политического и военного укрепления и экономического роста с попытками вовлечь КНР в систему региональных многосторонних связей, «заикленных» на США. Между тем, все большая часть американского внешнеполитического истеблишмента воспринимает Китай как основного потенциального противника.

В последние годы позиции Вашингтона в Восточной Азии слабеют, и прежде всего это связано со снижением влияния на традиционных союзников. За исключением Японии и Австралии государства региона лавируют между США и Китаем, подчас с большей симпатией к последнему. В отличие от весьма агрессивного Вашингтона Пекин придерживается курса на «мягкую дружескую» экспансию. Государства региона рассматривают экономический рост Китая как возможность для развития собственных экономик.

В отношении **постсоветского пространства** Соединенные Штаты проводят курс, направленный на его дробление и вовлечение по частям в американскую систему союзов. Главный ориентир этой политики – предотвращение экономической или военно-политической реинтеграции пространства бывшего СССР или его существенных частей под началом Москвы. Параллельно с политическими целями США добиваются доступа к энергетическим ресурсам России, Закавказья и Центральной Азии и путям их транспортировки.

Расширенный Ближний Восток – основной региональный приоритет американской внешней политики. С одной стороны, он является главным поставщиком энергоресурсов на мировой рынок. С другой, из него исходят угрозы глобального исламистского терроризма и распространения ОМУ. Наконец, именно здесь реализуются ключевые внешнеполитические проекты США: государственное строительство в Ираке и Афганистане.

Стратегия по демократизации расширенного Ближнего Востока – центральный внешнеполитический проект администрации Джорджа Буша – потерпел крах, что может в ближайшие годы обернуться масштабным переделом власти в регионе в пользу исламистов и колоссальным ослаблением позиций США. Вероятно, Вашингтон вновь увеличит ставку на надежного регионального союзника – Израиль.

Латинская Америка традиционно служила «мягким подбрюшьем» США, и их стратегия в этом регионе всегда была ориентирована на предотвращение серьезного присутствия внешних сил. Хотя масштабного присутствия внешних сил в Латинской Америке по-прежнему нет, влияние Вашингтона слабеет. Усиливается тенденция блокирования стран Южной Америки против Соединенных Штатов. Крупные государства региона (Бразилия, Аргентина и даже Мексика) заявляют подчеркнуто иную, чем США, точку зрения по многим международным вопросам (реформа ООН, применение

силы). Все большее число стран проводит откровенно антиамериканскую политику (Боливия, Венесуэла). Изменение возможно лишь в том случае, если Вашингтон переосмыслит экономические правила игры с развивающимися странами Южной Америки, откажется от их либерализации в интересах американских корпораций, или же если Латинская Америка вернется в список главных приоритетов политики Соединенных Штатов, в том числе силовой. Но вероятность этого крайне мала. Латинская Америка будет превращаться в группу все более независимых игроков на международной арене. (При сохранении небольшого числа государств, полностью ориентированных на США).

Отношения Россия – США

В настоящее время между Москвой и Вашингтоном сохраняется серьезная политическая взаимозависимость.

- Без российско-американского сотрудничества практически невозможно разрешить многие мировые проблемы, угрожающие безопасности обоих государств. Конфронтация же серьезно усугубляет вызовы, которые в конечном итоге могут превратиться в угрозу самому выживанию двух стран. При этом в течение ближайших 10–15 лет углубление сотрудничества необходимо для стабилизации расширенного Ближнего Востока, для снижения нарастающей конфликтности Азиатско-Тихоокеанского региона и обеспечения мирного развития КНР как государства «статус-кво».
- Необходимо контролировать арсеналы ОМУ, доставшиеся в наследство от холодной войны, и проблемы разоружения.
- Опыт последних лет показал, что в одиночку создать и закрепить новую систему глобального управления Соединенные Штаты не в состоянии.

Несмотря на низкий объем торгово-экономических отношений РФ–США, экономическая взаимозависимость двух стран, прежде всего в энергетической сфере, будет углубляться. Все большая доля нефтегазовых месторождений приходится на долю государств, не подконтрольных Вашингтону и американским энергетическим корпорациям. Соответственно, неизбежен рост интереса к Рос-

сии и к другим странам бывшего СССР как к источникам энергоносителей будет расти.

Несмотря на сохранение общего партнерского формата (причем обе столицы придают этому сохранению принципиальное значение), «позитивная» повестка дня постоянно сокращается. Стороны по-разному подходят к урегулированию главных международных конфликтов (Ближний Восток, Иран), борьбе с международным терроризмом, сокращению вооружений и обеспечению контроля над ними, поддержанию стратегической стабильности (хотя здесь элементы сотрудничества по-прежнему преобладают).

«Негативная» же повестка постоянно растет. Договоренности, достигнутые на саммите «Восьмерки» в Санкт-Петербурге в июле 2006 г., могут замедлить эту тенденцию, однако не повернут ее вспять в ближайшие годы. Более того, «негативная» повестка затрагивает вопросы, наиболее чувствительные для обеих стран, и прежде всего для России. РФ косвенно противопоставляет себя главному лейтмотиву американской глобальной стратегии – «распространению демократии». Москва и Вашингтон все более открыто соперничают на пространстве бывшего СССР. Определенное обострение отношений можно прогнозировать в ближайшие 4–5 лет.

Основные векторы и сценарии развития к 2017 году

В военной сфере США сохраняют отрыв от всех остальных государств и их группировок как в количественном, так и в качественном отношениях. Более того, этот разрыв будет нарастать.

В сфере экономики, несмотря на возможные кризисы, Соединенные Штаты скорее всего останутся наиболее развитой, динамичной и мощной страной мира. И все же есть основания полагать, что в ближайшее десятилетие удельный их вес и влияние в мировой экономике будут снижаться, хотя и останутся на весьма высоком уровне. Доля США в общемировом ВВП к 2017 г. может составить 17–19 %.

Внешняя политика США в глобальном масштабе в течение следующего десятилетия будет характеризоваться следующими тенденциями:

- трансформацией в сторону большей многосторонности, меньшего внешнеполитического и внешнеэкономического

эгоизма, большей толерантности к международным институтам. Тем не менее склонность к принятию односторонних решений сохранится;

- некоторым переосмыслением стратегии в отношении «недемократических» стран, акцент будет отчасти перенесен с демократизации на стабилизацию. Однако риторика в духе демократического мессианизма сохранится в отношении ряда стран, в том числе Китая и России;
- частичной переориентацией политики ослабления региональных лидеров на политику их поддержки в обмен на относительную лояльность. При этом маловероятно, что такая политика окажется удачной в отношении ряда стран, в частности, Китая. Нельзя исключать, что после попыток ограничить влияние России на постсоветском пространстве США перейдут через 4–6 лет к попыткам превратить Москву в «лояльного» регионального лидера и гаранта стабильности значительной части пространства бывшего СССР. Многое здесь будет зависеть от успехов самой России, ее способности отстаивать свои интересы на периферии, а также от того, не войдет ли РФ в ближайшие годы в жесткую конфронтацию с Вашингтоном.

Хотя абсолютные показатели американской мощи сохранятся, влияние США в мире в 2007–2017 гг. будет снижаться. Большую роль в этом сыграет уход из Ирака, который прогнозируется через два-три года. Он нанесет по американской внешнеполитической самоуверенности удар не менее сильный, чем поражение во Вьетнаме. Если судить по длительности «поствьетнамского синдрома», Америка переживет поражение только к 2013–2015 годам.

На сегодняшний день отсутствуют сила или сочетание сил, способные компенсировать ослабление Америки. Поэтому следствием уменьшения влияния США станет не воссоздание классического многополярного мира, а усугубление вакуума управляемости в международных отношениях.

Нельзя полностью исключать, что из-за имеющихся экономических и политических проблем, через 5–7 лет Вашингтон вернется к более реалистической, многосторонней и менее агрессивной политике. Возможно, США будут способны пойти на создание вместе с другими державами новой системы глобального управления, основанной

на «концерте великих держав» при лидирующей роли Америки.

В отношениях с Европой Соединенные Штаты будут к 2017 г. медленно, но верно терять позиции. Активное привлечение стран ЦВЕ и Балтии не компенсирует возрастающую внешнеполитическую самостоятельность западноевропейских государств. США будут также пытаться расширить присутствие НАТО (в значительной, хотя и в меньшей степени, чем раньше, подконтрольной Вашингтону) за пределами традиционной зоны ответственности союза. Пока не ясно, насколько успешными окажутся эти попытки.

В отношениях с Восточной Азией нынешняя тенденция ослабления американских позиций, будет, скорее всего, нарастать. Однако к его исходу она может замедлиться и повернуться вспять. Не исключено, что к 2017 г. возвышение (особенно военное) Китая будет уже не столько привлекать, сколько отталкивать от него соседей. Подобное развитие событий предполагает резкое усиление конфронтационности в отношениях США – Китай.

В отношении пространства бывшего СССР можно прогнозировать определенное повышение его значимости в системе американских внешнеполитических приоритетов. В первую очередь, из-за дестабилизации расширенного Ближнего Востока и связанного с этим относительного дефицита энергоносителей на мировом рынке.

Четкие очертания политики в отношении расширенного Ближнего Востока пока не вполне просматриваются. Можно предположить, что это будет политика ухода – более или менее скорого, с большими или меньшими негативными последствиями как для США, так и для региональной стабильности и управляемости.

Вполне вероятен сценарий прихода к власти во многих странах радикальных исламистов. Это во многом будет зависеть от того, какие действия будут предприняты в отношении Ирана и его ядерной программы. Возвращение к многостороннему курсу по ИРИ дает некоторый повод для оптимизма.

Эволюция отношений Россия – США к 2017 году

В ближайшие несколько лет весьма вероятно определенное ухудшение отношений Россия – США.

Во-первых, с приближением президентских выборов в Соединенных Штатах критика России со стороны как демократов, так и республиканцев будет усиливаться.

Во-вторых, обострится соперничество на постсоветском пространстве. Это связано американской политикой вовлечения Украины в НАТО и с попытками решить проблему «непризнанных государств» исключительно в пользу Грузии и Молдовы.

Намерение силовым путем решить проблему «непризнанных государств» могут обернуться прямым столкновением России с Грузией и (менее вероятно) Молдовой, вводом российских войск на территории «непризнанных государств» и обвинения Москвы в их оккупации или аннексии.

Вступление Украины в НАТО рискует и вовсе изменить общий партнерский характер российско-американских отношений. В этом случае вероятны резкая активизация военно-технического сотрудничества РФ с Китаем и антиамериканскими режимами третьего мира, окончательная деградация «позитивной» повестки дня, а также попытки переориентировать российский ВПК назад на противостояние с США.

В-третьих, в ближайшие 5–7 лет усилится конкуренция за контроль над энергоносителями государств бывшего СССР.

В-четвертых, серьезным раздражителем в ближайшие годы будет являться внешнеполитическая независимость России на международной арене и ее нежелание поддерживать многие направления американской политики (в отношении Китая, расширенного Ближнего Востока, таких стран, как Сирия, Иран, Венесуэла).

Однако к началу следующего десятилетия можно ожидать улучшения двусторонних отношений на новой основе. Оно будет вызвано такими факторами, как:

- относительное ослабление глобальных позиций США;
- обострение ряда общих вызовов безопасности (распространение ОМУ, возможная дестабилизация Пакистана и так далее);
- дестабилизация и хаотизация расширенного Ближнего Востока;
- деградация управляемости международных отношений;

- разрастание масштабов международной террористической деятельности;
- угроза попадания РФ в серьезную политическую зависимость от Китая;
- усиление КНР до масштабов, угрожающих безопасности как России, так и Соединенных Штатов.

К середине следующего десятилетия нельзя исключать признание США (и западным миром в целом) особой роли России как гаранта новых правил игры на постсоветском пространстве, в том числе, в области энергетики. Америке объективно выгоднее договориться по энергетическим вопросам с Россией, чем усиливать зависимость от нестабильных и антиамерикански настроенных стран Латинской Америки и Ближнего Востока.

Дальнейший отказ Москвы и Вашингтона нормализовать отношения для решения указанных проблем будет чреват серьезными вызовами безопасности и экономическому развитию обеих стран. Улучшение отношений к 2013-2017 г. может происходить на многосторонней основе и являться частью выстраивания новой системы глобального управления.

3 ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Введение

В Европе, расположенной к западу от российских границ, международно-политическая ситуация в основном определяется состоянием и эволюцией ведущих государств, Европейского союза, а также – в меньшей степени – состоянием военно-политического союза НАТО. На основе анализа событий последних лет есть серьезные основания считать, что проект Евросоюза находится в состоянии системного кризиса, который может привести к качественным изменениям всей политико-экономической модели. Российская политика на европейском направлении должна не ориентироваться на Европу вчерашнего или сегодняшнего дня, а исходить из возможных сценариев развития европейского интеграционного проекта.

В настоящий момент говоря о положении дел в Европейском союзе и общем состоянии интеграционного процесса в Европе можно выделить четыре проблемы стратегического характера, решение которых пока не просматривается:

- существенное ослабление качества и эффективности управления на уровне ЕС. В результате беспрецедентного по масштабам расширения 1995 – 2007 гг., общие институты (Совет ЕС, Европейская комиссия, Европарламент) перешли пределы собственной эффективности в качестве инструментов согласования интересов стран-членов, лобби и других групп интересов;

Основной автор главы – директор Центра комплексных европейских и международных исследований факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ, директор исследовательских программ СВОП – **Т.В. Бордачев.**

- отсутствие даже приблизительного общего видения стратегических целей развития «европейского проекта» (ЕС достиг всех основных целей, не вступающих в противоречие с базовыми суверенными правами стран-членов);
- низкая экономическая эффективность превалирующей ныне модели развития большинства европейских стран;
- снижение уровня доверия в отношениях между странами-членами, с одной стороны, странами и наднациональными органами Евросоюза – с другой. Одним из проявлений этой тенденции является «дефицит демократии» – отстраненность граждан Европейского союза из процесса принятия все большего спектра политических и экономических решений.

Общая характеристика

Политическое значение и вес Евросоюза в современном мире превосходит его реальные экономические и военно-политические возможности. Вместе с тем ЕС не может претендовать на роль ведущего и самостоятельного центра вследствие крайней неразвитости силового элемента и неспособности к формулированию единой внешней политики и даже общего видения. Попытки создания общеевропейской внешней и оборонной политики пока не только неэффективны, но часто играют просто контрпродуктивную роль, связывая руки ведущим странам-членам ЕС и сводя их потенциальные возможности к некому «общему знаменателю».

Современное положение Европейского союза в мире характеризуется следующими обстоятельствами:

- наряду со своими ведущими странами-членами – Великобританией, Германией, Италией и Францией – Евросоюз участвует в деятельности самых авторитетных международных форумов, например «Большой восьмерки»;
- ЕС относительно успешно продвигает свое видение и дизайн политико-правовых и экономических отношений с соседями;
- позиции ЕС относительно сильны в ряде районов Африки, особенно северо-западной и центральной части;

- Европейский союз пытается выступать в качестве мягкого конкурента США по ряду острых международно-политических ситуаций, таких, как ближневосточное урегулирование и в определенной степени иракская проблема;
- Евросоюз выстраивает конструктивные партнерские отношения с Китаем, не увязывая перспективы экономического сотрудничества с «ценностным» рядом;
- велико культурно-политическое и экономическое, т. н. «мягкое» влияние Европейского союза. На взгляд многих представителей элит за рубежом, Европа, несмотря на трудности, остается примером комфортного и гуманного развития.

Экономические показатели характеризуются, как правило, устойчиво низким экономическим ростом (среднегодовые темпы 1–1,6 %) и стабильно высокой безработицей. В новых странах-членах темпы экономического роста выше и достигают 3,2 %, что привело в 2006 г. к общему росту на пространстве Общего рынка ЕС в 2,6 %.

Вместе с тем, на Европейский союз приходится порядка 1/5 от общего объема мировой торговли товарами и услугами, хотя его население составляет всего 7 % от населения Земли. Из ста лидирующих мировых компаний 32 – европейские, а порядка 50 % общемирового объема прямых иностранных инвестиций идет только в страны ЕС–15. Экономику Евросоюза отличают следующие тенденции:

- резкое увеличение в результате расширения-2004 количества стран с отстающей экономикой;
- сохранение в среднесрочной перспективе высокого уровня расходов общеевропейского бюджета на поддержку сельскохозяйственного сектора (до 40 %). Попытка снизить их, принятая в 2005 г., надежно заблокирована Францией (получает 60 % сельхоздотаций);
- провал реализации «Лиссабонской стратегии» – программы превращения Европейского союза в самую динамичную и конкурентоспособную экономику мира, основанную на знаниях к 2010 году;
- качественное отставание в сфере исследований и высоких технологий. В настоящее время ЕС тратит на это меньше 2 % ВВП (США и Япония порядка 3 %). Затраты на развитие информа-

ционных и коммуникационных технологий составляют в Евросоюзе 6,93 % ВВП (8,22 % в США и 8,98 % в Японии).

В военно-политическом отношении Европейский союз не является самостоятельным участником международных отношений и не может стать альтернативой традиционным или нарождающимся центрам силы.

- планы создания Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) преимущественно остаются на бумаге;
- за исключением двух стран – членов ЕС (Великобритания и Франция), вооруженные силы государств Евросоюза не представляют собой серьезной величины. Военные расходы составляют максимум 2,6 % и 2,4 % ВВП (Франция и Великобритания – 40 % всех оборонных расходов), а в большинстве стран-членов менее 1,5 % ВВП. Расходы Германии, например, составляют всего 24 млрд евро в год (США – 382 млрд долларов);
- военные расходы стран Европейского союза в области исследований и технологий (на одного бойца) составляют в среднем 4 тыс. долл. (США – 28 тыс. долл.), а в части снаряжения – 14 тыс. долл. (США – 44 тыс. долл.);
- ЕС не представляет собой самостоятельной единицы в условиях нарастания значимости силового элемента в международной политике. По сути, современная Европа обладает вооруженными силами, не способными вести военные действия за исключением ограниченных по масштабам миротворческих операций;
- отсутствие единства позиций большинства «старых» и «новых» стран – членов Евросоюза по отношению к самым насущным вопросам мировой политики, особенно это проявилось в период подготовки вторжения США в Ирак в 2003 году.

Состояние интеграционного процесса, который является на протяжении последних 50 лет главным содержанием европейской политики, можно охарактеризовать как кризисное (после серьезных успехов, достигнутых в период с 1986-го до начала 2000-х):

- законченной формой интеграционных отношений может в настоящее время считаться только формирование таможенного союза – экономического и валютного союза 13 стран. Такие важнейшие вопросы, как социальная политика и регулирова-

ние трудовых отношений (весь социальный блок) находятся в компетенции национальных властей стран-членов;

- «Договор, учреждающий Конституцию для Европы» (Конституция) мертв, и его возрождение в такой форме крайне маловероятно;
- наиболее вероятной перспективой может считаться сейчас подготовка нового Договора о ЕС, который внесет большую гибкость во внутреннюю структуру Евросоюза и даст странам-членам дополнительные возможности для контроля над работой «надгосударственной» составляющей в Брюсселе;
- отсутствует перспектива возникновения в ближайшие 6–10 лет «федеральной Европы» т. е. реального политического союза;
- налицо неготовность сформулировать новую стратегическую задачу развития интеграционного проекта, результатом чего становится поиск тактических решений, которые должны успокоить общественное мнение;
- в результате расширения в 2004 г. резко возросла гетерогенность Европейского союза по целому ряду параметров: размерам, уровням экономического развития, состоянию систем рыночной экономики и демократии, политическому менталитету, географическому положению;
- идет формирование региональных политических и экономических группировок;
- появляется теоретическая возможность дальнейшего политического раскола ЕС при сохранении общего экономического пространства в базовых областях интеграции;
- налицо тенденция к усилению элементов межгосударственного сотрудничества, повышению роли национальных правительств и парламентов за счет авторитета и реальных полномочий наднациональных органов.

Вместе с тем, может быть определен некоторый «объем интеграции», эрозия которого возможна только в случае обстоятельств действительно чрезвычайного характера. К таким элементам относятся, в первую очередь, таможенный союз, зона свободной торговли в пределах Общего рынка и, для стран-участниц, валютный союз.

Эволюция отношений с Россией

Политические отношения России и Европейского союза характеризуются сочетанием дружественного характера и низкой степенью реального сотрудничества, сильны элементы конкуренции. В последние несколько лет различие интересов сторон проявлялось в целом ряде случаев:

- ситуация вокруг Калининградской области (2002 г.);
- отношение к президентским выборам на Украине (2004 г.);
- позиции по вопросу энергетического сотрудничества (2006 г.);
- отношение к «замороженным» конфликтам на территории СНГ и, в особенности, в Приднестровье (2003–2006 гг.);
- попытки ЕС использовать переговоры о вступлении РФ в ВТО с целью добиться отмены компенсационных сборов и платежей за пролеты по транссибирскому маршруту (ТСМ) и снизить и так невысокие дотации российскому сельскому хозяйству (2003–2006 гг.).

Россия и Евросоюз не готовы согласовать базовые принципы применительно к потенциально спорным вопросам, стороны постоянно пытаются перенести центр тяжести отношений в область технического взаимодействия на низовом уровне.

В торгово-экономическом плане Европейский союз (страны Общего рынка) является главным внешним партнером России. По последним официальным данным, доля ЕС в российском экспорте составляет порядка 50 %, а в импорте – около 40 %. Вместе с тем порядка 57–60 % российского экспорта на европейский рынок составляют природные энергоресурсы (нефть и газ), а большая часть остального экспорта приходится на продукцию сельского хозяйства (4 %) и химической промышленности (4 %). Можно прогнозировать уменьшение доли Евросоюза во внешнеторговом обороте России за счет смещения российской торговли в сторону Азии.

Взаимозависимость России и Европейского союза прежде всего проявляется в энергетике. РФ остается главным поставщиком энергоресурсов (40 % потребления газа в ЕС, причем в ряде стран-членов эта цифра достигает 100 %). Сокращения доли России в прогнозируемый период не предвидится.

Политико-правовая база и философия отношений – Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС, 1994 г.) и Дорожные карты «общих пространств» России и ЕС (2005 г.) – была в основном сформирована в тот период, когда позиции Европейского союза оставались довольно сильными. Российская Федерация, напротив, переживала эпоху экономической и бюрократической слабости. Брюссель лидировал в переговорном процессе, а новая роль России на международной арене, основанная на активном использовании энергетических ресурсов и более активной и организованной внешней политики, еще не оформилась.

Большая часть совместных планов на ближайшие несколько лет выстроена на основе принципа приближения России к нормам и требованиям ЕС в сфере регулирования экономической деятельности. Насколько жизнеспособна подобная модель сотрудничества – неясно.

После 2007 г. развитие отношений между Россией и ЕС будет во многом зависеть от формата политико-правовых отношений, к обсуждению которого стороны приступили в связи с истечением срока действия СПС. Формат и структура новой политико-правовой базы могут иметь важное значение, которое, однако, не стоит абсолютизировать.

Основные векторы и сценарии развития Евросоюза к 2017 году

Будущее ЕС как дееспособного участника мировой политики и экономики зависит от способности дать ответ на три важнейших вызова современного развития:

- недостаточная экономическая и политическая эффективность «европейской модели» в условиях ужесточения международной конкуренции;
- недостаточная устойчивость социально-экономических систем стран Европейского Союза (включая фактор изменения этнического состава);
- дефицит доверия между гражданами и политическими элитами, между различными странами, а также между государствами – членами Евросоюза и его наднациональными органами.

На основе оценки масштабов разрыва в уровне социально-экономического развития и растущей дифференциации национально-госу-

дарственных приоритетов ЕС-27, комплексное решение этих проблем не представляется возможным.

Единственным прорывным вариантом действий мог бы стать план «Демократическая конвенция», предполагающий выработку нового Договора о Европейском союзе (Конституции) в рамках избранного прямым голосованием Конвента № 2 и дальнейшее одобрение документа на общеевропейском референдуме. Однако вероятность того, что лидеры стран – членов Евросоюза примут такое решение, минимальна.

Полностью исключена перспектива формального распада Европейского союза или роспуска его надгосударственных институтов. Не приходится рассчитывать и на возникновение «федерации Европы» с общим правительством, парламентом, общеевропейскими политическими партиями и избираемым президентом.

Скорее всего, Европейский союз будет эволюционировать в сторону торгово-экономического (включая валютный союз) объединения с элементами политического сотрудничества между странами и группировками. При этом такие важнейшие области деятельности, как социальная политика, энергетика и оборона останутся на сугубо национальном уровне.

Роль институтов ЕС (в первую очередь – Европейской комиссии) будет сведена преимущественно к трем направлениям:

- обеспечение функционирования таможенного союза, валютного союза (совместно с Европейским центробанком) и общего рынка товаров и капиталов;
- представление интересов стран-членов Евросоюза в международных торгово-экономических организациях;
- содействие реализации внешнеполитических и внешнеэкономических проектов отдельных стран-членов или группировок.

Примером последнего направления деятельности служит участие Еврокомиссии в энергодиалоге России и Европейского союза. В настоящий момент у Еврокомиссии нет формальных полномочий в сфере внешних энергетических связей. Последние предложения КЕС в данной области были заблокированы в марте 2006 г. странами – членами Евросоюза, которые предпочитают, чтобы все отношения с Россией осуществлялись исключительно на межгосударственном уровне и уровне энергетических корпораций. Но у КЕС есть неформальное поручение от Совета ЕС оказывать на РФ давление с це-

лью добиться ратификации Договора и транзитного протокола к т.н. Энергетической хартии, что будет способствовать реализации национальных интересов ряда государств Евросоюза (Германии, Франции, Италии, Великобритании, Бельгии и Нидерландов).

Такая парадигма развития Европейского союза до 2017 г. предполагает два возможных формата его функционирования:

1. «Европа разных скоростей»

Дальнейшее развитие углубленных форм политического сотрудничества и экономической интеграции части стран ЕС с сохранением остальных в рамках таможенного союза и общего рынка товаров и капиталов. Возможно выделение группировки основателей «европейского авангарда» в составе «шестерки» + Испания, Португалия и Греция.

2. Таможенный союз

Общая эволюция в направлении свободных рынков и свободной торговли при качественном снижении уровня политического сотрудничества и сохранении базовых в исключительной национальной компетенции областей экономики (энергетика, социальная политика).

После 2012–2013 гг. возможно ускорение развития Евросоюза, если удастся приступить к трансформации нынешней застойной социально-экономической модели в направлении большей либерализации, а политические интеграционные процессы сориентировать на федерализацию. Однако политика экономической либерализации может вступить в противоречие с социальной устойчивостью крупных стран – членов Европейского союза. Поэтому такой вариант развития представляется менее вероятным, чем продолжение стагнации с незначительными элементами экономической модернизации, направленной на поддержание позиций, уже достигнутых экономиками стран ЕС.

Заключение

Вне зависимости от перспектив эволюции Евросоюз данный регион является для России важнейшим вследствие исторических и религиозных факторов, которые определили формирование ее цивилизационной идентичности. Вместе с тем современный уровень экономического и общественного развития России, а также экспорт-

ный потенциал экономики дают возможность большей, чем прежде, гибкости при определении стратегических приоритетов и географических направлений национальной внешней политики.

И для Европейского союза, и для России сближение и создание стратегического политико-экономического союза очевидно выгодно, но такой вариант развития событий в ближайшие 5–7 лет маловероятен. Вероятность может возрасти, если Россия вступит на путь интенсивной экономической модернизации и политической демократизации, что позволило бы увеличить заинтересованность в экономическом сближении и сняло бы часть препятствий сближению «ценностной» сфере. Кроме того, конструктивному диалогу и сближению сможет способствовать некое «отрезвление» от успехов последних 10 лет, которое неизбежно наступит в ЕС к середине следующего десятилетия.

Вступление России в ВТО также объективно облегчит экономическое сотрудничество в ряде областей. Вместе с тем, вопрос о выгоды для России создания Зоны свободной торговли (ЗСТ) с ЕС открыт. России невыгодно возникновение такой зоны без качественного увеличения доли товаров с высокой добавленной стоимостью в российском экспорте и перспективы выхода их на высококонкурентный европейский рынок.

России не выгодна ни застойная модель развития политической Европы, ни переход ее к федерализму. В любом случае целесообразно сохранять видимость динамичного развития отношений с Евросоюзом. На ближайшие 5–7 лет, не прекращая взаимодействия с Брюсселем, стоит активизировать (не провозглашая этой цели) двустороннее сотрудничество с ведущими странами и, возможно, перспективными партнерами среди новых стран – членов Европейского союза. Этому будет объективно способствовать процесс национализации европейской внешней политики в результате системного кризиса Евросоюза.

На настоящем этапе целесообразным для России возможно было бы восстановление баланса между политической и экономико-правовой составляющими отношений на уровне равноправного сотрудничества самостоятельных субъектов международных отношений. В будущем Россия могла бы рассматривать вопрос о формальном присоединении к тому интеграционному объединению, которое, после преодоления наступившей фазы стагнации, придет на смену Европейскому союзу. Тем более, что выход из стагнации европейского проекта будет с высокой степенью вероятности найден на традиционном для ЕС пути укрепления роли и значения суверенных государств.

4 ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: УХОДЯЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Введение

За период после распада СССР большинство стран т. н. постсоветского пространства не смогли создать современной государственности, устойчивой к деструктивным внешним и внутренним воздействиям. Сам вопрос о реальности суверенного статуса национальных государств, с которыми Россия граничит на западе, юге и юго-востоке, является частью политической игры, в которой участвуют Европейский союз, США, Китай, Россия, а также усиливающиеся региональные державы – Иран и Турция. Возрастающая зависимость от внешних факторов может при определенных обстоятельствах быть стабилизирующим фактором, но как правило только стимулирует нестабильность и кризисы.

Европейские страны постсоветского пространства (Молдавия, Украина, Белоруссия), составляя зону, прилегающую к Европейскому союзу, объективно оказываются в европейском «кандидатском» коридоре, что уже на данном этапе начинает ограничивать их экономический, социальный, экологический и иной суверенитет. Европейские интеграционные структуры, опираясь на местные политические классы, будут все чаще оказываться в роли региональных политических и экономических посредников.

Основной автор главы – доцент кафедры мировой политики факультета мировой экономики и мировой политики ГУ-ВШЭ **А.И. Суздальцев**.

Термин «постсоветское пространство» используется технически – за неимением лучшего. Термин СНГ применять некорректно ввиду очевидной деградации данного образования. Остаются «бывший СССР» или «постсоветское пространство». В контексте данной работы термин «постсоветское пространство» не включает в себя прибалтийские страны.

Южная часть (Закавказье) остается зоной политической нестабильности. Спектр угроз обширен – от перспективы полномасштабной войны между Азербайджаном и Арменией или вооруженных конфликтов Тбилиси с бывшими автономиями до глубоких социально-экономических кризисов с этнической составляющей. В этом регионе зарубежные силы оказывают максимальное влияние на внутреннюю и внешнюю политику стран.

Политические классы государств Центральной Азии сталкиваются с проблемами, каждая из которых способна поставить под угрозу существование любого из этих государств. Наиболее серьезным является исламское влияние (включая его экстремистский и даже террористический компонент), опирающееся на поддержку из Пакистана, Саудовской Аравии и Афганистана. Неизбежно обострение социально-экономической обстановки и межнациональных отношений в Ферганской долине, следствием чего может стать дестабилизация в Узбекистане и Киргизии. Следует ожидать обострения борьбы внешних сил за контроль над энергоэкспортом, в качестве относительно нового фактора выступает расширение политических, экономических и демографических возможностей Китая.

Очагами конфликтов на постсоветском пространстве остаются непризнанные государства (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах), точки постепенно нарастающей политической дестабилизации (Ферганская долина), а в перспективе и проблемные страны (Белоруссия, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, Молдавия, Грузия). Различное отношение к большинству из узлов противоречий провоцирует обострение отношений между Россией, с одной стороны, и западными державами и организациями – с другой.

Внутриполитические тенденции

- Внутри ряда стран продолжится борьба между унитарными и федералистскими тенденциями. К концу прогнозного периода в отдельных государствах появятся новые элиты, что способствует укреплению суверенитета. Однако в некоторых государствах постсоветского пространства проявятся необратимые процессы политической деградации, что поставит под сомнение сохранение этих стран в качестве субъектов международного права.

- Авторитарный тренд в совокупности с государственным, а в ряде случаев и этническим национализмом, неразвитостью партийных систем и криминализацией власти может стать главной политической доминантой.
- Социально-политическая нестабильность будет расти вследствие того, что во многих странах постсоветского пространства политическая жизнь блокирована авторитарными режимами. Функции институтов слабо дифференцированы, политические системы маловосприимчивы к изменениям экономического, социального, технологического характера.
- В европейских странах постсоветского пространства (Белоруссия, Молдавия, Украина) основной внутривнутриполитической проблемой остается вопрос о легитимности власти, вокруг которого будет концентрироваться борьба не только внутренних, но и внешних сил. Неоднородность украинского, молдавского, отчасти белорусского обществ, различные группы которых говорят на разных языках, придерживаются различных идеологий и фактически живут в разных социальных ритмах – аграрном, индустриальном, информационном, – в ближайшее десятилетие будет все больше воздействовать на политику.
- Политические элиты стран Закавказья расколоты между сторонниками ориентации на различных внешних патронов (доминируют проамериканские силы, также представлены пророссийские, ощущается влияние Ирана) и не способны к выработке целостной стратегии национального развития;
- Учитывая особенности общественно-политической жизни в Центральной Азии, особую значимость приобретают регионально-клановые противоречия. Они усугубляются слабой политической стратификацией региона и усиливающейся исламизацией.
- Политическая ситуация в Казахстане и странах Центральной Азии определяется наличием политических систем разной степени авторитарности. Поэтому главным вопросом являются не реформы и не стратегия достижения победы на выборах, а форма политической деятельности оппонентов режима – легальной или подпольной. В странах южнее Казахстана естественным местом полуполигальной политической деятельности окажется мечеть.

- Консервативная политика ряда стран Центральной Азии (Узбекистан, Туркмения), вытеснение оппозиции из правового поля в Киргизии и Таджикистане способны лишь отсрочить социальный взрыв, который неминуемо приобретет политико-конфессиональный характер. В будущем взрывоопасная комбинация конфессиональных, социальных, регионально-клановых и экономических противоречий способна привести регион к полномасштабной дестабилизации. Угроза существует даже для динамично развивающегося Казахстана.

Экономика постсоветского пространства характеризуется сильной зависимостью от экономической ситуации в России и высоким уровнем связей с РФ.

- Наибольший рост фиксируется в странах, активно развивающих энергоэкспорт (Казахстан, Азербайджан, Туркмения).
- Приближаются к лидерам страны, демонстрирующие высокую динамику благодаря экономическим привилегиям и преимуществам на российском рынке (Белоруссия, Армения).
- Природа экономического спада в Молдавии связана с внутренней политической нестабильностью и распадом связей с Россией. Перед Украиной в случае нормализации на новом уровне ее экономических отношений с Россией и установления партнерских отношений с Евросоюзом, открываются обнадеживающие перспективы.
- Трудовая миграция в Россию стала универсальным индикатором экономической несостоятельности части стран постсоветского пространства. Сейчас ее потенциал исчерпывается, а в обозримый период миграция может превратиться в ресурс, активно используемый в политических целях.
- Ни одна из европейских стран постсоветского пространства не избавится в ближайшие десять лет от российской энергозависимости. Зависимость от поставок относительно дешевого природного газа носит долговременный характер.
- Деятельность нефтяного комплекса Азербайджана направлена на ликвидацию диспропорции между открывшимися транспортными возможностями и объемом транспортируемой нефти.

ти (как собственной, так и центральноазиатской). Сомнительно, что даже к 2010 году Баку удастся достичь уровня нефтедобычи, удовлетворяющего все запросы его партнеров.

- Транзит центральноазиатских энергоресурсов столкнется с политическими и экономическими препятствиями, самым значительным из которых будет необходимость расширения экспорта казахской нефти в Китай. Только после 2010 года у Казахстана появятся ресурсы для направления их в Джейхан. Планы по созданию там региональной энергетической биржи, обслуживающей производителей Каспийского региона, едва ли осуществляются в течение десяти лет.
- Подъем Казахстана связан с опережающим развитием энергетического сектора. Открывающиеся транспортные возможности для поставки нефти в Китай способны отчасти составить конкуренцию российскому проекту строительства нефтепровода из Восточной Сибири в КНР. Хотя статус Каспия не определен, в начале следующего десятилетия Казахстан может вернуться к идее строительства газопровода в Азербайджан по дну Каспийского моря. К 2017 году вероятно сооружение газопровода из Казахстана в Китай, который будет проложен по южной границе республики для подключения к экспортной магистрали газотранспортных сетей Туркмении и Узбекистана.

В военно-политическом отношении страны постсоветского пространства не являются самостоятельными игроками и остаются объектами политики великих держав (России, США, КНР) или региональных организаций (НАТО, ШОС). Исключением отчасти является Казахстан и по иным, очевидно, временным, причинам Белоруссия.

- Перспективы ОДКБ не ясны. Вместо того чтобы «прикрывать» южные рубежи России от очагов политической дестабилизации, участие в договоре способно втянуть Москву в региональные и внутригосударственные конфликты. Это может вынудить РФ к односторонним действиям, при которых опора на структуру ОДКБ будет носить лишь формальный характер.
- В рамках ШОС достигнут текущий стратегический компромисс между политикой России и КНР на постсоветском пространстве, при этом в проекте уже просматривается антиамериканский компонент. Благодаря ШОС Китай официально

присутствует в Центральной Азии и в ближайшие годы будет активно расширять свое влияние.

- Международный терроризм, основным источником которого выступает Афганистан, усиливает давление на прилегающие страны, в первую очередь на Узбекистан. Кризис в Узбекистане способен оказать мощное дестабилизирующее воздействие не только на Центральную Азию, но и на все постсоветское пространство.
- США и НАТО опираясь на плацдармы в Грузии, отчасти в Азербайджане, Украине и Молдавии продолжают укреплять свое влияние. Правящие режимы Центральной Азии попытаются и дальше маневрировать между Москвой, Пекином и Вашингтоном, последний, правда, в ближайшие 5–6 лет будет в основном сконцентрирован на решении иракской и иранской проблем.
- Продолжатся усилия по втягиванию стран европейской части постсоветского пространства в сферу влияния НАТО. Присоединение Украины к Плану действий относительно членства, как первому этапу вхождения в альянс, вероятно после 2008 года. В этом случае через 2–4 года встанет вопрос о членстве, но вступление Украины в НАТО возможно предотвратить.
- Закавказье является мировым лидером по милитаризации – за 2005 год рост военных расходов в Армении составил свыше 20 %, в Азербайджане – 51 %, в Грузии – 137 %. Модернизируя свои вооруженные силы, страны готовятся к конфликтам на своей и соседней территориях. В Закавказье трудно избежать появления очагов военного противостояния.
- И Россия, и НАТО уже сейчас уделяют основное внимание Азербайджану, который представляет собой геополитическую «щель» между Россией и Ираном, через которую энергоносители могут транспортироваться на Запад. Конкуренция за влияние на Баку будет определять военно-стратегическую обстановку в Закавказье.
- Появление полноценной программы сотрудничества и сближения США и НАТО с Азербайджаном маловероятно, скорее Баку предложат разного рода «партнерства». Инфраструктура блока будет между тем создаваться в Грузии, что обеспечит

Тбилиси роль опорной точки, склада и госпиталя НАТО в крайне нестабильном регионе Евразии. При этом членство Грузии в альянсе не гарантировано, поскольку ему препятствуют нестабильность на границах, нерешенные вопросы территориальной целостности и низкая внутренняя управляемость.

Реальные интеграционные процессы, опирающиеся на внутренние ресурсы и объективные обстоятельства, на постсоветском пространстве отсутствуют, и в обозримый период будут преобладать двусторонние связи.

- Создание зоны свободной торговли как первого этапа структурной экономической интеграции в ближайшие пять лет теоретически возможно только между Россией и Казахстаном. Но поскольку границы между Казахстаном, Китаем и странами Центральной Азии, по сути, прозрачны, воплощение этой идеи в жизнь под вопросом. Предпосылки для общего рынка, экономического, а также валютного союза (следующие этапы экономической интеграции) не созданы, а в близкой перспективе исчезнут даже начальные условия для старта данных процессов.
- СНГ постепенно потеряет последние административные функции и скорее всего не сохранится в нынешнем виде. Сохранятся, однако, консультативные структуры, а также жизнеспособные органы, наделенные функциями координации национальных систем управления воздушным, железнодорожным, возможно морским транспортом. Не исключено появление структур, связанных с координацией национальных трубопроводных систем. Останется интерес к взаимной защите воздушного пространства.
- Российско-белорусский проект при нынешнем руководстве Белоруссии не выйдет из стадии стагнации. Вялотекущий кризис, связанный с потерей доверия между партнерами, способен, как показали события начала 2007 г., быстро перерасти в острейший конфликт. Это подталкивает деградацию интеграционного проекта. Ликвидация энергетических льгот со стороны России неизбежно приведет сначала к замаскированному, а затем публичному (скандальному) демонтажу Союзного государства. Вернуться к российско-белорусскому интеграционному проекту Москва может после заверше-

ния строительства газопровода «Северный поток» (2010 г.) и смены администрации в Минске.

- Начало диалога о создании зоны свободной торговли Украины с Европейским союзом, который станет возможным после вступления Киева в ВТО, фактически ставит крест на участии Украины в ЕЭП, но вступление Украины в ЕС исключено на длительную перспективу.

Эволюция постсоветского пространства в период 2007 – 2017 годов

Будущее стран региона во многом зависит от сценариев развития отношений России с Евросоюзом, США и Китаем, а также от того, начнется ли в самой России политическая и экономическая модернизация.

- Элиты государств европейской части постсоветского пространства продолжают попытки войти в сферу политического и экономического влияния ЕС и НАТО. Экономические, трудовые, транзитные ресурсы этих стран станут предметом острой конкурентной борьбы между Европейским союзом и Россией. Запад будет активно поддерживать усилия национальных элит по противодействию российской экономической экспансии, использовать информационные и иные ресурсы против попыток Москвы укрепить влияние в Белоруссии и Украине.
- Украина сохранится в нынешних границах, оставаясь политически рыхлым государством с неустойчивым конституционным строем. Страна будет погружена во внутренние проблемы, интерес к ней со стороны Евросоюза снизится. Чтобы поддерживать интерес западных держав и организаций, политические круги Украины периодически будут прибегать к обострению отношений с Москвой. Не исключено, что итогом жесткой политической борьбы с участием внешних сил станет вступление Украины в НАТО, что не избавит страну от угрозы вялотекущих конфликтов на ее территории, но создаст дугу нестабильности и конфликтов вдоль границы с Россией.
- Белоруссия постепенно становится предметом торга между Россией, с одной стороны, и США и ЕС – с другой. Если Мо-

сква пойдет на принятие ряда политических и экономических мер в отношении Минска, то Белоруссия может стать лояльным России транзитным коридором, форпостом российской экономической экспансии в Польшу и Балтию, примером энергетической интеграции на постсоветском пространстве.

- Молдавия весьма вероятно вступит в группу распадающихся государственных образований, неуклонно превращаясь в объект конфликта по разделу «наследства» между Украиной и Румынией.
- Закавказье, несмотря на массивное содействие США и участие ЕС, так и не станет полноценным энергокоридором, который соединил бы Каспийский регион и Центральную Азию с западными потребителями.
- Деградация Киргизии и Таджикистана может вступить в завершающую стадию, даже несмотря на то, что территории данных стран служат военно-стратегическими плацдармами для России и США.
- Лидером трансформации региона останется Казахстан, где продолжится политическая модернизация с целью закрепить власть в руках тщательно отсортированного политического класса. На развитие Казахстана может негативно повлиять возможная политическая дестабилизация Узбекистана.
- Нынешняя политическая элита в Ташкенте не в силах предложить новые варианты социально-экономической и политической стратегии, у страны нет финансовых возможностей для снижения социальной напряженности. Угроза политической дестабилизации будет возрастать, что помимо неминуемой исламизации конфликта вызовет массовую миграцию. Потоки переселенцев способны подорвать государственные институты в Киргизии и дестабилизировать ситуацию в Казахстане.
- Кризисные явления будут нарастать в Туркмении. Постниязовский режим столкнется с проблемой роста вмешательства внешних сил (Китай, США, РФ), а также будет подвержен воздействию происходящего в прилежащих странах – Узбекистане, Иране, Афганистане.

Роль России на постсоветском пространстве

В период до 2017 г. политика России в отношении стран постсоветского пространства претерпит существенные и глубокие изменения. Они станут ответом на постепенное снижение значения данного региона для Москвы, приведут к регионализации российской политики, усилению специфики отношений с отдельными странами-соседями и радикальному изменению российских приоритетов. Чтобы успешно защищать и продвигать свои интересы, России придется искать баланс между необходимостью сохранить влияние на политическую и экономическую ситуацию в соседних странах, с одной стороны, и объемом ресурсов, которые Москва готова на это направить – с другой.

Несмотря на общую тенденцию к снижению экономической, за исключением энергетики, роли постсоветского пространства, ряд факторов, делающих самоустранение России невозможным, сохранится и в ближайшее десятилетие:

- постсоветское пространство останется ареной конкуренции за энергетические коммуникации и месторождения, стратегически выгодные территории и плацдармы, ликвидные производственные активы;
- постсоветское пространство останется одним из немногих регионов, куда идет постоянный поток российских инвестиций¹. Соответственно будет нарастать как проблема их защиты, так и конкуренция с западным и китайским капиталом;
- противодействие деятельности российских компаний будет расти, обострится конкурентная борьба за традиционный для отечественной обрабатывающей промышленности, включая машиностроение, рынок. Уже сейчас на постсоветском пространстве не осталось государств, во внешнеэкономических связях которых доминировала бы Россия;
- политические и экономические действия России в регионе будут нередко встречать жесткое противодействие. По образцу российско-грузинского кризиса 2006 г., Москву могут периоди-

¹ В Украину, Казахстан, Азербайджан, Киргизию и т. д. с 2000 г. вложено более 45 млрд. долларов.

чески втягивать в двусторонние и региональные кризисы, сознательно ограничивая ее политический и экономический потенциал в регионе.

В период 2007–2017 гг. Россия сохранит в отношении стран региона ряд стратегических преимуществ:

- Россия – важнейший, хотя и не единственный рынок для экспорта из стран постсоветского пространства;
- Российский рынок рабочей силы предоставляет возможность заработка миллионам трудовых мигрантов, выступая источником существования их семей в странах проживания;
- Российские вооруженные силы не имеют конкурентов на территории бывшего СССР. Хотя в настоящее время Москва не может самостоятельно обеспечить безопасность на постсоветском пространстве, степень ее участия в региональных процессах останется высокой и, зачастую, решающей.
- Международные позиции России, статус постоянного члена Совета Безопасности ООН не позволят игнорировать мнение российского руководства ни по одной из постсоветских проблем.

При этом существует ряд проблем сохранения и расширения политического и экономического влияния России на постсоветском пространстве:

- Россия пока не выработала привлекательную идеологическую и политико-экономическую модель, которая могла бы конкурировать с западной моделью и противостоять втягиванию европейской части постсоветского пространства в «политическое пограничье» ЕС.
- Динамика трансформации и модернизации российской экономики отстает от темпов роста конкуренции на рынках региона.
- Необходимость искать ответы на глобальные вызовы со стороны Евросоюза, Соединенных Штатов, стран АТР заставит Россию проводить избирательную политику. Внимание будет сфокусировано на отдельных геополитических направлениях и группах стран, стратегически важных для достижения военно-стратегических, экономических и политических целей РФ в Евразии.

Изменения, происходящие на постсоветском пространстве, делают необходимой скорейшую выработку стратегий поведения в отношении как регионов постсоветского пространства, так и отдельных стран.

- Нет оснований надеяться, что Украина станет в обозримой перспективе стратегическим союзником России. Киев обречен участвовать в двух геополитических проектах одновременно – российском и антироссийском. В отношениях с Украиной России придется все больше опираться на формат стандартных межгосударственных отношений.
- В среднесрочной перспективе проблема транзита российских углеводородов по украинской территории не получит политического решения. При определенных условиях оператором транзита энергоресурсов через Украину может стать Европейский союз. России придется в течение ближайших десяти лет принять реальные меры по ликвидации транзитной зависимости от Киева и Минска, что предусматривает строительство обходных трубопроводов и заводов СПГ.
- К концу рассматриваемого периода при благоприятном развитии событий начнется формирование договороспособной украинской национальной элиты, что позволит приступить к выработке стабильной российской стратегии в отношении Украины.
- Белорусская проблема приобретет для России стратегический характер. Низкая договороспособность Минска не позволяет сделать Белоруссию стратегическим плацдармом для прорыва в Центральную Европу. Белоруссия, контролируемая Александром Лукашенко, втягиваясь в политику лавирования между Евросоюзом и Россией, будет и дальше идти по пути консервации политической системы и административной экономической модели. Если Москва не выработает в отношении Минска тщательно продуманной стратегии, Белоруссия с задержкой на три – шесть лет повторит украинский сценарий.
- Российская политика в Закавказье будет постепенно фокусироваться на Азербайджане. Баку соседствует с потенциально нестабильным регионом расширенного Ближнего Востока, в особенности взрывоопасна ситуация вокруг Ирана. Это заставит Азербайджан искать баланс отношений с Москвой и Вашингтоном.

- Стремление правящих кругов Казахстана и Центральной Азии выбрать в качестве геополитических ориентиров структуры ЕврАзЭС и ШОС позволяет надеяться, что Россия не столкнется с массивированным «выдавливанием» из региона.
- Астана может в перспективе превратиться в региональный центр политического влияния. Москве придется искать формулу поддержки светских режимов южнее Казахстана, а также быть готовой предоставить гарантии безопасности Астане в случае дестабилизации ситуации к югу от казахстанских границ.
- Используя базы в Таджикистане и Киргизии, Россия останется важнейшим элементом обеспечения безопасности Центральной Азии. Это не исключает возникновения проблем с руководством данных государств по вопросу российского военного присутствия.
- В сфере транспортировки центральноазиатских энергоносителей на мировые рынки неизбежна конкуренция между российскими и казахстанскими компаниями, но возможно и создание совместных предприятий.
- В случае неконтролируемого распространения ядерного оружия в странах Ближнего и Среднего Востока, России, возможно, придется в одиночку или в партнерстве с другими ядерными державами решать проблему предоставления ядерных гарантий Центральной Азии и Казахстану.
- Геополитические конкуренты России скорее всего активизируют попытки навязать Москве роль исключительно региональной державы, замкнувшейся в рамках постсоветского пространства. Россия не должна этого допустить.

Заключение

Бывший СССР как объект общего анализа – уходящая реальность. Совокупность стран, объединенных историческим наследием, экономическими связями и типом политической системы, достаточно быстро перестает существовать в качестве отдельного целостного региона. Развивая собственные внешнеэкономические связи и выстраивая систему тактических или долгосрочных союзов на международной арене, новые независимые государства уже действуют в

рамках геополитических и геоэкономических регионов, центры которых расположены за пределами границ, и даже зон влияния Советского Союза.

Судьба большинства стран находится в руках глобальных игроков, а сам вопрос о способности многих из постсоветских территорий превратиться в действительно суверенные национальные государства пока открыт. Однако властные элиты уже научились использовать бывший союзный Центр – российский фактор – как инструмент в собственной борьбе за выживание и доступ к материальным ресурсам. Хотя результаты этой борьбы для самих народов уже сейчас зависят от общемировой политической и экономической, преимущественно в области энергетики, конъюнктуры.

По мере «самоопределения» разных стран совокупность постсоветских государств исчезает как целостный объект российской политики. Это не означает добровольного «ухода», он невозможен в силу необходимости обеспечивать интересы национальной безопасности. Кроме того, российское присутствие в большинстве постсоветских стран очень важно с точки зрения экономических интересов и наполнения бюджета РФ. Тем более что конкуренция с другими заинтересованными игроками растет. По-прежнему сильны и культурные связи, хотя с ходом времени они будут ослабевать.

Вместе с тем Москва уже не рассматривает бывшие союзные республики в качестве безусловного приоритета, особые отношения с которыми нужно поддерживать скрытым субсидированием их экономик. Россия пытается переходить с постсоветскими странами на модель более традиционных межгосударственных отношений, в которых используется инструментарий из кнута и пряника, а приоритетами российской политики становятся другие страны и регионы мира.

В целом территории, прилегающие к границам России, становятся площадкой все более активной игры с участием различных сил. В результате растут издержки, связанные с переходом от многосторонней дипломатии прошлого к эффективным двусторонним отношениям завтрашнего дня. В ближайшие 10 лет Москве предстоит научиться минимизировать эти издержки, а также выработать целостную стратегию достижения своих целей.

5 УГРОЗЫ И ВОЗМОЖНОСТИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Введение

Значение Ближнего Востока для мировой стабильности обусловлено не только тем, что данный регион является одной из важнейших ресурсных «кладовых» развитых индустриальных держав. Именно оттуда исходит значительное количество современных угроз – экспорт исламского фундаментализма и терроризма, наркотрафик, распространение ОМУ. Некоторые государства Ближнего Востока находятся либо в стадии распада (например, Ирак или Афганистан), либо близки к серьезному гражданскому конфликту (Пакистан, Ливан). Даже там, где внутриполитическое положение относительно стабильно, вызревают этно-конфессиональные противоречия, в перспективе грозящие привести к мощному социальному взрыву (Сирия, и, с некоторыми оговорками, Иран).

Для России политическая ситуация на Ближнем Востоке имеет принципиальное значение в связи с тем, что она (наряду с увеличением спроса на энергоносители в США, Индии и КНР) является ключевым фактором, влияющим на динамику цен на нефть. Начало нынешнего ажиотажа на нефтяном рынке пришлось на 2000 г., когда после визита Ариэля Шарона на Храмовую гору в Палестине началась вторая интифада, а значительный рывок цены на нефть сделали в 2003 г. после начала Соединенными Штатами военных действий в Ираке.

В начале 2000-х Россия несколько активизировала свою ближневосточную политику. В частности, Москва попыталась, во-первых, реанимировать свою роль в арабо-израильском урегулировании, а, во-вторых, отстаивать национальные интересы в Ираке и Иране. Однако

Основной автор главы – эксперт ЗАО «Бюро социально-экономической информации» **С.В. Демиденко**

отдельные инициативы российского руководства не носили системного характера, что свидетельствовало об отсутствии полноценной ближневосточной стратегии.

Недостаточное внимание к ближневосточной проблематике может обернуться к 2017 г. серьезными политическими и экономическими потерями. В частности, Москва может быть окончательно оттеснена от перспективных энергетических рынков, лишится возможности выгодного участия в разделе «иракского наследства»¹ и утратит возможность противодействовать угрозам для ее южных рубежей, исходящим из региона.

Региональная обстановка

В настоящий момент ситуация на Ближнем Востоке остается крайне напряженной. Регион раздирают конфликты – арабо-израильское противостояние, войны в Ираке и Афганистане, курдский вопрос. На субконтиненте есть несколько потенциальных конфликтных зон, где в любой момент может вспыхнуть острый внутривнутриполитический кризис. В первую очередь опасения вызывает Пакистан, где этно-конфессиональный баланс настолько хрупок, что статус-кво удерживается исключительно за счет умения президента Мушаррафа лавировать между основными силами и обеспечивать собственное политическое выживание. Достаточно острые внутривнутриполитические противоречия наблюдаются в Иране (арабские волнения в Хузестане (2005) и волнения азербайджанцев (2006), нестабильность в иранской части Курдистана, Систане и Белуджистане), Саудовской Аравии, Ливане, Турции. В перспективе ситуация в каждой из стран может также серьезно ухудшиться и даже скатиться к гражданской войне.

На обстановку влияют следующие факторы:

Общий социально-экономический кризис. Большинство стран региона испытывают серьезные трудности, некоторые уже фактически перестали существовать как единое целое (Ирак, Афганистан). Положительную динамику экономического развития демонстрирует лишь Иран, но множество существующих там внутривнутриполитических проблем могут при неграмотном руководстве или в случае внешнего воздействия привести к социальному взрыву. Кризис име-

¹ По большинству оценок США уйдут или практически уйдут из Ирака в течение ближайших 2–4 лет (с возможным оставлением контингента на севере в Курдистане).

ет глубокие социально-экономические, религиозные корни и едва ли преодолим. Неразвитость большинства ближневосточных государств обусловлена и тем, что элиты сидят на «нефтяной игле», извлекая сверхприбыли, а также отчасти их колониальным прошлым.

Кризисным явлениям способствует и серьезная раздробленность исламского мира, который разделен по конфессиональному (сунниты – шииты), национальному (персы – арабы) и политическому признакам (например, некоторые арабские страны заключили мирный договор с Израилем, другие же в принципе отказываются признавать еврейское государство).

Внешняя политика США. С приходом к власти неоконсервативной администрации Джорджа Буша-младшего ситуация на Ближнем Востоке резко обострилась. Вашингтон решил пойти на насильственную демократическую модернизацию режимов, чтобы обеспечить свои долгосрочные стратегические интересы. К ним, в частности, относится приобретение контроля над энергетическим потенциалом региона и его стабилизация, затруднение доступа Китая к ресурсам и ограничение возможностей Пекина, нивелирование угроз, исходящих с Ближнего Востока. 11 сентября 2001 г. США фактически получили «моральный мандат» на силовые акции. Несколько позже Белый дом выдвинул план модернизации расширенного Ближнего Востока (который разрабатывался и при предыдущей администрации). Его суть заключается в распространении демократии и либеральных ценностей. К настоящему моменту все очевиднее тот факт, что американская линия себя дискредитировала, оказалась контрпродуктивной, и Вашингтон фактически терпит здесь стратегическое поражение.

Исламский радикализм. Рост популярности исламистских идей – следствие системного социально-экономического и политического кризиса. Религиозность является для населения формой духовной оппозиции власти или стоящим за спиной этой власти «колонизаторам» (реальным или мнимым). Активизация американской политики приводит к сращиванию экстремистских организаций с центральной властью (Палестина, Ливан, Ирак), экстремисты таким образом легитимируются и становятся частью официального сопротивления «христианско-иудейской экспансии». Региональные оппоненты Вашингтона – Иран, Сирия – всячески используют активность исламских радикалов в своих интересах. Активно поддерживает радикальные исламские организации и Саудовская Аравия, которая является, по некоторым данным, основным спонсором исламистов.

«**Веймарский синдром**». В регионе набирает силу ощущение проигрыша цивилизациям, которые более успешно приспосабливаются к конкуренции в новом глобальном мире, несправедливости политики внешнего мира, особенно Запада. На этих чувствах играют местные элиты, не желающие идти на системные реформы. Этот синдром постепенно приобретает агрессивный характер. Отсюда – яростный скоординированный нажим в эпизодах с карикатурами на пророка Мохаммеда или с не вполне выверенными словами папы Бенедикта. При этом в самом исламском мире антииудейская и антихристианская пропаганда находится на подъеме и является чуть ли не повсеместной.

Наступательное поведение США сочетается с **политикой умиротворения**, которую проводит западный мир в целом. Эта комбинация – худший из возможных вариантов, он способен довести до «войны цивилизаций» уже в ближайшее десятилетие.

Влияние Китая. С развитием китайской экономики значительно возросли потребности Пекина в энергоносителях, которые он пытается удовлетворять за счет расширения своего присутствия в ТЭК ближневосточных и центральноазиатских государств. Особенное внимание КНР уделяет Ирану, Тегеран же видит в Китае противовес США. Американо-китайское противостояние в возрастающей степени будет влиять на Ближний Восток.

Высокий авторитет националистически настроенных военных, которые в ряде стран вполне могут составить конкуренцию исламистам в борьбе за власть. Военные удерживают прочные позиции в Турции, Иране, Сирии и Пакистане, регулярно делегируя своих представителей в высшие органы власти. Особенно острая борьба между исламистами и милитаристами идет в Турции, где умеренным исламистам удалось несколько потеснить генералов, но военные готовы взять реванш. В некоторых странах именно генералы могли бы стать своеобразными союзниками США в их борьбе за «демократизацию». Нежелание Вашингтона сделать в Ираке ставку на военных (ропуск саддамовской армии и полная «дебаасизация») привело к их «расползанию» по разным политическим лагерям. Позже американцы попытались исправить эту ошибку, но в стране уже начиналась религиозная война и развернулась война гражданская.

Дестабилизирующие факторы преобладают на Ближнем Востоке над стабилизирующими. К 2017 г. эти процессы усилятся или, по

крайней мере, не ослабнут. Регион останется ареной борьбы развитых стран за господство над запасами углеводородов, и региональных держав за доминирующее положение. Социально-экономическая деградация затронет большинства государств региона.

Политическое лицо региона во многом определяет арабо-израильский конфликт. При этом разрешить его до 2017 г., скорее всего, не удастся, если великие державы не создадут мощный пул по навязыванию мира (но этот вариант маловероятен). Израиль стремительно теряет поддержку в Европе. Все большая часть населения Старого Света воспринимает его как агрессивное государство и основную угрозу для стабильности на Ближнем Востоке. В глазах части европейцев еврейское государство теряет свою легитимность, основанную на холокосте. Изменение отношения к Израилю, видимо, связано с увеличением притока на Запад мигрантов из арабских и других стран мусульманского мира.

Отличительной особенностью ситуации на Ближнем Востоке является военно-политическая слабость региональных держав. Сильной и боеспособной армией располагает лишь Израиль. Определенную конкуренцию ему могут составить Иран и Турция. При этом не сформировано военно-политических союзов. Существует лишь ось Вашингтон – Тель-Авив – Анкара, противоречия внутри которой все более ощутимы (так, Турция активно сотрудничает с основным региональным противником США и Израиля – Ираном).

В регионе нет ярко выраженного лидера или государства, способного им стать. На первенство в арабском мире претендуют сразу три страны – Саудовская Аравия, Египет и Сирия, но ни одна из них не может добиться решающего влияния в Лиге арабских государств (ЛАГ). Государством, наиболее мощным в политическом и военном отношении, является шиитский Иран, но в силу конфессиональных и этнических особенностей у него нет лидерской перспективы.

Большинство политических элит (особенно, в арабских странах) с недоверием, а иногда и открытой враждебностью воспринимают успехи персидского Ирана и его региональных союзников. Показательна ситуация, сложившаяся в арабском мире летом 2006 г. во время войны в Ливане. Практически никто из ведущих арабских держав, за исключением Сирии, не поддержал ливанских шиитов, а Эр-Рияд вообще возложил ответственность за развязывание военных действий на «безответственные элементы» в Ливане. Соперничест-

во «всех против всех» мешает эффективной работе большинства региональных международных организаций – ЛАГ, Совета сотрудничества государств Персидского залива, Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Экономический потенциал Ближнего Востока зависит от нефти, и это сохранится, пока Запад заинтересован в поставках энергоносителей. На этом фоне нарастает отсталость большинства ближневосточных государств. Попытки создать собственную высокотехнологичную промышленность предпринимают лишь Израиль (при поддержке США) и Иран. Все остальные государства, помимо ТЭК, развивают только туристический бизнес. Отсталой является и система образования, что предопределяет нарастающее отставание региона от развитых держав, стран Восточной и Южной Азии и даже Латинской Америки.

Развитие ситуации к 2017 году

Факт банкротства ближневосточной стратегии Белого дома все более очевиден. Новая американская администрация, которая придет к власти в 2008 г., вернется к челночной дипломатии и откажется на Ближнем Востоке от масштабного применения военной силы. Хотя отдельные попытки (например, бомбардировку Ирана) исключать пока нельзя, их вероятность уменьшается. США грозят постиракский синдром, и они могут попытаться продемонстрировать силу, дабы опровергнуть повсеместно растущее представление о том, что в результате иракского фиаско они превращаются в «бумажного тигра».

В ближайшие десять лет на Ближнем Востоке продолжатся дестабилизационные процессы. Будет расти популярность радикальных исламских партий и движений. Значительный политический вес наберут военные. В то же время многое в регионе будет зависеть от внешних факторов, от той политики, которую будут проводить здесь Соединенные Штаты, КНР, Европейский союз и Россия. В частности, большинство региональных конфликтов так или иначе будут связаны с интересами ведущих мировых держав, которые стремятся к контролю над ресурсным потенциалом Ближнего Востока.

Некоторые страны региона к 2017 г., скорее всего, прекратят свое существование как самостоятельные политические единицы. Речь идет об Ираке и Афганистане, ситуацию в которых не исправят ни-

какие усилия США и ООН. Пока единственным стабилизирующим фактором там является присутствие значительного контингента иностранных войск. Активизация сопротивления местных радикалов приведет к тому, что США и их союзники вынуждены будут покинуть и Ирак (в ближайшие годы), и Афганистан, где начнутся полномасштабные гражданские войны. Наиболее вероятным исходом войны в Ираке станет его расчленение на курдский север, шиитский юг и суннитский центр. На «обломках» Афганистана образуется несколько квазигосударств – пуштунское с консервативным исламистским режимом суннитского толка и таджикско-узбекское, патронируемое Соединенными Штатами. Не исключено также образование государства хазарейцев-шиитов, которое попадет под влияние Тегерана.

Возможный развал Ирака повышает вероятность возникновения на территории его северных провинций самостоятельного курдского государства со столицей либо в Эрбиле, либо в Сулеймании. Под контроль курдов могут попасть нефтеносные районы Киркука и город Мосул. По всей видимости, курдское государство попадет под частичный американский контроль.

Создание государства иракских курдов не будет способствовать полноценному решению курдского вопроса в масштабах региона (в частности, оно не сможет принять всех желающих получить гражданство). В этих условиях курды Турции, Сирии и Ирана, вдохновленные примером иракских соплеменников, могут серьезно активизировать сепаратистскую деятельность.

Арабо-израильский конфликт. Развитие ситуации здесь во многом будет зависеть от позиции Вашингтона. Наиболее вероятен сценарий, при котором Белый дом отойдет от навязывания арабам «демократических конструкций» и попытается вернуться к политике членочной дипломатии. Возможно, что к 2017 г. США добьются на арабо-израильском направлении некоторых успехов, однако сначала новой администрации придется заняться разгребанием оставшихся после Буша «завалов» и улучшением отношения к Америке в арабском мире. Вашингтону придется отказаться от роли «хозяина» ближневосточного региона и подключать к процессу стабилизации ситуации ООН, Евросоюз и, возможно, Россию.

Снизив давление на Сирию и Палестину, подключив к мирному диалогу умеренную часть руководства ХАМАС, можно было бы возобно-

вить арабо-израильский диалог. Переговорный процесс даст Вашингтону возможность превратить ХАМАС к началу следующего десятилетия в ФАТХ образца середины 80-х гг. прошлого века, когда организация Арафата отказалась от террористической деятельности. Подобные действия, конечно, не устраняют террористической угрозы полностью (найти решение вопросов статуса Иерусалима и возвращения беженцев, скорее всего, не удастся и к 2017 г.), они могут до определенной степени ее снизить. Все вышесказанное говорит о том, что в ближайшие десять лет Палестина не обретет государственный суверенитет. Вероятен и раскол ХАМАС с отходом от него наиболее радикальной части.

В самом Израиле возобновление мирного диалога усилит позиции умеренных партий («Авода», «Мерец» и т. д.) и примиренческие настроения среди молодежи. Одновременно может углубиться конфликт между умеренными общественными силами и консерваторами. Требование умеренных снизить влияние религии на общественную жизнь чревато еще одним социальным конфликтом. То есть ослабление арабской угрозы негативно скажется на внутривнутриполитической ситуации в Израиле. Еврейское государство ждет значительные социальные потрясения, которые, тем не менее, не скажутся на его территориальной целостности. Угрозы существованию Израиля сохраняются, и даже могут нарастать, но за пределами прогнозируемого десятилетия.

Если будет ослаблено давление на Сирию, то президент Башар Асад получит дополнительные возможности для проведения рыночных реформ и укрепления позиций технократов в ущерб националистам и военным. Это откроет дорогу для возобновления мирных переговоров между Сирией и Израилем с целью окончательного решения проблемы Голанских высот. При таком развитии политических событий нельзя исключать возможность государственного переворота или убийства умеренного лидера исламистами (как в свое время в Египте). В Сирии развернется борьба за власть, а наиболее вероятным преемником Асада станет кто-либо из высшего руководства партии «Баас», скорее всего, военный.

Конфликт между Ираном и США в период до 2017 г. будет, скорее всего, находиться в тлеющем состоянии. В Вашингтоне вряд ли решатся на полномасштабную военную операцию по смене режима в Тегеране, тем более если гражданская война разразится в Ираке и Афганистане. Но Белый дом не смирится с укреплением иранских

позиций в глобальном масштабе, и холодная война между двумя странами продолжится. Ставку США, скорее всего, сделают на экономическое и культурное проникновение в Иран, расшатывание клерикального режима изнутри. Чтобы противостоять наступлению «западной культуры», шиитскому духовенству придется либо цепляться за традиционные исламские ценности, либо реформировать страну «сверху». Более продуктивен второй путь, по нему скорее всего и пойдет новое поколение иранских политиков, которое придет к власти в ближайшие 10 лет. Большинство из авторитетных ныне аятолл к 2017 г. сойдут со сцены, что ослабит клерикальный режим и обострит соперничество в правящей верхушке между консерваторами, реформаторами и прагматиками.

К 2017 г. клерикальный режим утратит ряд позиций, пошатнется и его монополия на власть. Возрастет роль светских политических деятелей, имеющих опору в бизнесе, Корпусе стражей исламской революции (КСИР) и среди народного ополчения («басиджи»). Самым ярким представителем данного политического типа является нынешний президент Исламской Республики Иран Махмуд Ахмадинежад. Уже в ближайшие годы он может выйти из-под контроля слабейших аятолл, став самостоятельной, популярной в народе политической фигурой.

Будущее Ирана зависит от успешности реформ. С одной стороны, Тегеран демонстрирует устойчивый экономический рост, справился с демографическим кризисом, а с другой – не решил ряд серьезных этнических и социальных проблем. Неосторожные действия иранского руководства могут спровоцировать серьезный внутриполитический кризис, который ослабит позиции ИРИ в региональном масштабе. Особо остро стоит национальный вопрос. Например, беспорядки в арабском Хузестане могут нанести серьезный ущерб экономике ИРИ, поскольку именно там находятся основные запасы иранских углеводородов. Внутриполитический кризис в Иране превратит его в арену борьбы между США и Китаем, и, как результат – в типичную полуколонию.

Умелое же руководство может вывести страну на лидирующие позиции, при этом особо сильным иранское влияние будет в Центральной Азии и Каспийском регионе. Также Тегеран получит под свой практически полный контроль шиитскую часть Ирака и, возможно, хазарейские районы Афганистана.

Позиция Ирана в арабо-израильском урегулировании будет зависеть от ближневосточной политики Соединенных Штатов. В случае ослабления давления Тегеран, скорее всего, снизит уровень поддержки ливанским и палестинским радикалам, что приведет к некоторому спаду напряженности между Израилем и его ближайшими соседями.

В ближайшие десять лет серьезные потрясения переживет Ливан, который останется ареной борьбы между США и Ираном за региональное влияние. Тегеран будет поддерживать радикальные шиитские организации, а Вашингтон – «либералов», последователей покойного премьер-министра Рафика Харири. Шиитско-маронитский альянс в Ливане достаточно хрупок, «Хезболла» и «Амаль» могут скоро остаться в политическом меньшинстве. Это толкнет шиитов к изоляции, в южных районах страны появится некое подобие шиитского государства. Крайне остро будет стоять проблема палестинских беженцев, которые представляют собой весьма взрывоопасный в социальном отношении и никому не подконтрольный элемент. В условиях роста внутривосточных противоречий действия палестинцев вполне могут привести Ливан к новой гражданской войне.

К 2017 г. может несколько измениться политический статус Эр-Рияда. С одной стороны, Саудовская Аравия по-прежнему останется ведущей нефтедобывающей державой. С другой, внутривосточная обстановка может серьезно осложниться в связи с обострением борьбы за королевский трон. Королю Абдалле за 80 лет, долго у власти он не пробудет. Кроме того, он приходился покойному королю Фахду сводным братом и вынужден противостоять клану Судейри, объединяющему родных братьев покойного короля. Пока Абдалла крепко держит бразды правления, но после его ухода ситуация может резко обостриться. У нынешнего короля пока нет преемника, поскольку он не имеет родных братьев.

Американские усилия по политической «модернизации» Саудовской Аравии не принесут ощутимых результатов. Саудовское общество останется достаточно консервативным, и в его жизни огромную роль продолжит играть религиозный фактор. Определенные влиятельные круги местной элиты и дальше будут поддерживать исламистские организации, действующие по всему миру.

Региональный статус Египта не изменится. Каир будет претендовать на роль одного из лидеров арабского мира, но конкурировать с Саудовской Аравией и Ираном за первенство он не сможет. Ситуа-

ция в стране будет, очевидно, деградировать в сторону дестабилизации и усиления радикальных исламистов.

Укрепление региональных позиций Тегерана приведет к обострению противоречий между ним и ведущими арабскими странами. Главными сферами ирано-арабского противостояния станут:

- борьба за влияние в Ираке и Афганистане. Иран будет стремиться к контролю над отколовшимися от этих стран шиитскими районами. Арабы же всячески провоцировать здесь нестабильность, чтобы не допустить усиления политических позиций шиитской конфессии в целом;
- энергетика. Арабские страны будут стремиться к вытеснению Ирана с мировых энергетических рынков, чтобы лишить его серьезного финансового рычага для воздействия на региональную обстановку.

В ближайшие десять лет основную угрозу для региональной, да и международной стабильности будет представлять Пакистан. Здесь, как и в Афганистане, чрезвычайно сильны позиции исламистов, но их влияние отчасти уравнивается военными, которые пока находятся у власти. К настоящему моменту оплотом исламистов («Талибан», «Аль-Каида») являются провинции Северный и Южный Вазиристан, практически не контролируемые Исламабадом.

Пока хрупкий этно-конфессиональный баланс поддерживается благодаря гибкому курсу президента Мушаррафа. Но в случае ухода последнего с политической сцены (вследствие, например, удачного покушения) страну ждут потрясения. Наиболее реальным сценарием развития ситуации в Пакистане к 2017 г. является новый государственный переворот (а, возможно, и не один), окончательная потеря Исламабадом контроля над Вазиристаном и новый виток напряженности в отношениях с Индией (Дели, скорее всего, усилит поддержку сепаратистам в Белуджистане). Способствовать развитию политической напряженности в Пакистане будут и действия США, которые крайне недовольны медлительностью Мушаррафа по развитию демократических институтов. Вашингтон может увеличить поддержку пакистанской оппозиции (особенно светской ее части – Беназир Бхутто, Наваз Шариф).

Все эти политические процессы приведут к появлению на территории Северного и Южного Вазиристана, а также Афганистана квази-государственного образования, полностью контролируемого исла-

мистами. Его внешнеполитический курс будет достаточно агрессивным, что серьезно усилит напряженность как на границах Ирана, так и в Центральной Азии, которая станет основным объектом экспорта «исламской революции». Стоит ожидать дальнейшего роста влияния таких организаций, как «Исламское движение Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»), «Хизб-ут-Тахрир», «Акромия» и т. д., которые активизируют борьбу против светских режимов. Оппозиционная деятельность исламистов может получить серьезную общественную поддержку в странах Центральной Азии, население которых увидит в них альтернативу коррумпированной и неэффективной власти местного чиновничества.

Вследствие возможного внутривнутриполитического кризиса в Пакистане ядерные технологии вполне могут оказаться в руках исламистов. Насколько известно, у США нет серьезных планов по захвату контроля над ядерным арсеналом Пакистана на случай развала страны или прихода к власти радикальных исламистов. Это многократно повысит уровень глобальной террористической опасности. Создать полноценное ядерное оружие исламистам вряд ли под силу, но произвести «грязную бомбу» для масштабного теракта в каком-нибудь крупном западном мегаполисе они вполне способны. Не исключен и захват собственно ядерного оружия. В этой ситуации качественно возрастает возможность использования ядерного оружия как террористами, так и внешними державами (США, Индия, возможно, другие), которые могут попытаться уничтожить ядерный потенциал Пакистана упреждающими ударами.

Хотя к 2017 г. позиции радикального ислама значительно укрепятся, никакого «халифата» на Ближнем Востоке создано не будет. Скорее, речь пойдет об углублении разобщенности мусульманского мира и расширении противоречий между суннитами, шиитами и другими исламскими конфессиями (друзы, алавиты, ваххабиты, суфии и т. д.) и усилении насилия, терроризма как внутри региона так и в прилегающих районах, в том числе и в России. Нарастание террористической угрозы весьма вероятно и после ухода США из Ирака, где сейчас сконцентрированы и множатся силы «террористического интернационала».

Роль Европейского союза на Ближнем Востоке вряд ли станет более заметной. Довольствуясь ролью финансового донора, ЕС не способен бросить хоть какой-то вызов почти полной монополии США на участие в решении ключевых политических вопросов. Из европейских стран наиболее активный внешнеполитический курс на Ближ-

нем Востоке будет проводить Франция, имеющая здесь серьезные финансово-экономические интересы, объектами политики Парижа будут Ливан, Сирия и Иран. Вероятной и крайне желательной является активизация в регионе России.

Без участия Москвы, в том числе в разделе «иракского наследия», без проникновения российских компаний в нефтегазовый сектор региона России вряд ли удастся удержать роль ведущей энергетической державы, на которой во многом зиждется ее геополитическое влияние. Наконец, Россия столкнется, скорее всего, с новой волной исламского терроризма, бороться с которым лучше на максимально дальних подступах и не в одиночку.

К 2017 г. значительно возрастет роль Индии, которая, как и Китай, будет проявлять повышенный интерес к энергетическим ресурсам региона. По всей видимости, Дели и дальше будет лоббировать идею поставок в Индию иранского газа. Однако в контексте возможного обострения ситуации в Пакистане все проекты прокладки в Индию трубопроводов с Ближнего Востока могут потерпеть фиаско.

Экономическое положение к 2017 г. стран Ближнего Востока мало изменится. Они останутся сырьевым придатком развитых держав, что будет способствовать еще большей консервации там отсталых государственных систем полуфеодалного толка.

Шансы разорвать зависимость экономики от поставок энергоносителей имеет лишь Иран, который прилагает усилия для развития высокотехнологичных и наукоемких отраслей. Однако его будущее напрямую зависит от политического курса, который выберет его руководство.

К 2017 г. весьма вероятно приобретение Ираном ядерного статуса. Удар США или Израиля лишь на несколько лет отодвигают эту перспективу, но зато вызовут масштабное возмущение в мире и консолидируют иранское общество вокруг более радикальных элементов. Вариант «большой сделки» все еще возможен, но упущено слишком много времени².

Если Тегеран получит ядерное оружие или даже будет близок к этому, весьма вероятно развертывание к концу десятилетия гонки ядерных вооружений. Наиболее вероятные кандидаты на участие в ней

² Под «большой сделкой» подразумевается отказ Ирана от производства ядерного оружия в обмен на снятие санкций, отказ от идеи смены режима и предоставление Тегерану статуса одного из уважаемых лидеров мирового сообщества.

– Саудовская Аравия, Египет, Турция. В мире возникнет кардинально иная стратегическая ситуация. (В дополнение к вероятному распространению ядерного оружия в Восточной Азии.) Перед Россией встанет необходимость скорректировать свою военную доктрину, в том числе в части применения ядерного оружия. Возможно, потребуются развертывание систем региональной ПРО (в старой терминологии ПРО не ТВД).

Фактор России

По мере расширения китайского влияния в ближневосточном регионе интерес к России здесь будет заметно снижаться. А если США ослабят давление на Иран и скорректируют свою региональную стратегию, на Ближнем Востоке серьезно активизируются американские и европейские энергетические концерны, которые начнут перехватывать у российских компаний контракты на разработку иранских нефтегазовых месторождений.

Вместе с тем по мере расширения влияния радикального ислама Россия будет представлять для правительств большинства государств Ближнего Востока интерес в качестве партнера в борьбе с террором. Не исключено, что к 2017 г. теснее станут контакты в области борьбы с терроризмом между Россией и Израилем, который является одной из основных целей исламистов.

Интерес к России как к поставщику вооружений будет оставаться достаточно высоким. Однако к 2017 г. Москве вряд ли удастся выйти на лидирующие позиции по поставкам вооружений и составить здесь серьезную конкуренцию Соединенным Штатам. Участие России в торговле оружием со странами Ближнего Востока во многом будет зависеть от позиций Вашингтона и Тель-Авива, которые вполне могут наложить санкции на российские предприятия, продукция которых якобы попадает в руки исламских радикалов.

Интерес к России как к партнеру в области «экономики знаний» будет планомерно снижаться. Многое здесь будет зависеть от внутренней политики самой России и ее способности возродить науку. Вполне вероятно, что некоторые ближневосточные государства проявят интерес к сотрудничеству с российскими нефтегазовыми компаниями. Но он будет носить точечный характер, поскольку к 2017 г. тон на рынке углеводородного сырья на Ближнем Востоке, скорее всего, будут задавать западные концерны.

Заключение

На фоне усилий России по превращению в глобального энергетического игрока усилится конкуренция между ней и нефтедобывающими монархиями Персидского залива, являющимися членами ОПЕК.

Принимая во внимание заинтересованность Европы в том, чтобы нарушить монополию России на поставки в Старый Свет нефти и газа, активизируются контакты между Европейским союзом и ближневосточными государствами. ЕС при участии нефтедобывающих монархий начнет разрабатывать проекты маршрутов поставок углеводородов в Европу в обход России. В случае ослабления международного давления на Иран и переориентации его внешнеполитической линии Тегеран также присоединится к некоторым из этих проектов (например, в газовой сфере).

Серьезной угрозой для России, исходящей с Ближнего Востока, станет распространение радикального ислама в регионах РФ с преимущественно мусульманским населением. Расширение поддержки исламистам спровоцирует очередной виток напряженности на Северном Кавказе. При наиболее неблагоприятном развитии событий Россия может оказаться мишенью для ядерного терроризма.

По-прежнему острой проблемой останется наркотрафик. Попадание Афганистана под контроль исламистов может несколько снизить данную угрозу. В период правления движения «Талибан» посевы опийного мака были намного меньше, чем в настоящий момент.

В сложившихся условиях крайне важно разработать долгосрочную внешнеполитическую стратегию, которая позволила бы России в ближайшие десять лет минимизировать вызовы, исходящие для нее с Ближнего Востока. Эта стратегия должна включать в себя развитие сотрудничества с Китаем по ближневосточной проблематике и реанимацию старых связей, наработанных еще со времен СССР. России целесообразно поддерживать ближневосточные инициативы США, которые не идут вразрез с ее национальными интересами. Но главное – необходимо резко активизировать усилия по проникновению на энергетические рынки региона. Без этого ее роль как великой энергетической державы обречена на деградацию уже в рассматриваемый период.

6 ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА НА ПОРОГЕ ПЕРЕМЕН

Введение

Во времена холодной войны Латинская Америка была одной из важнейших арен противостояния СССР и США, но после распада биполярной системы оказалась на периферии российской внешней политики. В большинстве стран региона, ориентировавшихся ранее на социалистическую модель развития, к власти демократическим путем пришли либерально ориентированные политические силы. В других государствах от власти добровольно или почти добровольно отказались спонсируемые Вашингтоном диктаторские режимы. В результате абсолютное большинство государств Латинской Америки устремилось по пути строительства либеральной рыночной экономики. Негативные социальные последствия этого привели к новой волне полевения в первой декаде XXI века.

Сейчас Латинская Америка вновь находится на этапе серьезных перемен, обусловленных, с одной стороны, отходом от прежних стандартов экономической политики и поведения на международной арене, с другой – перераспределением внешнего воздействия, которое расширяет поле маневра и принятия альтернативных решений. Новая ситуация при всей противоречивости ее последствий дает немалые шансы для укрепления позиций России на латиноамериканском направлении.

Перспектива взаимодействия России с латиноамериканскими государствами в предстоящий десятилетний период будет определяться:

Основной автор главы – директор Института Латинской Америки РАН, д. э. н., профессор **В.М. Давыдов**.

- поэтапным выходом части стран региона (прежде всего ведущих – Бразилии, Мексики, Аргентины, Чили и некоторых других) из периферийной зоны мировой экономики и политики;
- необходимостью диверсифицировать международные политические и экономические отношения РФ; ростом интереса российских корпораций к инвестиционной деятельности за рубежом;
- значительным сходством объективно обусловленных позиций по ключевым вопросам мирового развития;
- заинтересованностью латиноамериканских государств в доступе на российский рынок и в возможной активной роли РФ на международной арене в качестве альтернативного центра силы и влияния;
- возможностями качественного улучшения российского экспорта на латиноамериканских рынках, с одной стороны, а с другой – привлечения поддержки стран Латинской Америки действиям России на международной арене.

Общая характеристика ситуации

Регион, обладающий крупным и еще не полностью раскрытым ресурсным потенциалом, традиционно занимал периферийное положение в мировой экономике и политике, оставаясь преимущественно в зоне влияния США. С середины XX века он втягивается в противоборство двух сверхдержав, а Куба на протяжении десятилетий служила одним из основных камней преткновения в советско-американских отношениях.

Хотя во взаимодействии со странами региона со стороны СССР преобладали идейно-политические и военно-стратегические мотивы, торговый оборот достигал значительного объема не только с Кубой. Довольно высокие показатели отмечались в торговом обороте с Аргентиной (пик – 3 млрд долларов в 1981 г., когда она стала для нас альтернативным источником закупки зерна), Бразилией (пик – 835 млн в 1983 г.), Перу, Чили (до переворота 1973 г.), Никарагуа после победы сандинистов. В советском экспорте преобладала машино-техническая продукция (в Аргентину в 1980-е годы – свыше 80 %). Не только на Кубе, но и в ряде других стран региона СССР занимал

ся сооружением и техническим оснащением крупных инфраструктурных и промышленных объектов. В Аргентине 25 % электроэнергии до сих пор вырабатывается на нашем оборудовании. В целом ряде стран (Куба, Перу, Эквадор, Боливия, Никарагуа) имеется значительный контингент специалистов, получивших образование в советских вузах.

Уход СССР с исторической сцены ослабил левую часть латиноамериканского политического спектра, что привело к некоторой разрядке напряженности. Но нарушение прежнего баланса сил на международной арене сузило коридор стратегического маневра для государств региона.

В этой обстановке по региону прокатывается волна демократизации, во многом «стимулированная» извне. Мощное наступление предприняли силы неоконсервативного и неолиберального толка. Однако итоги их экспериментов разочаровали большинство населения. Обеспечив макроэкономическую стабилизацию и некоторый экономический рост, неолиберальная волна во второй половине десятилетия стала «захлебываться». Возросла уязвимость от внешних кризисных шоков. Обострилась имущественная поляризация, произошло вымывание средних слоев и маргинализация малоимущих. Задача адаптации к процессам глобализации была решена лишь частично.

Политическое положение

Настроения электората стали меняться, к власти конституционным путем приходят альтернативные силы и лидеры. Одна страна за другой переживают смену курса: Венесуэла (1998), Бразилия, Аргентина (2002), Боливия, Уругвай (2005), Эквадор, Никарагуа (2006). В других случаях (Перу, Мексика – 2006) левые силы если и не побеждают, то привлекают на свою сторону почти половину электората. Серьезное подтверждение общерегиональной тенденции дали президентские выборы в Бразилии в октябре 2006 г., убедительно продлившие мандат Лула да Сильвы. Воспроизводство левой политической культуры на латиноамериканской почве носит объективный характер. Сейчас же к ней добавляется «индейский ренессанс»: самосознание индейской массы растет, она вторгается в политическую жизнь в странах со значительным весом автохтонного населения.

«Полевение» региона не имеет общего знаменателя, реализуясь в широком диапазоне от леворадикального варианта (Венесуэла) до социально ориентированного центристского (Чили).

«Левый дрейф» сопровождается внешнеполитической активизацией латиноамериканских государств после периода продолжительного «затишья» в 1990-е годы. США пожинают плоды невнимания к региону на предыдущем этапе. Европейский союз, напротив, постепенно наращивает свои позиции. Тенденция, скорее всего, продолжится в ближайшие 4–7 лет. Особое значение приобретает сотрудничество в рамках Ибероамериканского сообщества. Новый фактор – поворот к АТР и, прежде всего, «прорыв» Китая на латиноамериканские рынки.

Перспективы региона

Учитывая переломный характер ситуации в регионе, прогноз в области экономики затруднен высокой степенью неопределенности. Вместе с тем в период до 2017 г. весьма вероятно:

- сохранение веса региона в мировом ВВП на уровне 7–8 %, и в мировом населении на уровне 8–9 %;
- продолжение тенденции к экономической дифференциации региона, включая рост потенциала Бразилии, Мексики, Чили и Аргентины с их отрывом от остальных государств. Перспективы Венесуэлы будут зависеть от конъюнктуры нефтяного рынка;
- технологическое обновление и формирование элементов «экономики знаний» будет носить преимущественно очаговый характер и в наибольшей мере проявляться в Бразилии, Мексике, Аргентине и Чили;
- в экономической политике будет преобладать неокейнсианская тенденция, ряд стран региона несколько продвинется в преодолении имущественного расслоения;
- Бразилия подтвердит статус восходящей страны-гиганта; усилится ее интерес к формированию в Южной Америке собственной зоны влияния.

Внутриполитическая обстановка

«Левый дрейф» в течение предстоящего десятилетия, скорее всего, продолжится, хотя в некоторых случаях возможен откат. Продолжительность левой волны будет больше зависеть от демонстрационного эффекта Бразилии, нежели Венесуэлы. Нестабильность в наибольшей степени угрожает Андскому поясу (Боливия, Перу, Эквадор, Колумбия), в наименьшей – странам Южного конуса.

В большинстве стран сохранится традиционная демократическая система, однако необходимость решения перераспределительных задач может в ряде случаев толкать к авторитарным элементам.

Предстоит изменение ситуации на Кубе. Наиболее вероятен поэтапный сдвиг в направлении «вьетнамского сценария» мирного перехода. Левый дрейф обеспечил Гаване серьезную опору, в особенности важна поддержка со стороны Каракаса.

Шансы преодолеть затяжной конфликт в Колумбии невелики. Но при благоприятных обстоятельствах (включая международную поддержку) возможно снижение его интенсивности. С другой стороны, при радикализации венесуэльского режима не исключено обострение отношений двух стран, приводящее к возникновению нового очага напряженности.

Международные отношения

В 2007–2017 гг. продолжится геополитическое соперничество США и Евросоюза за влияние в Латинской Америке, которое началось еще в 1990-е годы. К прежним «игрокам» добавляется КНР, а к концу прогнозируемого периода заметно возрастет роль Бразилии как регионального центра силы.

Следует ожидать относительного уменьшения влияния США, существенного прироста воздействия китайского фактора, некоторого расширения присутствия Евросоюза (прежде всего Испании).

Тенденция возобновления сотрудничества «Юг-Юг», по всей видимости, укрепитя и найдет практическую реализацию в расширении соответствующего сегмента торгово-экономических отношений. Ряд государств (прежде всего Бразилия) будет проявлять интерес к восходящим странам-гигантам других регионов (Китаю, России и Индии).

Начавшаяся перекомпоновка интеграционных блоков внутри региона и противоречия, обнажившиеся в ходе многолетних переговоров по поводу создания Панамериканской зоны свободной торговли, не позволяют прогнозировать их результаты. Реализация пан-американского проекта откладывается, она возможна в перспективе, но в урезанном виде.

Дальнейшее развитие Южного рынка (Меркосур¹) – наиболее мощного интеграционного блока в регионе, казалось бы, получило дополнительный экономический импульс с приемом в нее Венесуэлы. Но это вносит в него и конфликтный потенциал, присущий режиму Уго Чавеса.

Разграничение в геополитической и геоэкономической ориентации региона на северную (Мезоамерика и часть Карибов) и южную (Южная Америка) часть, проявившееся в последнее десятилетие, сохранится и впредь. Но для Мексики, например, предел ориентации на север уже достигнут и даже протезе правых сил, недавно победивший на президентских выборах, обещает сбалансировать внешние связи, в частности, поворотом на юг – к Латинской Америке. В свою очередь, на юге региона следует ожидать дальнейшую диверсификацию внешних экономических и политических связей в духе «открытого регионализма».

Вероятно нарастание дальнейшего оттока населения в США, Канаду и Испанию, что будет создавать серьезные проблемы в отношениях с этими странами (прежде всего между Мехико и Вашингтоном). Рост латиноамериканских диаспор в Соединенных Штатах будет превращаться из внутривнутриполитического фактора во внешнеполитический, в целом воздействуя на отношения с Латинской Америкой, возможно, ограничивая жесткость Вашингтона.

Сохранится приверженность подавляющего большинства государств региона принципам примата международного права, поддержке универсальной роли ООН, принципам нераспространения ОМУ, многосторонности (многополюсности) в решении крупных международных проблем. Трактовка проблемы международной безопасности будет носить интегральный характер – с включением социальных, экономических и других нетрадиционных компонентов.

¹ Включает Бразилию, Аргентину, Уругвай, Парагвай, а также Чили и Боливию в качестве ассоциированных членов.

Если распространение ядерного оружия (Дальний Восток, Центральная Азия и Ближний Восток) приобретет обвальный характер, ряд стран региона, прежде всего Бразилия, будут рассматривать вопрос о создании собственных ядерных потенциалов. В любом случае в регионе будет нарастать интерес к строительству атомных реакторов. В целом это будет создавать благоприятный фон взаимодействия с РФ на международной арене.

Российско-латиноамериканские отношения

Российско-латиноамериканские отношения испытавшие катастрофический спад в первой половине 1990-х годов, во второй половине прошлого десятилетия начали выправляться. В текущем десятилетии объем товарооборота и интенсивность политических контактов на высшем уровне превосходят показатели советского времени. В российской дипломатической практике регион выделяется в самостоятельное направление с растущим потенциалом взаимопонимания и взаимодействия на международной арене.

В торгово-экономической сфере до сих пор превалировала активность латиноамериканской стороны. Инертность российского бизнеса начинает преодолеваться лишь в самое последнее время. На латиноамериканские рынки стали выходить крупные корпорации («Газпром», «Русал», «Силовые машины», «Лукойл», «КамАЗ» и др.). Создается задел, который может реализоваться в значительных масштабах в предстоящее десятилетие.

В период 2007–2017 годов Латинская Америка останется важным резервом для расширения поля международной деятельности РФ и закрепления ее статуса мировой державы. Более того, сотрудничество с латиноамериканскими государствами сможет в какой-то мере компенсировать ослабление российских позиций на других направлениях.

В отношениях России с латиноамериканскими партнерами очень низок конфликтный потенциал. Имеется простор для инициативы. Скованность наших действий в регионе определяется медленной модернизацией российской экономики, сохранением «остаточного принципа» в нашей латиноамериканской политике.

Отношения РФ с государствами региона идут по восходящей линии, но явно отстают по формам, методам, содержательному наполнению от международных стандартов и того опыта в организации сот-

рудничества, который обретен латиноамериканскими странами в их взаимоотношениях с США, ЕС, странами АТР. Российской дипломатии предстоит решать следующие задачи:

- Диверсификация институциональной структуры взаимодействия, в том числе совершенствование договорной базы сотрудничества до современного стандарта двусторонних отношений.
- Создание механизма поддержки российских экспортеров машино-технической продукции и инженерных услуг.
- Принятие информационно-политических мер по улучшению имиджа России в общественном мнении латиноамериканских стран.
- Расширение поля сотрудничества на многосторонней основе; наведение мостов в отношениях с внутрирегиональными интеграционными группировками, вхождение в Межамериканский банк развития.
- Политико-дипломатическое присутствие РФ (в статусе наблюдателя) в ряде ключевых организаций на уровне полушария, прежде всего в Организации американских государств и Ибероамериканском сообществе наций.
- Выведение отношений с Бразилией на уровень стратегического партнерства уже в ближайшие 4–5 лет, наполнение его реальным содержанием.
- Перевод торгово-экономического сотрудничества с наиболее перспективными партнерами в формат соглашений об экономической дополняемости либо свободной торговли.

Заключение

В области экономических отношений по итогам 2006 г. торговый оборот Российской Федерации со странами региона превзойдет 7 млрд долларов. Ведущий партнер Бразилия (почти 4 млрд долл.). Сохранение существующих тенденций позволяет говорить о выходе на уровень 20–25 млрд долл. к 2017 году. Хотя бы частичное решение вышеуказанных задач политико-экономического характера позволит поднять планку до 30–35 млрд долларов, улучшив соотношение

импорта и экспорта и увеличив долю несырьевого компонента в российских поставках. Наибольшие шансы РФ сохранит в поставках энергетического оборудования.

В области военно-технического сотрудничества на предстоящее десятилетие приходится цикл обновления вооружений латиноамериканских армий. Поставки вертолетной техники, артиллерийского и зенитного вооружения, аппаратуры радиоэлектронного наблюдения могут стать важным и относительно стабильным компонентом российского экспорта в регион.

Можно рассчитывать на практическую реализацию соглашений о сотрудничестве в космической области. Это особенно важно в случае с Бразилией, учитывая выгоды от использования ее экваториального космодрома Алькантара.

Это, разумеется, будет сопровождаться трениями с традиционными поставщиками в регион. Российской дипломатии придется соразмерять интересы продвижения нашего экспорта с рисками осложнения отношений с США, а порой и с такими конкурентами, как Франция. Целесообразен переход российских поставщиков на формат производственной кооперации (прежде всего с Бразилией).

В области международно-политических отношений наиболее болезненным будет кубинский вопрос, особенно в случае неадекватных действий Вашингтона. Историческая ангажированность РФ не позволяет «умыть руки». Следует готовиться к сложным маневрам для обеспечения щадящих условий перехода и предотвращения столкновений. Важно при этом сохранить перспективу работы на кубинском рынке.

МИР ВОКРУГ РОССИИ: 2017
КОНТУРЫ НЕДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

Ответственный редактор
и руководитель авторского коллектива
С.А. Караганов

Редакционная коллегия

Т.В. Бордачев
В.А. Гусейнов
С.А. Караганов
Ф.А. Лукьянов
В.В. Радаев
И.Ю. Юргенс

Верстка и оформление
Н.А. Заблоцките

Подписано в печать 29.01.2007
Формат издания 70x100/16
Гарнитура NewBaskervilleС
Усл. печ. л. 10
Тираж 2000 экз.
Заказ .
160 стр.

Издательство “Культурная революция”
Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 9/4, стр. 1
Телефон/факс: (495) 621-8471